

ИНДИЙСКАЯ
ПОЭЗИЯ
XX ВЕКА

2

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

БИБЛИОТЕКА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА
ИНДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Том второй

Перевод с разных языков

Москва
«Художественная литература»
1990

ББК 84.5Ид
И60

Редакционная коллегия:

ЧЕЛЫШЕВ Е. П.

АЙТМАТОВ Ч. Т.

АНДЖАПАРИДЗЕ Г. А.

ЗАЛЫГИН С. П.

КОРОВКИН И. П.

КУЗНЕЦОВ Ф. Ф.

ЛЕОНОВ Л. М.

САЛГАНИК М. Л.

БИРЕНДА

КУМАР БХАТГАЧАРИЯ

Р.-М. БАКАЯ

ГАНГАДХАР ГАДГИЛ

АБХАИ МАУРЬЯ

ХЕМЧАНДРА ПАНДЕ

ВИШНУ ПРАБХАКАР

РАГХУВИР САХАИ

ИНДРАНАТХ ЧОУДХУРИ

Комментарии, краткие справки об авторах
О. Мелентьевой

Оформление художника
В. Харламова

И 4703020200-327 179-90
028(01)-90
ISBN 5-280-01248-3 (Т.2)
ISBN 5-280-01247-5

© Составление, переводы, не отмеченные знаком *, справки об авторах, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

Хем Баруа

ЗМЕЯ

В трепещущем лунном свете
Ночью летней
Внезапно я встретил
Скользкую золотую змею.

Взметнулось жало высоко,
Острое, как осока,
Взметнулось — и заплясало
В трепещущем лунном свете.

Заметив меня, задрожала,
Разгневалась, как книгочей,
От чтенья оторванный.
Яростно пламя очей,
Как будто сам Шива
Прервал, осерчав, размышленье.
Скользкое и золотое почувствовал я приближенье—
Поползновенье:
Со мной подружиться?..
Напасть?..
Не все ли равно, если это заманчиво?
Пусть
Неведение цели и смысла повадки змеиной
Меж нами повисло глухою, как дым, паутиной.
«А ты заклинатель?—
Спросила она наконец. —
А ты заклинатель и, значит, змеинный певец?»
Хотя угадала заранее, что я отвечу на это,
Меня невзлюбив за постыдную правду ответа.

«Для змей не поёшь?
Знать не знаю такого поэта!
И знать не хочу!
Вот лягушки с болота, вот ты.
В их пении больше, дружок, чем в твоём, красоты!»

И вновь поглядела презрительно:
«Может, простак,
Ты книги читал,
Ты ученый?
Скажи, что не так!
И много премудростей в книгах открыл и отметил?»
И снова на это я ей ничего не ответил.
И снова застыл —
И невежества лунная мгла.
Змее стало скучно со мною —
И прочь поползла,
Шипя на прощанье:
«Невежда,
Не хочешь, а надо
Зажечь в своём сердце
Священного знанья лампаду».

Бава Бальвант

НОВАЯ ГАЗЕЛЬ

Жизнь есть жизнь, а не чей-то сундук потайной.
Разве грех — наслаждение жизнью земной?

Разве свяжешь веревкой свободную мысль,
разве ветер и время осадит уздой?

Не осилить пути без царапин и ран.
Право, смерть предпочтительней жизни пустой.

Мимо окон твоих я хожу каждый день,
хоть надежды на встречу, увы, никакой.

Знаю, тайными узами связаны мы,
и скорблю, что не станешь моею женой.

Разве правду найдешь, если ради нее
ты боишься пожертвовать жизнью самой,

если ты о людском сострадании забыл
и пасуешь, как трус, перед каждой бедой?

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Благословенна земля!
Держат небо твои сыновья,
с гор твоих неприступных и гряд
юной жизни посланцы спешат —
водопады, потоки, ручьи
и, разверзнув воды свои,

звездам прохладу свою отдают.
Гималаи ледовую песню поют,
души высвобождая от пут
и цвести заставляя поля!
Благословенна земля!

Сколько солнц и лун молодых
на коленях играло твоих!
Блеск несчетных держав и корон
под песками тобой погребен.
Боги, цари, во вражде вековой
побежденные сами собой,
прибтели к твоей двери, пыля.
Кто бы вынес, если не ты,
груз людского греха и тщеты?
Благословенна земля!

Нет рабов во владеньях твоих,
и не делишь ты пядей земных.
По ладоням твоим — кто сочтет? —
сколько рек, словно судеб, течет!

О дай человеку величье реки
и океанскую цель нареки!
Дай в дорогу терпенье ему,
и не дай ему век коротать одному,
чувством братства людей наделя.
Благословенна земля!

Благословенна земля!
Перед каждой песчинкой твоей,
перед каждой дождевой твоей
преклонюсь, перед птахой любой,
перед всем, сотворенным тобой.
Все, что есть, со своей высоты
и прощаешь и жалуешь ты!

О земля, прочно трон твой стоит,
разрушение тебе не грозит,
и в лучах материнской любви
поколения, дети твои.
Приходили и уходили они —
да не будут им тягостны дни!
О земля, все, в чем нету души,

ты в зародыше задуши!
Нет предела щедротам земным,
светят звезды сияньем твоим.
Если рай существует, то он
на земле. До скончания времен,
о пребудь, свет бессмертья лия.
Благословенна земля!

ПУСТЬ ДУЕТ ВЕТЕР

Новый ветер сегодня подул.
Огонек нашей встречи с утра
разгорался, как пламя костра.

Новый ветер сегодня подул.
Ветер холода, ветер тепла,
боль из сердца бесследно ушла.
Может, ветер и впрямь — эликсир
для того, кто несчастен и сир.
Жизнь в меня он вдохнул.

Новый ветер сегодня подул.
Рады лотосы ветру — взгляни,
как на озере пляшут они!
И, в восторге от собственных сил,
ветер в танце меня закружил.
Дай же мне отогреть поскорей
твое сердце любовью моей!
Наша встреча сияет как свет,
тьмы разлуки как будто и нет,
каждый миг нашей встречи сейчас
вспоминаю я в тысячный раз,
ветру душу свою распахнул —
новый ветер сегодня подул!

Если я в воплощенье другом
ветром стать не смогу, может быть,
дай мне в новом рожденье моем
снова жизнь человека прожить.

Пускай дует ветер —
и разрушит горы скорбей,
пускай дует ветер —
и развеет мрак долгих ночей,
пускай дует ветер —

и погасит пламя страстей,
пускай дует ветер —
и осветит путь жизни моей.
Нежный свет в душу мне заглянул —
ах, как вовремя ветер подул!

Пускай, когда я умру,
дует ветер и надо мной
саван плещется на ветру,
торжествуя над смертью самой.

И пускай над далью земной
дует ветер и впредь
и огонь нашей встречи с тобой
продолжает ярко гореть.

И пускай по земле разнесет,
вслед за солнцем спеша,
семена моих дум и забот
ветер — песни моей душа.

И, летя над пучиной морей,
паруса наполняет вдали,
чтобы волны по воле своей
не сбивали с пути корабли.

Дует мой ветер — пусть,
дует твой ветер — пусть.
Новый ветер сегодня подул,
пусть ветер дует — пусть!

КОЛОННА АШОКИ

Это, может быть, вечный исток
или тысячелетий река.

Эти волны новы каждый день,
и свежа каждый день глубина.
Каждый день пламя лампы ново,
хоть горит век за веком она.

По прошествии тысячи лет
новизною пленяет людей
свет искусства — и дали веков
освещает из нынешних дней.

И пьянит новизной аромат
даже больше, чем сами цветы.
После смерти в ночи каждый день
полон свежести и чистоты.

Видно, сущность всей жизни земной
в этом таинстве заключена,
эликсиры бессмертия — в нем,
в нем — и вечность и в нем — новизна.

Предуказано ей разрывать
цепи жизни и смерти, — и ей
предназначено освобождать
от печалей земных и скорбей.

О колонна Ашоки, скажи,
сколько ты повидала царей?
Где они, кто искусство хотел
побрякушкою сделать своей?

Где они, кто разбил об тебя
глупый лоб? Но тиранам назло
не страшилось искусство меча
и бессмертную суть берегло.

Потонули в твоей тишине
громы тысячи битв и побед.
Жизнь без света искусства — обман,
ни души в ней, ни разума нет.

Свет искусства вселяет огонь
даже в существование раба,
с ним — безвольный способен постичь
смысл великого слова — борьба.

С ним — упавшие снова встают.
и бурлит в жилах кровь веселей,
и свобода сзывает бойцов,
и они устремляются к ней.

Солнце в небе искусства горит,
если мир поглощается тьмой.
Изгоняет искусство глупцов
и приводит мудрейших с собой.

Привязал всемогущий Раван
время к трону, преданье гласит.
Время к трону искусства само
привязаться покорно спешит.

Без искусства утратит народ
все бывшее величье свое.
Ты представь: свет искусства погас.
Что тогда на земле — бытие?

Ни Помпеи, ни Мохенджодаро
нет давно, но из страшных могил
их искусство на свет извлекло,
и мрак смерти от них отступил.

И рожденным из рыбьей икры
и яиц черепаших на свет, —
как искусству, создавшему их,
жить богам до скончания лет,

И рожденным из горных снегов,
и рожденным из пены морей, —
как искусству, создавшему их,
жить богам до скончания дней!

Сладкий ветер искусства несет
в даль, где каждый поступок и миг
предстает в новом образе вдруг,
обретает невиданный лик.

О колонна Ашоки, избавь
нас от бедствий земных и скорбей,
непокорность свою одолжи
слабым душам несчастных людей.

Ты в уставшие души живых
силу воли и творчества льешь.
Тот, кто правду искусства постиг,
отвергает коварство и ложь.

Дай же новую силу ногам,
что едва полдороги прошли:
пусть индус твой завет передаст
многоликому миру земли.

Всем воюющим он передаст
Гаутамы Будды завет:
может быть, в черном мраке войны
воссияет спокойствия свет.

ПОГОНЩИКИ КАРАВАНА ПРОШЛИ

Погонщики каравана прошли.
Края неба достигли их тени.
По мертвой пустыне,
оставляя навечно свой след,
проплыли верблюды,
как корабли.
По бессчетным волнам песка
погонщики каравана прошли.

Страны золотой владыки
прошли,
потихоньку прошли.
Глаза от радости полуприкрыв,
ты смотришь и смотришь на них.
Кто знает, что это —
явь ли, мираж.
Колокольчики смолкли вдали.
В чаше души
с желаньями перемешаны сны,
но некому пить, все ушли.
Чаша — в песчаной пыли.
Погонщики каравана прошли.

Глаза затуманены жаркой мольбой.
Радость измучила нас.
Кто разбил свой ситар и ушел?
Снова он возвратился — Пунну.
Ярче, ярче горите лучи!

С безнадежностью вместе
сожгите надежду:
спящую увидев Сасси,
Пунну повернулся
и ушел — уже навсегда.
Исцелит ли пустыня ожоги свои?

Погонщики каравана прошли.

Ахтар уль-Эман

КОГДА ЖЕ?..

В сумрачном море — в пучинах горя —
тонут надежд померкшие зори.

Скорей догорели бы старые свечи —
мучительные года: 7,5
Пускай изойдут, истают по каплям,
в слезах уснут навсегда.

Скрываясь в густых тенях, неизвестность
тоскливые сказки ткет,
Летят светлячки — разбиваются насмерть
о грудь железных ворот.

Распалась угрюмая дрема тумана,
в прохладу росы превратясь.
На лезвиях пламени, ярких, острых,
желанная весть родилась.

А в зале хрустят разбитые кубки,
с пирушки уходят друзья.
Смотри, виночерпий: к закату склонилась
несчастливая юность твоя.

Когда же взойдет долгожданное солнце,
рассыплется дряхлый гнет?
Исчезнет страданье, воспрянет народ —
когда же?..

НЕЗНАКОМЫЙ ГОРОД

Я — в незнакомом городе, гляжу на жизнь чужую,
На толпы суматошные мелькающих людей.

Гляжу на храмы старые, террасы и лавчонки,
На изваянья новые — на бронзовых вождей...

А вон большая очередь ждет у ворот больницы —
При виде стольких страждущих душе еще грустней.

Деревья полуголые вдоль улиц протянулись,
А дальше — зданья пышные: театр, почтамт, музей.

Рекламы новых снадобий расклеены повсюду:
От всех болезней вылечат всего за пару дней.

Битком набит соблазнами громадный этот город,
Страной мечты он кажется — беспечный чародей.

Лишь потому, наверное, что в толпах этих шумных
Нет никого, кто ведал бы про гнет судьбы моей,

Нет никого, кто вспомнил бы грехи мои, обиды —
Нет ни смертельных недругов, ни братьев,
ни друзей.

РАССТАВАНИЕ

Там, над пустынной дорогой, — легкое облачко пыли...
Дом твой сегодня покину — вдаль на рассвете уйду.

Буду скитаться, одной лишь надеждой согрет,
В дальнем краю, где встречаются ночь и рассвет,
Где у заветной черты, обновляясь душою,
Судьбами вечно меняются ночь и рассвет.

Кто мне ответит: вернусь ли радостный, преобразенный,
Новую душу в скитаньях я обрету — или нет?

Скоро ль вернусь — это ведает только творец,
Жизнь — это жизнь, а не цепь из железных колец,

Но если б даже была она цепью стальной,
Рано иль поздно порваться и ей наконец.

В жаркую глубь погружаясь, в море струящейся лавы.
Солнечный шар пламенеет, как раскаленная медь.

Меркнет кипучее море закатных огней,
Кровь источая, становится море мрачней...
Как я узнаю: найду ли друзей по дороге?
Как я узнаю: достигну ли цели своей?

Встречу, не встречу ли правду в чужой стороне,
След отыщу ли, ведущий к добру и весне,
Тысячи раз буду в мыслях к тебе возвращаться —
Пусть не погаснет светильник в знакомом окне.

Ах, эта струйка надежды из-под ресниц насурьмленных—
Пусть никогда не иссякнет, скорбной не станет она!

Мы еще встретимся, слез понапрасну не трать,
Путь мой — не смерть, и не надо в тоске трепетать.
Видишь: дрожит, как живая, тропа, по которой
В сад опьяненья к тебе поспешил я опять.

О, как нежны и отрадны сумерки над горизонтом,
Где дотянуться до неба может губами земля!

Снова высокая цель призывает меня,
Мужества огненный хмель опьяняет меня,
Голос тревожный, летя через горы и степи,
Снова из дальних земель окликает меня!

Блекнет, как брызги росинки, звезд серебристая россыпь.
Дом твой сегодня покину — вдаль на рассвете уйду.

Прабху «Вафа»

МОЕЙ БЛАГОУХАННОЙ

О тела аромат,
улыбки ясный цвет!
Кто лучшие цветы
соединил в букет

Я с лотосом сравнил
цветы любимых щек —
Смутилась кроткая
и покраснел цветок.

Шаль соскользнула с плеч,
и — клясться вам готов —
Их аромат затмил
дурманы всех цветов.

Но, как ты ни хвали
ее душистый стан,
Он только стебелек,
что розе сердца дан.

Как в поле с ветерком
качаются цветы,
Так, испытав любовь,
цветешь, о юность, ты.

К.-С. Нарасимхасвами

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Тихо пел я, лютню за гриф обхватив,
И людям понравился мой мотив.
Они спросили: «Песня твоя?»
И сказали: «Пойдем-ка в другие края».

Я подумал: «А ну-ка, увижу свет!
Багажа — только лютня; пожитков нет».
И отправился с ними прочь,
Лишь на мир опустилась ночь.

И вот весною, в чужом краю,
К чистому мы подошли ручью,
Достали еду, чтобы есть потом
При свете факелов золотом.

Кто-то в потемках узнал меня,
Спросил про то, как живет родня,
А потом, забывши про поздний час,
Попросил: «Сыграй то, что *в первый раз!*»

Если просят меня — я всегда пою,
Легко достал я лютню мою,
Цветами обвил ее, и в тишине
Чисто и звонко запелось мне.

Но какую именно песню петь —
Я вспомнить не мог, не вспомню и впредь.
Разносился за звуком звук,
И ночь лежала вокруг.

Я новую песню решил сложить,
Моих попутчиков ублажить, —

Было немислимо дать отказ
На просьбу: «Сыграй ту, что *в первый раз!*»

И я попутчикам на берегу
Признался честно, что не могу
Песню припомнить. Поднял лицо:
Друзья, напомните хоть словцо!

— Ты молод, припомнишь, — сказали они, —
Лучше в лютию внимательно загляни,
Ты, пожалуй, упрятал песню на дно! —
Кто-то так сказал. Всем стало смешно.

Но поняли скоро мои друзья,
Куда пропала песня моя,
И сами сказали: «Разгадка проста,
Песня — в сердце, но не идет на уста».

А сам я понял, подумав чуть-чуть,
Что песни моей уже не вернуть,
Что песня в сердце к друзьям ушла, —
И была заря над миром светла.

Над рощей слышался птичий клик,
Чистой водою звенел родник,
И лотос был безмерно красив,
Цветы свои для пчел приоткрыв.

НА ВОКЗАЛЕ

— Где ты, Мина? Тебя найти не могу!
— Вот я, мама, к тебе бегу.
— Всѣ с тобой, уверена ль ты вполне?
— Мамочка, мама, все при мне.

— А все-таки — спальный мешок взяла?
— Ну, право, мама, что за дела!
— Опять глядишь неизвестно куда?
— Такая уж, мама, со мной беда.

— Хватит ли тебе кипятка,
Молоко готовить из порошка?

— В термосе, мама, есть кипяток.
(Да и влага в глазах, — дай возьму платок.)

— Подержи-ка ребенка, Мина, как раз
Помажу личико маслом сейчас,
Какой горячий! А поезд вот-вот,
Мина, пожалуйста, уже отойдет!

Звонок, и свисток, и взмах флажка,
Разлука очень недалеко,
Дрогнул железнодорожный состав,
От платформы резким рывком отстав.

— Мама, не подходи к окну,
Я и отсюда тебе кивну,
Ты же — напутственно — пока
Благослови меня издалека!

И вот уже кричит паровоз,
Понемногу сдвигая тяжесть колес:
— Где ты, Мина, дочка моя?
С тобой еще не простилась я.

Искры летят, и едва-едва
Можно расслышать в шуме слова:
— Здесь я, мама, здесь, посмотри,
В вагоне я, в вагоне, внутри!

— Мина, скорей закрой окно!
Обжечься искрой немудрено!
— Закрою, закрою, о чем и речь:
Искры нас не смогут обжечь.

Я ВСПОМНИЛ ТОТ ДЕНЬ...

Через тридцать лет я вспомнил о том,
Как ты впервые вошла в мой дом,
Вспоминаю, как встретил тебя впервой:
Как прекрасен в памяти облик твой!

Но тридцать лет ушли в забвенье.
И снова я вижу письмо твое,

В вечерних сумерках, под дождем
Пришел я в твой дом.

Веселой была твоя семья,
Стайку девушек юных увидел я,
А среди цветов — я увидел бутон,
Что зеленью листьев был обрамлен.

Ты поставила передо мною, легка,
Чашку горячего молока,
Я смотрел на пенку, на молоко —
Тяжело мне было или легко?

Отец познакомиться вышел со мной,
А думал я — о тебе одной,
Мать вплела тебе в волосы алый цветок.
Ни о чем другом я думать не мог.

На меня ты взглянула, делая вид,
Что все это лишь тебя веселит,
Что тебе до прочего дела нет —
И спела из песни любимой куплет.

Узнать родители были не прочь:
Хорошо ли поет их любимая дочь?
— Я все напишу вам завтра в письме!..
От тебя ушел я с туманом в уме.

И хотя прошло три десятка лет,
Но дня того не изгладился след,
И память — как песня об этом дне,
В любви, что ты подарила мне.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Вел ночью муж беседу со мной —
Чей город лучше — его или мой?
Какому из них предпочтенье отдам —
Откуда я родом — или он сам.

— Зачем задаешь этот странный вопрос? —
Глаза мои были исполнены слез. —

Давай расскажу я, каким во сне
Твой город привиделся мне.

К чему так ревниво, в который раз,
Спрашивать? Выслушай мой рассказ.
Там будет все про нас.

Яркое солнце, воскресный день.
Пальмы, щедро дающие тень.
Пьянит жасминовый аромат.
Ярмарка в городе, говорят, —
Вот дорога, ведущая в город мой.
По ней на ярмарку идут гурьбой
Женщины города твоего —
Улыбка и озорство.
Я вижу их лица, слышу их речь —
Но в слово мысль не смогу облечь.
Только сердце поет:
Оттуда они, где любимый живет!
Ты присылаешь повозку за мной,
Меня увозят к тебе домой.
Потом — малыша слышу радостный крик,
Вот ты у ворот. Вот ко мне приник.
Я вижу тебя и, потупив взор,
Завожу с тобой разговор.

Камбадасан

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Любовь возникает между цветком и взором,
Любовь оживает между мечтой и стихами,
Любовь полыхает между лазурью и солнцем,
Но может ли быть любовь между свечой и ветром?

Любовь струится между губами и песней,
Любовь таится между мольбой и надеждой,
Любовь веселится между павлином и павой,
Но может ли быть любовь между тигром и ланью?

Любовь звенит между ручьем и кувшином,
Любовь шуршит между серпом и пшеницей,
Любовь скользит между водой и рыбой,
Но может ли быть любовь между огнем и дровами?

Любовь царит между листьями и корнями,
Любовь бурлит между берегом и волною,
Любовь возносится между храмом и небом,
Но может ли быть любовь между раем
и злодеяньем?

ВРЕМЯ

Перед кроватью огонек плафона
стал жгуче-красным, точно хвост тритона —
когда дрожит он накануне урагана, —
и книга выскользнула у меня из рук.
Я затворил окно,
и там, снаружи,

в крошечной тьме ночной,
светила полыхали светляками
и, как тритоны, били плавниками.
А тут, внутри, я сам дрожал,
как рыба на блесне.
Я превращался в слух, электризуясь
мелодиями флейты — и желанье
рвалось ключом из скважины, касаясь
всего, что сокровенно и глубинно.

И, словно узник к тесноте своей темницы
или пчела к соцветью медуницы,
я был привязан к музыке; она
вела меня в обитель мертвых, там
я видел одинокого мужчину,
который заклинал игрой на флейте
змею в расширившемся капюшоне.
Я закричал спросонья:
«Остерегись, ее укусы смертельны!»

Он был, возможно, глух.
Он не ответил мне.
Лишь музыка, рожденная в союзе
малютки флейты незамысловатой
с тоскующим его дыханьем,
лилась...

И я переставал бояться.
Я видел в небе полосу зари,
белесую и липкую, как молоко
в сосуде черном ночи. Я следил
за выражением его лица:
прекрасное лицо слепца,
вписавшееся в слепоту Вселенной...

Он мне казался
черной, грозной тучей,
которая снижается и льет
потoki музыки.

Хари Дильгир

НАПЕВЫ

Бабочек мыслей ловлю
сетями слов.
Но многие улетают.

Песням моим я сообщаю
ритм сердечных ударов,
но некоторых песен недостает.

Флейта моей жизни передает
ритмы и мелодии Вселенной.
Но не все колебания и волны
улавливает ухо.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

Я — стар?
Нисколько.
Ты, возможно, стар!
Не властно время увеличить возраст
и дух могучий укротить не в силах.
Ты стар? Так значит, не был молодым.
Ты молод? Стало быть, ты вечно молод.
Я буду молодым до самой смерти.

В саду
великодушный мотылек
ласкает все цветы поочередно
и втягивает в тело их нектар...

Но ни в одном пленительном кругу
я не задерживаюсь слишком долго.
Затворничают только старики,
а я свободен и всегда бегу
лишь вровень с современностью, а часто
опережаю время, потому что
я вечно молод...
Ты, возможно, стар.

Притам Сингх Сафир

ЖУРАВЛИ ПРИЛЕТАЮТ КАЖДУЮ ОСЕНЬ

Сколько долгих лет минуло, сколько веков кануло,
Сколько журавлей сгнуло в небесах осенних, пустых.
Животворит—лоно женское, носит плод—чрево женское,
Мир баюкает женщина в тихих руках своих.

Шествуя долгой чредою,
Ночи вечностью стали.
Вечность черной чадрою
Накрывала мужей и жен, —
Ибо, страстью объятые,
О смерти они забывали.

Сколько полных озер высохло, сколько гор на земле
рухнуло.
Не успели изречь главного провидцы и мудрецы, —
Путь остался непознанным, путь остался
непройденным, —
На смену жрецам и пророкам в мир явились слепцы.

Лживо мерцают светила,
Вера моя поколеблена —
Когда умирают боги,
В чем опору найти?

Сотворенное Брахмой — рушится,
Истончается — Вишну хранимое,
Отныне Шиве трехглазому
Предстоит пролагать пути.

Глядя в моря соленые,
Глядя в их воды зеленые,
Слышу стоны умерших —

Весть о кончине миров.
Равана рев угрожающий,
Ужас, объявший землю, —
Душам бесплотным внемлю,
Гибели чую зов.

Сколько эпох минуло, сколько веков кануло,
Сколько героев сгинуло, — помнит ли кто о них?
Нетленно лишь лоно женское, носит плод чрево
женское, —
Мир баюкает женщина в тихих руках своих.

И, как всегда по осени,
Слышен клик журавлиный,
И, как всегда по осени,
Ветру наперерез, —
Птицы кружатся все ниже,
Птицы — все ближе и ближе, —
Души крылатые, светлые
Перья роняют с небес.

Отчего они плачут, чистые, отчего они плачут, светлые?
— Мир страданиями полнится, мир погибает во зле. —
Вот что они увидели, вот что они услышали, —
Скорбными изваяньями птицы стоят на земле.

Алчущих, злобных, жестоких
Сердец на свете немало.
Ни мольбой, ни молитвой
Пронять их не удалось.
Плавно ли время струилось,
Быстро ли время бежало, —
Слезы несчастных и кротких
Стали рекою слез.

Та река течет плавно, та река течет ровно,
Та река течет тихо, рябь — и та не видна.
Но река полна горя, но река полна крови, —
Может быть, течет к морю? И вода в реке — солона.

Словно в ответ смиренным,
Богобоязненным, кротким,
Тем, кто считает неправедным путь
перемен,

Мукой людской исполнено, грозно вскипает
море,
Повелевая смертным подняться с колен.

Тяжесть пути земного
Смертному предначертана, —
Средь невзгод и страданий
Тонкая вьется нить.
Но если отважится смелый
Подвинуть камень тяжелый, —
Неужели в долине бесплодной родник не сможет забить?

Богатым снится богатство,
Их сны — тяжелые слитки, —
Жизни влечатся улитки
От гибели на волосок;
Это кошмары ночные
Свои развивают свитки,
Шепчут:
— Вы кровью намыли
Золотоносный песок.

Свежесть подари, ветер, детям одного лона,
Тенью нас укрой, древо, щедрою своей кроной —
Пусть исчезнет зло в мире, разорвутся тьмы сети,
Радостно зарю встретим, чрева одного дети.

Ноет сердце земли, сердце болью исходит;
Рано слишком ушли лучшие чада ее.
Раны земли залечи —
Пусть она плодородит,
Пусть зашумят сады,
Там, где росло былье.

Поровну раздели золото урожая —
И оглянись вокруг, — сколько радостных лиц!
Навстречу друг другу идут — радуясь, не угрожая.
Птицы в ветвях поют, — птицы не знают границ.

Вот зима прошла, минула; лето отошло, кануло.
Снова журавли — стаями, в небесах осенних, пустых.
И душа тревогою полнится, все скорбит она

и печалится, —
Клики журавлей слушаю, — что мне в этих звуках
простых?

Видно, вновь осенние вестники, прилетев с далекого
севера,
Пролетев над бедной землею, принесли на крыльях беду.
Я гляжу на небо с надеждою: может, все изменится
к лучшему?
Но когда настанет то время, в даль времен я тихо уйду.

ГОРСТКА ЗЕМЛИ

Горстка земли —
долго всматривался в нее,
чьи-то черты я увидеть хотел — не увидел,
чью-то улыбку увидеть хотел — не увидел.
Наконец,
я отвел усталый свой взгляд.
Просыпалась горстка земли между пальцев.
Хлынули слезы внезапно из глаз.
Боже мой, горстка земли!

Горстка земли —
в ней заветные сны
дальних и ближних миров,
воплощены в ней мечты
рек, облаков и цветов.
Извечный свой круг
завершив,
сыплется наземь
горстка земли.

Горстка земли —
обрети
душу живую,
ввысь,
к далекой звезде,
вознесись.
Вознеслась и моя душа,
блуждает в пространстве...
Там, где храм красоты,
в поклонниках нет недостатка.
Ни страстей, ни желаний,
ждет воплощенья душа, негодуя.
Под ногами у нас
горстка земли.

ВЫПРАШИВАЮ УЛЫБКУ

Как милостыню попрошайка,
выпрашиваю улыбку.
Приди — и другого блаженства
не надо душе моей!

Мне кто-то сказал, что в тебе
достоинств особенных нет,
какой-то добряк намекнул
на какие-то сплетни и слухи.
Да ну их! Любовь не дождется,
когда ты придешь и когда,
любимая, будешь со мной!

Неужто ты даже не знаешь,
как я по тебе стосковался,
неужто тебе не понятно,
что жить без тебя не могу?
И все, чем я мог бы гордиться,
так это в тебе видеть отблеск
любви неизменной моей?

Увы, о любви ли мне думать,
когда я в тоске и печали,
а ты надо мною смеешься:
какой, мол, беспомощный я.

Любовь как прекрасная лодка,
и ты, хохоча, управляешь
послушной любовью моей.

О дай мне, тобой любуясь,
увидеть воочию бога,
я знаю, — и ты испытаешь
бессмертное счастье — любить.
Ах, если придешь, затрепещет,
как птица, от счастья и муки
любовь в каждой клетке моей.

НИЧЕГО В ЭТОМ МИРЕ НЕТ

Ничего в этом мире нет,
кроме этой звезды,
ничего в этом мире нет,
кроме моей беды, —
и спасенья мне нет.

Ты — мой мир и моя душа,
ты пришла — зажегся огонь
и потух — когда ты ушла.
Дай хоть один глоток
от улыбки твоей —
и буду счастлив сто лет!
Даже холодный твой взор
теплее любого тепла.
С той поры, как увидел тебя,
ничего в этом мире нет.

Ты моей мудростью стала,
ты моим зрением стала.
Если люди узнают,
что ты любишь другого,
кто меня обвинит?
Разве я в чем-нибудь виноват?
Словно молния в небе
вся на виду душа,
как океан, глубоко
затаена моя страсть.

Даже раны на сердце моем
пылают любовью к тебе
и боль разделяют мою,
короткая ночи со мной.
Ничего в этом мире нет,
кроме тебя одной.
О свет глаз моих, кроме тебя,
никого в этом мире нет.

Дина Натх Надим

ЛУНА

Луна поднимается из-за горы —
лоскут голубого пампурского твида,
где темные пятна и две-три дыры,
и каждому, в небо глядящему, видно:
луна — что-то вроде фальшивой рупии,
что сунет подрядчик поденщице в руки.
Луна, как монета в ладони у неба.
Луна — каравай у земли на плечах,
коврига небесного белого хлеба,
а облако — словно готовый очаг,
горячая печка с дымящейся пищей —
отваренным рисом...
Стою, будто нищий,
под небом полуночным, в лунных лучах...

ТЫ НЕ ПОМНИШЬ

Не помнишь ты, любимая, те дни,
когда мы были юными. Одни,
смущенные, не говоря ни слова,
глядели друг на друга, и вдвоем
мы жили только предстоящим днем,
а жизнь была убога и сурова.

Но даже и теперь, когда листва,
желтея, облетела, и права
берет зима, и спит земля пустая,
горит светильник — огонек любви,
горит как сердце, как глаза твои,
по-прежнему горит, не угасая.

Пока он жив, надежда не ушла.
Придет весна, нежна и весела,
и на тебя похожие тюльпаны
раскроются, и с голубых высот
прольется свет, и ветер донесет
твой аромат, дурманящий и пряный.

УТРО

У одинокой утренней звезды
печальная судьба. Она, как путник,
потерянный в пустыне. Караван
ушел вперед. А одиночка сбился
с пути, и бродит, и зовет своих...

Тюльпан раскрытый поманил звезду
к себе. Она упала вниз, на землю,
рассыпалась росой. И все цветы
возликовали, и раскрылись почки.
Теперь звезда не одинока. Здесь
она — цветок среди цветов и капля
росы на листьях и плодах. И сад
открыл ей тайну жизни: — Позабудь
себя во имя всех, и все тебе
протянут руки. Себялюбье — смерть!

РОДИНКА

Ты на лице красавицы моей
между бровей,
как маленькое солнце, как алмаз,
с которым Нагирай в рассветный час
рассталась,
чтобы встретиться с Хималем.
Ты — как цветок,
что, свеж и беспечален,
взошел на нашем поле; ты — как пламя
рассвета в небесах над облаками.

Ты, родинка, —
жемчужина,

ты — сны
Меджнуна,
грезящего о любимой,
ты — капелька росы
во тьме, глухой и нелюдимою.

Ты, родинка на лбу
возлюбленной моей, —
примета красоты,
лучей средоточенье.
Ты будто Нур-Джахан,
и нет тебя милей,
ты — лань.
испуганная чьей-то тенью.

Ты, родинка, —
сережка у виска.
Ты — молния
над холодом Хармука.
Ты вся — любовь:
блаженство и тоска,
и ожиданье,
и слеза, и мука.

Ты, родинка,
горишь неугасимо.
Тебя, подобную рассветным зорям,
увиду — радуюсь,
как мать над сыном,
как голодающий —
над горстью зерен.

ПЕРВЫЙ ЦВЕТОК

Вижу красный тюльпан —
он цветет и пылает огнем.
Он согрел мое сердце,
и прошлое ожило в нем.

Помню юные дни
и свиданий ночных череду,
наши тихие речи
у старой ограды в саду.

Я гляжу на лужайку,
что зазеленела опять —
так на взрослого сына
глядит восхищенная мать.

Розовея, сверкая,
горят облака на заре,
и приходит весна
хоть еще и зима на дворе.

А как воздух прозрачен,
а ветер — так ласково тих,
а рассвет — как невеста,
а розовый сад — как жених...

Распускайся, тюльпан,
одинокий печальный цветок.
Вспоминая былое,
я так же, как ты, одинок.

Я СПРОШУ

Я вижу: над восточными горами
мерцает свет. Откуда он?
Его послал, быть может, небосклон,
чтоб, словно драгоценными камнями,
осыпать землю небывалым светом.
Звезда! Я у тебя спрошу об этом.

Я вижу: среди гор бежит поток,
неугомонный водяной клубок —
по склонам, зеленью одетым.
Куда бежит он, весел и глубок?
У водопада я спрошу об этом.

Чьи пот и кровь, чей потаенный зов
в тиши беседок и на дне ручьев,
в жасмине, солнцем обогретом?
Я у садов Кашмира, у садов
спрошу об этом.

Кто каплю крови обратил в рубин,
кто жемчугами землю окропил,

ее украсил огнецветом?
Красавица, отрада, божество,
приди — у ожерелья твоего
спрошу об этом!

ОТВЕТЬТЕ!

Доколе мыслям оставаться
бесплодными словами?
Доколе будут воздвигаться
преграды между нами?
Доколе будет наша совесть
изнемогать во сне?
Вы, люди власти и богатства,
ответьте мне!

Доколе будут справедливость,
и равенство с рожденья,
и благородное величье
страдать от униженья?
Доколе совесть будет чахнуть
в дремотной тишине?
Сородичи мои живые,
ответьте мне!

Доколе нами будут править
казна и произвол,
когда бедняк за чашку риса
работает как вол,
а богачу живется сладко
и всей его родне?
Хозяева и властелины,
ответьте мне!

Доколе одному — богатство,
другому — нищета,
одним — избыток, а другому —
нужда и маета?
Властители пера и кисти,
на чьей вы стороне?
Друзья — художники, поэты,
ответьте мне!

ЗАВТРА

Когда во мне проснется гнев,
и сердце бросит вызов буре,
и гром прокатится в лазури,
и пыльный день в осенней хмури
замрет, тревогу одолев,

когда ударит в небо свет
моей отваги — факел гнева,
и молнии ему вослед
прорежут одеянье неба,
и, вспыхнув ярче маяка,
мгновенно выступят из тьмы
созвездия, и облака,
и опустевшие холмы,

когда моей удачи ветер,
в расцветшем розовом саду
зашелестит, и на рассвете
цветы, к которым припаду
с любовью, будут вновь и вновь
мне обещать: «Придет любовь
с благоуханием одежд,
с живым дыханием надежд», —

очистится моя душа,
и рабство у меня в крови
исчезнет, и вино любви
мы выпьем, вольностью дыша.
Светила полночи и дня
придут благословить меня.

НАША РОДИНА

Наша родина —
гордость весны, цветок;
аромат молодой надежды;
Шалимара весеннего уголок;
шелест новой одежды;
лотос в полном цвету
на зеленых склонах;

свиданье в саду —
примиренье влюбленных.

Вся поляна в цветах;
алый детский румянец;
гирлянды роз;
время юных грез;
опьяняющий танец.

Свет очей моей дочери;
исполнение желаний;
рассвет бело-розовый ранний;
юная мать и дитя на руках.

Праздник пахаря и рыбака,
вечер на озере Дал,
зеленый миндаль;
аромат молока.

Хороша
кашмирская шаль;
волшебна игла швей;
ткани тонкие шерстяные,
статуэтки резные —
богатства твои.

Охраняем тебя от недоброго взгляда
Каждое сердце согрето
пламенем Хаббы Хатун и Лал Дэд.
Слышим новую музыку —
песню весеннего ветра,
голос рассвета!

ГОРЬКОЕ И СЛАДКОЕ

Кружатся мотыльки у тихого огня,
как новобрачные во время танца
на свадьбе. Девушка стоит одна
в тени большого дерева. Она
дрожит. И щеки пламенем румянца
охвачены. И шаль ее в поту.
Она в тревоге. Ей неважно.

Испуг и страсть. И запах гиацинта.
Сандаловое дерево в цвету...
Она идет на омовенье. К ней
цветов бутоны, как головки змей,
надменно тянутся, как к Клеопатре —
и стан обвит гирляндами огней.
Звенят браслеты. Занавесь в окне
колышется. И шепот в тишине.
И полночь. И глаза ее огромны
и все на свете обещают мне.
От жадных губ, от горделивой шеи,
от шелка, облегающего стан, —
замру без слов, без чаши опьянею...
Приму в объятья, припаду к устам,
моя чинара, день прохладный мой,
мой кипарис, высокий и прямой!
Лицо зари пылает. Облака
горят, и, набежав издалека,
набухшую траву качает ветер,
и льется аромат. И жизнь сладка.
Но неужели радость без конца
таит в себе страдания начало?
Шакунтала вернулась в дом отца,
когда сама все это испытала.

Гаджанан Мадхав Муктибодх

БРАХМАРАКШАСА

В руинах старинных дворцов
за городской чертой
забытый колодец есть
Его питает родник
Ступени ведут вниз
сквозь толщу застывшей воды
и холодную темноту
спускаются в самую глубь...
Не может понять никто
на чем он вообще стоит
и можно ль нащупать дно?

Деревья растут вокруг
В безлюдной густой тишине
ветвями за годом год
не спеша оплетают его
Шапки бурых и твердых гнезд —
когда-то жилище сов —
свисают с корявых ветвей.

Влажный воздух тяжел
Смрад гнилостных чащоб
лесной одуряющий дух
убивает приятный сухой аромат
идуший от светлых и добрых дел
от давней приветливой доброты
Эта вонь разрастаясь густея
превращается вдруг в подозрительный

страх

Звезда разгораясь на небе
облокотилась зеленым лучом
о краешек твердый колодца и отдыхает.

А рядом
клокочут малиновые лепестки —
распустился мой заветный цветок...
Он меня зазывает в несчастье
туда где темный колодец уставясь в пустое
небо
разинул каменный рот.

Там в бездонных и гулких глубинах
живет Брахмаракшаса
бормочущий как сумасшедший
пугающие слова
Доносятся бормотанья раскатисто громким
эхом

шумят как подземные реки
И мнится: коросту грязи
смывают с громадного тела
Днем и ночью Брахмаракшаса
трет и трет свое черное тело
надеяться хочет жаждет
очиститься от греха
Скоблит отмывает лапы
в бесконечном и нудном ритме
полощет себя как белье —
все равно остается грязь!
И вдруг с его губ
несутся
неслыханные проклятья
раскаленные гневом мантры
шквал отборной санскритской брани.

На лбу Брахмаракшасы
морщины сходятся воедино
сплетаются в нити мыслей
погружают его в безумье
остается одно лишь чувство.

Но когда солнечный зайчик
скользит смеясь и танцуя
по темной стене колодца
и касается нежно кожи
он думает —
это солнце ему говорит «здравствуй»
и почтительно бьет поклоны.

Когда же лунные блики
попадают случайно
в его подземное царство
Брахмаракшаса уверен:
луна воздает ему почестъ
как обширному кладезю знаний
Что с того что разбито тело
и дух остается в неволе
Он ведь чувствует ежедневно:
признает его превосходство
даже высокое небо.

И тогда
с колоссальным напором
искушенный в стихах Брахмаракшаса
расскажет
шумеро-вавилонский эпос
споет
мелодичные мантры
и Веды
и так до новейших доктрин
Маркса Энгельса Рассела Тойнби
Хайдеггера

Шпенглера Сартра Ганди
Брахмаракшаса объяснит
что к чему.

Итак Брахмаракшаса
в вязкой глубли колодца
купается в собственной славе.

Возвращаясь звуки гремят обесмысленным
эхом
всплывають откуда-то снизу
слова несуться по кругу
теряя значенья
распадаются связи метафор
все
в безумном движенье
звук бьется насмерть с собственным эхом.

Белый цветок звезда
опустила изнеженный локоть
опирается о стенку колодца

слушает дикие вопли
как и крыжовник
и дерево рядом с колодецем
как и я потрясенный
Эта драма звучит
в колодезных недрах
доходит до нас сквозь символический бред.

Ступени круто сбегают
в странный внутренний мир
Брахмаракшасы.

Восхождение и спуск
и снова подъем и паденье
растянутые сухожилия
поврежденные ребра.

Беспощадная схватка
добра с совершенством
кровавей чем столкновение зла и добра
дорога любая победа
величественно поражение.

Агония безупречных качеств
в самом деле прекрасна
Математически точно рассчитанные идеалы
нравственные образцы которым дан
скрупулезный анализ
Страсть к совершенству
утолить невозможно.

В самом деле прекрасны
человеческие сны
эти вечные сказки
Солнце встает
кровавым потоком
ниспадают лучи льются вдоль колодезных
стен

Чистым белым бинтом
перевязан лихорадочный лоб
Брахмаракшасы.

Созвездья на самом краешке неба —
диаспора бесчисленных десятичных дробей.

Он умер
повержен
математически точным расчетом
лежит
среди уравнений и формул.

Лежит
как принесенный в жертву
с отверстой грудью
и вынутым сердцем
Его личность величественна как в царский
чертог

Парадная лестница
Трудно подниматься
по мраморным стертým ступеням
Оставим его
на этих ступенях расчетов
подведения итогов поступков
совершенных по воле рассудка или сердца
Он ищет идеальный баланс
между разумом чувством деяньем
В поисках гуру
отвергает
всех писателей мира
всех витий.

Но времена изменились
Торговец — триумф и слава
золото самоценно
разум и чувство ничего не стоят
подзлащается правда
мысли блестят
как золотые слитки.

Но Брахмаракшасу
разрывает постоянный разлад
противоречие между мировоззреньем
и жизнью
Ум постигнувший горе
опять зачарован недостижимой великой
идеей
Встреться мне Брахмаракшаса в то время
я воспел бы ему славу
по достоинству его оценил бы

его умиранье
ощутил бы собственной кожей
ему сказал бы
о его настоящем величье
о его благородном значенье
для разных людишек
к которым отношусь я сам.

В колодце
долгое время
раздавались невнятные речи
жалобы Брахмаракшасы
что он совершенно высох
от бесконечных расчетов
заживо погребенный в этой могиле.

И наконец он сгинул
исчез как мертвая птица
в темных лесных чащобах
Погас
как лучик дивного света
уснул навеки.

Почему это случилось?
Почему?
Я хочу продолжить великое дело
Брахмаракшасы
быть его учеником
Его черновую работу
привести к завершению
его планам
придать совершенную форму
обосновать точным расчетом
все что он делал.

Н.-В. Кришна Варияр

НАВОДНЕНИЕ

Вот водой нагруженная туча-слониха,
Задыхаясь от бега, на гору наткнулась,
Лоб разбила, гремя, и по склонам скалистым
Покатилась потоком... Слышишь раскаты.
Будто мчится с горы исполинский кувшин?

Вздулась наша река, сразу бешеной стала,
Разломала плотины, поля затопила,
Вот уже добралась и до нашего сада, —
Будто войско разбойничье, хлынули волны,
Забрались по ступенькам, ломают дверь...

Эй, скорее, братья! В ладью большую
Жен, детей, мотыги, зерно грузите
Да дружнее и крепче беритесь за весла, —
Гибнет прошлое наше... Но вдаль взгляните:
Новый луч из-за туч блеснул впереди.

Будто дикий табун, гребни пенные мчатся,
Но грести все смелей, все дружнее будем,
Чтоб упорно, как плуг — весеннюю землю,
Острым клювом ладья рассекала волны, —
Все ясней среди туч путеводный луч!

Будем плыть по теченью реки бурлящей,
А потом устремимся в открытое море —
В неизвестность, как некогда плыл Колумб!..
Там, за дальней чертою, ждут новые земли,
Так вперед и вперед поплывете, братья, —
К новым, будущим берегам!

Трилочан

КРИТИК

У Трилочана все гроши наперечет,
И стыдно звать гостей, ютась в сыром углу.
Деревья пышные не воздадут почет
Источенному в прах, иссохшему стволу.

И скоро Трилочан, видать, с ума сойдет.
Ведь стихотворцу тот лишь пропоет хвалу,
Кто позван в теплый дом, к накрытому столу.
Сухая ложка рот, как говорят, дерет.

А критик непреклонен. Чтобы его сломить,
Нам надобно его день от дня кормить —
Тогда в его устах изменятся слова.

Давай корове корм — так будет и удои.
Пойми, поэт, что критик — твой отец родной.
Ждешь славы? Критика в дом залучи сперва.

КЛУБОК ПРОТИВОРЕЧИЯ

Клубок противоречий Трилочан.
Что делать мне с нескладицей такою?
В отчаянье он распрямляет стан:
«Сейчас я нищ, но завтра все устрою!
Еще какой спектакль здесь будет дан!..
А тело стало ваджрою стальною.
Бей, режь, коли! Ни синяков, ни ран!
Разлившаяся бурною рекою,
Войдет беда в былые берега».

Проходят годы. Он всегда в дороге.
Среди людей не встретит он врага:
Обласкан всюду человек убогий —
Ведь жалостью он не унижит нас.
Да вот, глядишь, — и он кого-то спас.

ГДЕ ЖЕ ОНИ?

Те, что совсем недавно
столько произносили слов, —
где же они?

Ты думала, дорогая,
что знойные летние дни
остынут в тени
их ласковых слов,

что от палящего солнца
тебя защитят их пальцы.

Где же они,
чьи рюкзаки переполнены
обещаньями верной помощи?

СУХАЯ ВЕТКА

Не стану лгать. По совести сказать,
я о тебе не вспоминал. Ведь днем
я вкалывал, как проклятый, — поспать
на несколько часов являлся в дом
и на работу уходил опять.

Считаю деньги, думаю. К застолю
немного овощей, лепешка с солью...
А что еще? Неприбылен мой труд
и ненадежен, как сухая ветка:
тех прогоняют, а других берут —
на месте кто удерживался редко.

А сколько я лишений познаю?
Закладываю вещи, продаю.
Что ям вскопал я за стакан воды?
Что камней снес за блюдечко нужды?

Чуть станет у меня, чем жить, — поверь
В твою немедля постучусь я дверь.

М. Гопалакришна Адига

ПУСТИ КОРНИ В ЗЕМЛЮ

1

В землю корни пусти —
Научись у кокосовой пальмы, у дерева манго,
У баньяна,
Что в окна стучится.
Слушай шепот ветвей,
Пристальным взглядом
Пей цветущую зелень,
С ветром будь заодно, залетающим в крону.
Корни жадно припали к сосцам земли,
Наливаются силой.
Не прогиваясь судьбе, дерево тихо растет,
Чтобы встретиться с небом.

2

Семечко
Попало в наш двор.
А потом мы слышали смех
Девушки, танцевавшей в кроне папайи.
Она шаловливо играла
С ветром,
Сари вихрилось вокруг тела,
Полны тугих плодов были руки.
Матушка
Приносила нам фрукты,
И мы впивались в душистую мякоть.
А она, тихонько напевая,
Глядела времени вслед
И учила нас:
Слушайте вегер.

Даже вращая корнями в землю,
 Ты продолжаешь искать свой путь:
 Корни — лишь точка опоры.
 Посмотри, сколько растений вокруг —
 Но одни — цветут, приносят плоды,
 Сохнут и чахнут — другие, —
 Бремя желаний сгубило их.
 Преодолей соблазны времен,
 Дотянись до бесстрастных небес.
 Иначе тебе
 Суждено изведать
 Тяжесть земных плодов.
 Сочных на вид,
 Но с сердцевинной червивой.

ПРОШЛОЕ

1

Бездельные зародыши прошлого терзают душу:
 Рожденный во мраке смрадном заброшенных колодцев,
 Воздух то змеится вдоль высохших стен,
 То опутывает солнечный луч,
 Забавляясь игрой,
 Или — несется в сад, где цветут деревья.
 Отсеченный мышинный хвост
 Чуть подрагивает на берегу, как сухой стебель.
 Я вглядываюсь в ночь;
 Золотая вспышка слепит глаза:
 Звезда с обожженными крыльями скатилась
 В выемку молодого месяца; ей не выбраться оттуда.

2

Сегодняшняя газета полна новостями о прошлом:
 Семь гор ушли под воду, лишь белые шапки держатся
 на плаву.
 Спящий вулкан, укрытый снегом,
 Разразился огненной бранью.
 Отложи газету, прислушайся:

В пустоте молчаливых комнат —
Бессвязные звуки шагов, глухие стоны;
В темной воде
Копшатся зародыши;
Слова, отзвучав, тускло мерцают
В черном провале сцены, —
Тоскуя по ярким цветам, солнцу, кустарникам во дворе.

3

Голодные, бесприютные пращуры бродят,
Держась за поводья ветра, — по земле, которая им
не принадлежит.
Я умел изгонять духов и петь гимны богам, —
Но позабыл все заклинания.
Мне остается бесцельно махать волшебной палочкой.
Мы верили жрецам, но все же ушли на запад.
Теперь нам по крупицам собирать прежнюю мудрость.
Начни копать, разбивая комья глины,
Вонзи лопату поглубже —
Откроется золотая жила.
Ищи, добывай,
Научись плавить
Золото, —
Научись отливать новых идиолов.

4

В колодце загнивает вода, смрад поднимается вверх,
Обволакивая небо.
Незримая пока, новая жизнь
Проявится через девять месяцев.
Ворчание духов, раскаты грома, —
Хлынул дождь. Прошлое стало настоящим.
Земля продолжает работу:
Сады тяжелы от плодов; зреет рис;
Золотятся купола храмов и башен.

Кайфи Азми

НЕЗНАКОМКА

Радуга, луч, красота неземная
В лунной вуали серебряно-белой,
Кто ты, зачем ты явилась из рая
В ад наш печальный — в земные пределы?

Родинка эта и локонов стая,
Это — мечтой сотворенное тело...
Здесь все уныло, здесь радость скупая,
Весны идут друг за другом несмело.

Чем ты наполнена, чаша золотая?..
Сладкого ада душа захотела,
Плещется, плещется влага хмельная —
Если б в глазах хоть чуть-чуть посветлело...

Памяти книгу прилежно листая,
Вспомнит колдунью мудрец престарелый,
Юноша пылкий, в слезах утопая,
Чудо прославит стихом иль новеллой.

Я невелик, я о малом мечтаю:
Чтобы любовью душа не скудела,
Чтобы — дорогу тебе освещая —
Факелом сердце мое пламенело.

Винда Карандикар

НЕБО ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛОЕ

Даже стальные пути прогибаются
под тяжестью поезда;
даже поезд дрожит,
пролетая во мраке;
в черный, густой мрак
нацеливает небо
несытый взор, ограниченный горизонтом.

Небо очень тяжелое,
а душа такая хрупкая,
вот почему
я прощаю тебя, о моя Душа;
и вас я прощаю, о Малодушный,
о Трусливый, о Всемогущий,
о Победитель смерти, о Бесхребетный,
о Море бессмертия, о Ничтожество.
Чего стыдиться?

Страх — это матка, и щенится она
только эту жизнь, а эта жизнь
горделиво играет огненными
браслетами, упиваясь страданьем.

Я прощаю тебя, о моя Душа,
поднаторевшая в служенье грехам; не для тебя
благодать Божья, парик на твоей голове,
зыбкая как мир, свободная как спасение —
хватит с тебя этой гривы,
растрепанной страданьем.
Нашей любви не будет конца.
И, пока огненные браслеты
не расколются вдребезги,
не овдовеет жизнь.

ГИМН ВАДЖРЫ

Я стоял один и наблюдал марш миллиона скелетов.
Скелеты были живые, и они двигались.
Скелеты были живые, и они шли.
Их левые ноги поднялись и еще не опустились на землю.
Правые ноги приподнялись на носки, но еще
не оторвались от земли.
Когда одна нога идет вперед, другая остается позади.
Я стоял один и наблюдал марш миллиона скелетов.

Они останавливались и наблюдали марш
миллиона мыслей
Мои мысли шли, мои мысли двигались.
Я думал, я измерял.
Я думал, я взвешивал.
Я думал о мыслях, мыслях, мыслях.
Мысли, сбившиеся в стадо, сворачивали за своим
пастырем.
Я шел один и наблюдал марш миллиона скелетов.
Эти скелеты должны были встретиться с другими
скелетами — не встретились.
Те скелеты должны были сразиться с другими
скелетами — сражения не было.
От встречи мысли с действительностью не должно быть
кровопролития —
Только от горизонта черное облако ледяного страха
отделилось.
Когда мысли проникают в глубь мыслей,
они обретают воплощение, как ваджра.
Миллион скелетов стоят и наблюдают марш миллиона
скелетов.

Я ГОСТЬЯ В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

Без тебя я — чужая, как неприкаянная,
в собственном доме.

Хочешь правду узнать? Я не лгу
опостылел мне дом.

Память жжет и преследует немилосердно
в каждом углу.
Тьма ночная
твоими словами
со мной говорит.
Я из них возвожу неприступную стену.
Я хотела остаться одна,
но стена — из стекла.
И холодная даль обозрима...
Я снова
всюду вижу тебя — рядом и вдалеке...
Буду плакать.
Слезы мне в утешенье.
Каждый день по команде твоей
будто бы совершаю я сати...
По истоптанной старой тропе
каждый день иду на костер.
Мне осталось одно:
на судьбу свою положиться.
Может, будет надежной судьба,
как твоя широкая грудь...

ДАР ЗЕМЛИ

Я не собираюсь открывать счет
в уважаемом банке.
Я не торгую словами,
приправленными самодовольной
спесью.
Дар земли могу предложить
с небогатой делянки.
Выкормыш ее благодатных сосков,
я принес вам
зеленую песню.

ПРОЩАНИЕ

Все тебе я отдам,
ничего для себя не оставлю —
разве только печаль...

Печаль никому не нужна.
Я предвидела и предсказала разлуку.
Не будем искать виноватых.
Уходи же, не медли.
Неважно, что станет со мной.
Ты отныне не будешь
таскать непосильное бремя
недомолвок, пустячных обид,
страданий чужих.
Уходи,
    чтоб заката луны не увидеть.
Уходи...
    И любви нашей не предавай.
Ты уж проклял однажды ее...
Будь ко мне хоть сейчас милосерден.

Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ РАСЦВЕЛА

Я — грешный,
    не хочу, чтобы ты расцветала
    под моими руками.
Я — опустошенный,
    не хочу, чтобы ветер любви
    выдул из тебя все прекрасное.
Я не хочу осчастливить тебя,
    вызвав проклятие на свою голову.
Не хочу причинять тебе боль.
Пусть лучше во мне останется рана —
    в долгой угасающей памяти.
Я не хочу, чтобы ты расцвела
    от прикосновения моих грешных рук.

ПЛАМЯ ТВОЕГО ТЕЛА

Сладкая прохлада
    обнимает меня.
Прячется под чуткими веками
    предутренний сон.

Колблемый свет
тычется в брови, в глаза.
Колчоее брезжущее одеяло
покалывает холодком.
Разбередив сонную негу,
словно голодный щенок,
повизгивает, не находит себе места
глупая страсть.
Заглядывает в раскрытые окна
лунный рассеянный свет.
Нашептывает что-то подушка,
что именно — не разберешь...
Встану. Пройду к окну и увижу
реальнейший из миражей:
в лунном неверном свете
неистовое пламя твоего тела.

МЕТАМОРФОЗЫ

Из окна распахнутого
над рекой
семь экзотических птичек
вылетают одна за другой.
Садятся на китайское шелковое дерево
и превращаются
в семь крошечных красноперых цветков.
Цветы снова тянутся к окну,
покачиваются неуверенно,
чтобы снова вылететь
птицами из окошка,
за которым альков.
Все всему дает жизнь:
луне — тайный запах магнолий.
А цветы порой распускаются,
напоенные светом луны.
Все полно превращений,
живой создающей воли.
В звездном небе
числа формул Эйнштейна видны.
Все вокруг живоотнорно...
Из слова «ОКНО»
можно выделить — ОКО, ОНО, ОН и НО.

СКОЛЬКО БЫ Я НИ ПИЛ...

Сколько бы я ни пил,
доза меня не смущает.
Я преклоняюсь пред теми, кто пьет
и предлагает другим.
Время — хмельное вино,
как в чашу — в пространство налито.
Я вижу планеты,
полные вином до краев.
Ось Земли накренилась? Пусть... Я-то знаю,
что за причина мешает ей прямо стоять...
Я восхищен
продавцом всевозможных коктейлей,
смешивающим ловко
грех с добродетелью,
с правдою ложь.
То, что в бутылке таится,
таится и в пробке.
В головы атеистов
истину эту мне хочется вбить:
в сегодняшнем винограде
завтрашний хмель созревает,
надежда на вечность, которую я и живу.

ЛЮБИМАЯ, ТВОЯ ЖИЗНЬ ХРУПКА, КАК ЖАСМИН

Я хотел бы вместе с дыханием ветра
войти в гнездо — в твою грудь.
Я хотел бы оттуда, чувств не касаясь твоих,
с губ улететь.
Я хотел бы на цыпочках,
как полевые цветы, заглянуть
в сердце твое,
если бы я осмелился сметь...
Я хотел бы, как лучик луны,
уйти незаметно — прости —
из гнезда — из груди твоей,
сердце поцеловав.
Сладкую боль и горькое счастье
с собой унести.

Откажись от небесных иллюзий, любимая,
и забав.
Как же мне силы найти!
Хрупкую, как же тебя убережешь!
Если в гнездо — в твою грудь
я врываюсь, как смерч.

ПОТОК

Реки пота текут и текут...
Собираясь по капелькам, по ручейкам,
обретают единое русло, —
сравнимое с Гангой великой.
Непрерывный поток стремится
из вечности в вечность,
вздыхая, колотясь головою о скалы.
Выгрызает ущелья в горах,
роет их, стирает в песок —
Ганга великого пота.
Смывает плотины религий
сливает вместе
кровь враждующих наций.
Землю любую рыхлит, увлажняя, —
по миру течет и течет.
Кораблик жизни танцует в волнах
на его груди.
Непрерывный могучий поток —
утром, ночью, вечером, днем,
летом, зимой...
Кусает, как кобра, любого,
кто встает на пути,
Ганга великого пота.
Он следует в поле за плугом.
Заполняет шахты, заводы.
Бурлит на поле сражений.
Вперед и вперед,
имена смывая,
срывая печати
с хартий и тайных конвенций.
Равняет канавы и бугорки,
курс меняет на протяженья столетий.

В прах стирая троны тиранов,
ищет глубокое новое русло,
Ганга великого потока.
Окрашенная бурой землей
и стоком стольких помоек,
озвученная гимнами революций,
мчится, разбрасывается
в поисках
единого океана --
конечной свободы.

Сочи Раутрай

ОТКРЫТКА ИЗ МЕЛЬБУРНА

«У меня дела идут неплохо,
А у вас?»

И подпись. И страна,
Где я не был. Целая эпоха
Моей жизни там погребена.

Словно героиня Калидасы,
Вечно эта женщина дерзка.
Переходы во дворцах, паласы —
Или бормотанье ручейка.

На лице — прощанье и прощенье.
Вся — вперед стремленье. Вся — уход.
(Что любой поймет как предложенье,
И возьмет, не зная, что возьмет.)

Вся — сплетенье совершенных линий,
Грация старинного ножа.
(Вот ведь для чего ей взор павлиний —
Жить, чтоб жить, ничем не дорожа.)

И открытка, разве что не чудом
Пущенная ею в долгий путь,
На сердце легла тяжелым спудом —
«Как дела?» звучало как «Забудь!».

ВИД НА РЕКУ

В этой комнате,
Где не я
Чувствовал холод небытия,
Где за окном под свою сень
Пронзительно зазывала зелень,
Где за окном круглился плешью
Купол холма,
Где конный по тропке пешей
Медленно подъезжал к нему,
Где птицы крылами спугивали тьму,
Где хрустальная переливчатая заря
Словно вытекала из мыльного пузыря,
Пережившего холод обледененья, —
В этой комнате я становлюсь на колени.
В этой комнате, где один американский поэт
Простился с жизнью,
Сошел на нет,
И нет на это «Нет» никакого «Да» —
И Никогда кругом, Никогда!

Этот мост, тобой воспетый,
Прячет голову в туман.
Стынет трупик сигареты
И недбитый стакан.
Здесь цветы не облетают,
Но не пахнут и молчат —
Ни за что не отвечают,
Ни о чем не говорят.
За окном, раскинув руки,
Плачет дерево навзрыд
И река в безмолвной муке
Воду черную стремится.

Лодки, одна за другой, битком
Набитые,
Тянутся за окном, —
Едут служить, учиться и торговать на базаре,
Мелькают белые воротнички и цветные сари,
Едут, спешат, опаздывают на автобус, —
И торжественный свадебный поезд, —
И все это отражается в черных водах:
Черные воды в оранжевых разводах,
Черные воды в разводах фиолетовых и ярко-желтых,

И мост, символ строгости, средоточие чистоты,
далеко ль

Ушел ты,
Высоко ли вознесся над этим миром?
Ты ли не кажешься столь же сирым?
Разве река означает что-нибудь иное,
Кроме кромешной тени,
Ставшей черной волною,
Разве же и меня не обрызнула болью заря —
Холодом лопнувшего мыльного пузыря?

Г.-Д. Мадгулькар

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

**Души, готовые правде внимать,
страхом полны.
Будет ли миром мир управлять
после войны?**

**Горы нагроможденной лжи
давят, как пресс.
Возведет ли праведность свои этажи
высоко до небес?**

**Мечту о рае земном не избыть...
Но в тишине
будет безумие силы копить
к новой войне.**

Гириджа Кумар Матхур

СОЛОВЬЯМ, КОТОРЫЕ БУДУТ

(Памяти Галиба)

Когда не пройти не проехать —
везде разбиты дороги
Когда культура — в руинах
и нет никакой власти
когда столицы превращаются в груды щебня
а твердая вера взрываясь уносится облаком пыли
когда история стонет безумным кричит криком —
ведь ее родную заживо снова хоронят
Когда убыстря движенье время мчится по кругу
и человек забывает о себе о своем настоящем
Когда охая и стена
уходит тепло из сердца
и мир как жалкий обмылок
выскальзывает из рук
Вот тогда и приходят поэты —
Вьяса Тулсидас Гете Галиб
Их огненные губы выплескивают стихи.

О Галиб! Не раз я тебя воспевал
рыдая
потому что жизнь человека — быстротечна
Не раз я тебя воспевал
в надорванном вопле в обеззвученном крике
потому что когти хищного мира
и меня коснулись
на мне виден их след
Не раз повторял я в бессонных ночах твое имя
потому что и на мне не оставалось
места живого

Не раз ни на что не надеясь я бродил по твоим тропинкам
и голода призрак за мною влачил
потому что по сути своей и идее мой мир
был хуже чем твой
потому что
мой мир оставался твоим должником.

И сегодня как всегда
боги времени говорят:

Что такое поэт?
И зачем он?
Для чего существуют стихи?
Какая польза от них?
Ведь стихи — не одежда
не хлеб наш насущный
не врачеванье
не хула не пересуды.

Они не улица и не жилище
не модная лавка
не сводня
не шутовской спектакль
не праздник не восхваленье
не сплетни не слухи
не повышение по службе
не игра азартная в кости
не крупная ставка
не выборы и не митинг
не шукарство
не воплощенная роскошь
не сладкая жизнь
и не жизнь за счет остальных.

Стихи — не богатство
не доходное место
не честь и не власть.

При повседневной рутине
при этом и том строе
поэзия бесполезна
маленькая причуда
незатейливая вещьца.

Беспощадная судьба поэта
ему предрекает либо тюрьму и ссылку
либо быть манекеном
на большом дворцовом приеме!

Посейчас говорят люди
талдычат одно и то же:
почему никому нет дела
до кричащих бунтующих душ
вырывающихся из клеток?
Твои метафоры снова
в глазах моих встанут слезами
Еще несмышленым мальчишкой
ты понял боль смертного мира.

Это дорога
на которой придется взвалить на себя
собственный крест
и идти
Это дорога на которой придется взметнувшись
огненным смерчем
в непроглядном мраке истории
самому превратиться в золу
Это дорога на которой придется перед миром
смерть принять
оставшись для всех безмянным
И на этой дороге безмерную боль принести
грядущему в дар
которого нет.

Шубхаш Мукерджи

ШЕЛ Я, ШЕЛ...

1

Итак, я шел, шел, шел —
и встретил вдруг реку.
На ногах ее — звонкие браслеты,
в голубую юбку
летящих волн
она одета.

У той реки — на две стороны — два лика.
Одним, окликая меня,
она сказала: «Я прихожу» —
другим своим ликом
тотчас исчезла...
И, уходя, убегая, она объяснила:
«Даже когда я здесь, — меня нет,
даже когда меня нет, я — здесь».
Мне на плечо положило руку
время.
И прошептало
в самое ухо:
«Видал?!
Видал этот фокус?!
А я никогда
тебя не покину».
Речи его услышав,
я разжал кулак:
прошлой ночи цветы
и впрямь — засохли, увяли...

Так как, по их убеждению,
в этом рассказе нет никакого смысла,
трезвым головам он ничуть
не понравился.
К тому ж
все в нем — выдумка.

Чтоб они не встали и не ушли,
я быстро-быстро
с опаскою начал сначала:
«Итак, я шел, шел, шел...

И увидел среди леса
ярко сверкающий город.
Безлюдными были его дома,
а лестницы —
просто в небо все подымались.

В одном из домов
сидела с распущенными волосами
распрекрасная царская дочь...»
У слушателей разгорелись глаза.
В их глаза свой взгляд уставив,
я продолжал:
«Эта царская дочь
сплела свои пальцы с моими.
И я нежно-нежно
ей прошептал:
«Ты — надежда,
ты — моя жизнь».

И она отвечала:
«Сколько дней одного тебя
я ждала и не могла дожждаться!»
Трезвые люди, в волнение вскочив,
спросили: «А дальше?»

Чтобы рассказ в головы их запал,
для того —
в дыму дымов став,

ускользая и улета —
я ответил:
«Дальше? Как вам сказать?
Эта колдунья меня съела».

ХОД КОНЕМ

1

Убивать не просто:
все
друг за друга.

Кони играют, как звери.

Королей
берегите
ваших.

Будет мат.

2

В котле пустыни
кипит
нефть.

Бегите!

В каучуковых лесах
готовы
петли.

Спасайтесь!

Подкованные ботинки
алчности
трещат на каждом шагу.

3

Ходов не воротишь:
в нашей игре
ставка — Земля.

Самую хитроумную
их
комбинацию
разрушим ходом коня.

Кони играют,
как звери.

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Задыхаюсь!..
Дайте, люди,
мне хоть малый уголок!
Путь мой
в грохоте и гуде
так напрасен и далек...
Лес обуглили пожары,
пал испепелил траву...
И гнетущие кошмары
стал я видеть наяву.
Люди добрые!
Спасите!
Днем и ночью надо мной,
рассекая жизни нити,
свищет ураган стальной.
Мы — кому бы жить друзьями —
здесь, в одной тюремной яме,
став смертельными врагами,
рвем друг друга без конца,
рвем кровавыми зубами,
рвем кровавыми когтями
обнаженные сердца!

* * *

Не приветить цветами весну — ее дни далеки.
Первый месяц ее в неизвестных пределах таится.
В темноте тут и там, словно брызги огня, светляки.
Небо с хмурым лицом, а в глазах полыхают зарницы.

Безразлично нам время, не следим мы за сменой дней.
«К океану хочу я!» — тебе повторяю опять я.
Твердь земная прогнулась от наших горячих ступней,
и как в крутень реки, ты в мои попадаешь объятья.

Как давно это было. Тогда слова сказать я не мог.
Если был бы шмелем, я жужжал бы у самого уха.
Я теперь далеко, и к тому же совсем одинок.
Но люблю тебя, слышишь? Это вопль и тела, и духа.

В этом мире, родная, все любовью моею проверь:
и себя ты спасешь от ненужных невзгод и потерь.

Амрита Притам

ГОВОРIT ЖЕНЩИНА

Ты — мой кормилец.
Я ем твою соль,
Кусок, тобой заработанный, ем.
Твой след я —
След от ступни босой,
Тебе я обязана всем, всем!
Так было обещано, так завещано:
Ты — мой кормилец,
Я — твоя женщина.

Вот почему я всегда молчу!³
В доме царит твой хлеб.
Прежде чем слово сказать захочу,
Уже говорит твой хлеб.
Ты — мой кормилец,
А потому
И слов от меня не требуй:
Любые слова мои перевесит
Кусок твоего хлеба.

Ты — мой кормилец.
От дедов и прадедов
Ты получил в наследство
Грубые, ловкие руки,
Запах железа и пота.
А я?
Лишь одну немудреную заповедь
Я затвердила с детства, —
Хлеб добывает мужчина,
У женщин — другая работа:
Молча трудиться
Семь дней в неделю

Днем у жаровни,
Ночью — в постели,
Чтобы потом вынашивать плод
В тобой осчастливленном теле.

Я — кукла твоя,
Из теплого мяса,
Чтоб не было скучно в постель ложиться,
Я — чаша твоя
Со сладким напитком,
Чтоб после работы тебе освежиться.
Вот я стою,
Готова заранее
Быть утоленьем любого желанья,
Стою —
Обнаженная, как перед богом, —
Твоя крупица,
Твоя должница.

С детства мне мысль внушили,
Что я уже чья-то невеста,
Мяли меня,
Катали,
Месили,
К свадьбе готовили свежее тесто,
Чтобы в горячей своей печи
Мог ты меня испечь,
Чтобы ты досыта ел в ночи
Хлеб моих губ и плеч.

Ешь меня, —
Не посмею плакать,
Даже измученная вконец.
О, как ты быстро воспламеняешься,
И угасаешь,
И снова плависься,
Как на огне — свинец.

Снова лежу я на ложе огня —
Полузадушена,

Полураздавлена.
Хрипло засмейся,
Влейся в меня
Свинцовой струей расплавленной.
Ешь меня,
Распинай меня,
Делай мне сладко и больно,
Твори со мною, что хочешь, —
Никогда не скажу: довольно!

Ты — мой кормилец.
Ты пахнешь железом и потом.
Этот горячий хлеб
Честно тобой заработан.
Эту покорную чашу до дна испей!
Ни слова не говори —
Только владей и владей,
И не проси любви —
Только делай меня твоей.

КАПЛИ СВЕТА

В светлом-светлом млечном потоке
Звезды, толпясь, наполняют кувшины
На берегу темноты.

Капает, капает свет на меня.
Становится снова яснее ясного:
Жизни дороже — ты.

Синяя-синяя ткань небес
За ветку колючую зацепилась —
Шелковый край порвала.

Легкая-легкая смутная ночь.
Кажется неразрешимой загадкой
Эта текучая мгла.

Жгучими иглами звезды впились
В ладонь моего обнаженного сердца —
Пронзили его насквозь.

Вспыхнула память жарким костром...
Поздно!.. Отпрянуть я не успела:
Платье на мне зажглось.

Тщетно пытаюсь пламя сорвать я:
Не сбросить плоть —
Горящее платье.

ХЛЕБ МЕЧТЫ

Прошлою ночью
Всего лишь кусочек
Я отломил от хлеба мечты.
Откуда узнало
Черное небо,
Что я пожелала
Этого хлеба?

Длинные крылья узнали об этом,
Острые клювы узнали об этом,
Цепкие когти узнали об этом,
Не знала лишь я,
Что мечта — под запретом.

Был этот хлеб таким беззащитным,
А запах — доверчивым, свежим, сытным,
Был этот хлеб —
Как желанное слово,
Как откровение без покров.

Нежданный удар.
Ледяной испуг.
Жестокий свист налетевших крыл...
И хлеб
Беспощадно вырван из рук,
И страх
Паутиной лицо покрыл.

Ни крошки попробовать я не успела —
Мгновенно свершилось
Черное дело.
Сколько у ночи сыщиков,
Сколько крылатых хищников!

...Прошлою ночью
Всего лишь кусочек
Я отломила от хлеба мечты...
Но не допустило
Жадное небо,
Чтоб я вкусила
Этого хлеба!

СЕГОДНЯ СКАЖУ ВАРИС ШАХУ

Сегодня скажу Варис Шаху: «Поэт, из тьмы гробовой
восстань и страницу гнева в книге любви открой!

Помнишь, как ты панджабку песней своей утешал?
Сегодня их тысячи плачут, к тебе взывая с мольбой:

Заступник всех, кто обижен, восстань, взгляни
на Панджаб —
пастбища устланы трупами, Ченаб полон крови людской.

В пять рек подмешали яду, в каждой их капле — яд,
и орошаются земли погибельной этой водой.

Из тучной земли прорастают отравленные стебельки,
лица красны от злобы, мыслями правит разбой.

Ветр, напоенный отравой, веет в твоих лесах,
бамбуковая флейта, слышишь, шипит змеей?

Змеи околдовали своим зловольем людей,
тело Панджаба покрылось мертвенной синевой.

На улице смолкли песни, в прялке порвалась нить,
а место веселых игрищ обходят теперь стороной.

В лодке уже не катают возлюбленную при луне,
и качели давно упали вместе с веткой гнилой.

Вздохи и слезы влюбленных вызывают всеобщий смех,
мужчины пренебрегают теперь любовной игрой!

Кровь льется дождем на землю, в могилы предков сочась,
слышится по кладбищам возлюбленных плач и вой.

Сегодня все превратились в воров красоты и любви.
Где взять теперь Варис Шаха, да и есть ли в стране
такой!»

Сегодня скажу Варис Шаху: «Поэт, из тьмы гробовой
восстань и страницу гнева в книге любви открой!»

ЛЕГЕНДА О ПЕЧАЛИ

Печаль? Нет никакой печали.

...Была, да сплыла.

Радость? Здесь в четырех стенах когда-то она жила.

Эти стены остались, а ее уже нет.

Одна стена из смоковницы, стоит она и сейчас.

Часто из-за нее слышался желтый стон боли.

Слышится и сейчас.

Она колотила кулаками в стену.

Стена из смоковницы — стена равнодушья.

Разве когда-нибудь можно ее проломить?

Это знание съела она, как зернышко мышьяка.

Другая стена из железа, стоит она и сейчас.

Часто за ней раздавались алые крики.

И теперь раздаются.

Она била в стену ногами.

Стена из железа — стена вражды.

Она никогда не рухнет.

Это знанье выпила она, как ртути глоток.

Третья стена — из серебра, стоит она и сейчас.

За ней клубился отчаянья черный дым.

И сейчас клубится.

Она билась головой об стену.

Серебряная стена — стена надежды.

Она никогда не дрогнет.

Этого знанья отраву выплюнула она.

И еще была из плоти стена, стоит она и сейчас.

За ней виднелось голубое сияние снов.

Виднеется и сейчас.

Вздохами отталкивала она от себя эту стену.

Но эта стена из плоти — стена любви,

Не упадет никогда.
И она слизнула этого знания алмаз.

Что, кроме смерти, ей оставалось? — И она умерла.
Когда умирают от старости, говорят: «хорошо».
Но она истекла, капля за каплей, кровью.
Потому-то о месте, где истекают кровью,
Говорят: «стеналище душ».
И там никто не живет.
Может быть, поэтому и здесь никто не живет.
Радость? Нет, я же сказала, что здесь никто не живет.

ТОСТ

Вчера я наполнила стеклянный кувшин
вином моих мыслей.
Ах, как мысли были хмельны!
И друзья осушили бокалы
и по случаю сказали слова,
но не было в них ни аромата, ни цвета.
На каких деревьях они росли,
чтобы сухо сорваться с губ?
Об этом не было времени думать.
Скажем так: было больно.
О словес торжество,
годовщина ошибок!
Я и ночь, и вино, и друзья,
те, кого пригласили, и те, что сами пришли.
Только тот, кого звали, так и не пришел.

Как меня потрясло, когда солнечный луч
пронзил мою грудь,
и лес я увидела, и
древо желаний,
и осень, которая к нему прикоснулась,
о которой не скажешь словами — но мыслью.
Слова друзей розовеют,
я гляжу на их увядающий смысл.
В густом лесу я — одна,
я, безмолвье, этот солнечный лучик
и пустой стеклянный кувшин.
Какое же это безмолвье, если слышны шаги?

Кто-то тихонько вошел —
как безмолвье, как луч: это он!
Кого звали, и кто не пришел.
Я теперь не одна, я наполняю стеклянный кувшин
вином опьяняющих взоров.
Мы подносим бокалы к губам,
и он говорит слова,
и я задыхаюсь от их аромата и цвета.
О торжество сути всех сутей!
Я и он, и в стеклянном кувшине вино
опьяняющих взоров.

ДОСПЕХИ

Я надела доспехи любви.
Тела нагого теперь никто не коснется:
ни пальцы врага не коснутся,
ни дружеская ладонь.
Я надела доспехи любви.
Я рада, но ты спросил:
«Почему даже радость бывает грустна?»
Какие-то птицы уже надо мной закружились.
Возможно, меня они спутали с деревом,
а доспехи мои — с листвой?
И с налету ударили клювами птицы
по железу — и закричали,
и прочь улетели.

Бедные птицы...

Но неужели доспехи мои тоже боятся птиц?
Может быть, чей-то клюв их поранил?
Ах, как кожа на лбу у меня болит!
Время сняло сегодня с себя всю одежду,
все три платья:
прошое, настоящее, будущее.
Возможно, все эти платья были грязны.
И голое время теперь стоит у стены
и стыдится.

Кто же плачет тогда на голом его животе?
Уж не глаз ли моих отраженье?
Может быть, не свою, а мою наготу обнажило время?
Но я... Я-то теперь не нагая.
Я надела доспехи любви.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК

Я помню,
как последний лучик испуганно
солнцу в палец вцепился
и, глядя на празднество тьмы,
сгинул во тьме.

Я думаю: и страх одиночества
тоже ищет родную душу.
Но разве ему я родня?
Почему же тогда этот заблудившийся мальчик
вцепился в руку мою?

Ах, скорей бы тебя разыскали,
ты, вцепившийся в руку мою
маленький теплый вздох.
Ты с рукой не играешь моей,
ты руке не веришь моей.

В нескончаемой тьме ли,
в шумном ли празднестве дня
потерялась чья-то душа неприкаянная.
Потому-то и память моя о тебе так похожа
на последний солнечный лучик.

МЕДАЛИ

Люди моей страны — храбрецы.
Люди твоей страны — храбрецы.

Как умирать, они знают,
и как обезглавливать, знают.
Но каждый печется о том,
чтобы падала с плеч чужая,
а не своя голова.

У человека всего один труп,
а у бога не может быть трупа.
И если бы мало-помалу
не умирал в человеке бог,
он бы зловоние не источал.

Когда никто и никем не любим,
то никто не боится соперника
и боли никто не боится.

Но, кровотока,
раны вопят
и признавать не хотят
порядка вещей, заведенного в мире.

И все победы не стоят гроша,
и все парады не стоят гроша.

Время смеется и украшает
геройские груди
медалями за бесполезную храбрость.

Маджрух Султанпури

ГАЗЕЛИ

1

Рассвет еще далек, и ночь моя длинна,
Но светит мне зарей твоих ладоней хна.

Пусть розы расцветут багрянцем свежих ран,
Хотя приказа цвезть им не дала весна.

Скажи, охотник, мне — кто розу обагрил?
Я знаю, не росой она окроплена...

Твой локон, как змея, обвился вокруг меня —
Не оттого ли грудь так больно стеснена?

Отныне я живу в плену забот мирских,
И пленница-душа в печаль погружена.

Пустыня широка, привольно в ней ветрам,
А ты поэт, Маджрух, тебе земля тесна.

2

Объятые огнем, мы мчимся напролом,
За нами вслед идут поджегшие свой дом.

О этот странный край! Здесь зори не горят,
И нет различья здесь меж полночью и днем.

Коль поведут казнить того, кто с нами пел,
Мотива не сменив, мы в ногу с ним пойдем.

Чтоб тирании мглу лучами распороть,
Светильники голов на плаху мы несем.

О друг, нам удалось клад верности спасти,
Хотя враги не раз грозили нам мечом.

Разбиты губы в кровь, невыносима боль,
Но повесть этих дней мы до конца допьем.

А розы между тем — роняя лепестки —
Нам посылают весть, что осень бьет крылом.

Что там — бокалов ряд иль караван бродяг?
Упала чаша там иль все пошло вверх дном?

Маджрух, коль нас зовут «вершители судеб»,
Своих кумиров мы в их капище введем.

3

На плаху ли, в сад ли премудрый идет,
Он кубок и саван с собою берет.

Час пробил — в пустыне взъярились ветра.
Охваченный страстью, взъярись в свой черед!

Становится улочка вдруг цветником,
Когда на ходу она станом качнет.

Нам дарят мелодию не соловьи,
А очи, в которых блаженство поет.

О ветер, помедли, возьми нас с собой —
Иначе желанье гулять пропадет.

Как видно, влюбленный свой клад не сберег —
Обрывками страсти играет народ.

Маджрух, что глухая темница для нас?
Мы — голос, который все стены пробьет.

Того любви учить, кого любовь сожгла?!
Вовек вам не постичь сожженного дотла.

Куда сильнее вас любили мы весну,
И в сердце боль сейчас — как острая игла.

Друзья мы для друзей, а для врагов — враги,
И все у нас крупней — и чувства и дела.

Играли вы в любовь, а мы на плаху шли.
Дозволь, Аллах, чтоб кровь звездой в ночи взошла!

О, как мы бережем возлюбленных своих!
Мы ветру не даем коснуться их чела.

Вокруг тебя дома, пойми скорей, Маджрух,
Что каждый дом — тюрьма, что в каждом доме —
мгла.

Ты рядом, ты свет разлила чудотворный,
И тропка неторная сделалась торной.

Я задал вопрос, но ты вдруг отвернулась,
И волосы пали завесою черной.

В молчанье ты к чаше прильнула губами,
Я сделал молчанье строкой стихотворной.

Весь мир изменился, так что же я плачу,
Пятная слезами рукав твой узорный?

Для радости ныне распахнуты очи,
И сердцу на пиршестве жизни просторно.

Маджрух, ты скитался так много, так долго,
Что ветер смолот твоих горестей зерна.

С красавицей рядом мы разум мгновенно теряем,
И каждый цветник обезумевшим кажется раем.

Весна колдовская, ты нас одаряешь цветами,
А мы ароматом безумья тебя одаряем.

О ловчий, ты нас не уловишь, в силок не заманишь —
Как ветер умчимся, как веянье розы растаем.

Как локоны-змеи, мы прочь ускользаем порою,
Под взглядом манящим бутоны сердец раскрываем.

Становится хной наша кровь на ладонях прелестниц,
Когда мы кровавые слезы любви проливаем.

По воле судьбы мы лишаемся денег и славы,
Но чести и гордости мы никогда не роняем.

То ветер велят нам поймать, то прибой заарканить —
Мы ныне в какие-то странные игры играем.

Маджрух, мы для родины, кажется, стали чужими,
А нам она кажется чуждым неведомым краем.

7

Красавиц вспомню я, идя ко дну:
Волос волну и взгляда глубину.

Пускай меня безумцем назовут —
На плахе вновь я кудри помяну.

Кумир, тебе я сердце отдаю,
Возьми его себе, держи в плену.

О королева, уст не отвращай —
Дозволь поцеловать их шалуну.

Но — не меня — бокал целуешь ты
И предпочтенье отдаешь вину.

Есть жажда у меня, а кубка нет —
К чему же я горящим ртом прильну?

И в сердце глушь, и глушь в родном краю —
Он спит иль сердце отошло ко сну?

О друг, доколь мы будем называть
Зарею мрак и бурей тишину?

Любимая прекрасна, как весна —
Пиши, Маджрух, газели про весну...

8

Мы превратились в рыночный товар —
Прицениваясь к нам, шумит базар.

Наш край давно от жажды изнемог,
И чаша каждая — бесценный дар.

Любимая вдали, но все равно
Я не могу избавиться от чар.

Порою путь любви — как локон твой —
Являет мне змеистости кошмар.

Коль взгляд остер, узрит преграду он
И — как таран — ей нанесет удар.

Безумья когти ранят глубоко;
Царапины пылают, как пожар.

Тебя причислят к праведным, Маджрух:
Искупит все грехи душевный жар.

9

Песня в саду казнена — как же мне петь?
Душу мою тишина хлещет, как плеть.

Я на съеденье тоске отдан бедой.
Если б сейчас в цветнике розу узреть!

Случай, коль ты приведешь лгунью ко мне,
Я расскажу ей, что ложь трудно терпеть.

Или несладко и ей — жертве любви,
Темным плетеньем кудрей пойманной в сеть?..

Дверь потайная, бокал, город ночной—
как я когда-то мечтал этим владеть!

Хны полыханье, вино, радость любви...
Разве былому дано душу согреть?

Наша любовь отцвела, прошлого нет,
Всех нас беда загнала в тесную клеть.

Если захочешь кричать — вырвут язык,
Если начнешь полыхать — можешь сгореть.

Где чудодейственный врач, лекарь сердец?
Наш врачеватель — палач, ныне и впредь.

Хныкать сегодня не смей — слышишь, Маджрух?
Надо, чтоб в речи твоей грохнула медь!

10

Безумствует любовь: и в штиль и в камнепад
Нам будоражит кровь ее сладчайший яд.

И жизнь и честь моя в опасности сейчас,
Отдам любимой я все то, чем сам богат.

Друг, сердцу твоему любовь грозит бедой!
Мне сердце ни к чему, я с ним живу не в лад.

Об уличных боях не говорят в саду —
На тонких стебельках здесь лилии парят.

Маджрух, твердишь ты нам, что мы живем в аду,
Но ты познал ли сам всей кожей этот ад?..

КАРАВАНЫ

УТРО

Все тронулось с места: поток человеческий,
Фабричного дыма поток бесконечный
И слез караван — под улыбкой беспечной.
Так что ж я стою на дороге?..

ДЕНЬ

На крышах горячая пыль пеленою,
В глазах — мельтешенье, круженье цветное,
И падает кто-то, не выдержав зноя.
    Так что ж я стою на дороге?..

ВЕЧЕР

Все ярче дворцов золотое свеченье,
Все гуще и гуще становятся тени,
И женщина мимо плывет, как виденье...
    Так что ж я стою на дороге?..

НОЧЬ

Тревога в уснувших домах присмирела;
Спокойствие входит в ночные пределы;
В последнем оконце свеча догорела...
    Так что ж я стою на дороге?!

Суреш Джоши

МОЛЬБА ВОЗЛЮБЛЕННОГО

Пусть солнце встает, если время ему вставать,
Но послушай меня сперва:

В моей крови от тысячи солнц
Сотня тысяч огней зажглась,
Но когда озарит мне лицо
Нежный взгляд твоих глаз, —
Померкнут все эти тысячи,
Лунный холод настанет снова
И взметнутся фонтаны амриты,
Разбиваясь о берег прилива ночного.

Пусть солнце встает, если время ему вставать,
Но об этом подумай сперва.

Тебя тут сегодня нет.
Хорошо, что тебя тут сегодня нет.
Что стало б с тобой, если б ты была?

Небо голову клонит на плечи земле,
Беспокойные звезды блестят,
Два берега рвутся друг друга обнять,
На распластанных крыльях горы летят.
Лес опьяненный, танцует,
Ветвями играет.
Лунного света майя
Везде свою власть простирает.

Что бы, милая, стало с твоей гордыней,
Если б ты мне упала в объятия ныне?

Хорошо, что тебя тут сегодня нет.
Что стало б с тобой, если б ты была?

ОЧАРОВАННЫЙ

Очарован тобою.
Волосы твои — серебро,
Восемьдесят твоих лет —
Гирлянда цветов,
Тропинки мечты бегут в глубину глаз,
В крови поныне бушуют страсти.

Сказку рассказываешь внуку —
И сама как сказочная пери.
Голос твой слаб и дрожит,
Но он переходит моря и горы.
При слове «принцесса»
Лицо мальчика озаряется улыбкой.

Прекрасен золотой пламень светильника,
Прекрасно шелковое одеяние слов,
И ты — совершенство и чудо
На фоне глубокой тьмы.

Я тебя не видел шестнадцатилетней.
Сегодня тебе исполнилось восемьдесят,
И я очарован,
Видя, как ты побеждаешь старость.

ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА

Я — зеркало, от которого остались осколки.
Меня нельзя склеить.

По сю сторону меня был бог,
По ту сторону — демон,
А между ними стоял я — зеркало.

Демон посмотрел на меня —
И увидел отражение бога.
А с другой стороны посмотрел бог —
И увидел отражение демона.

Опаленные гневом, они столкнулись,
Зеркало разбилось вдребезги.
Есть ли тот, кто склеит меня
И поставит на место?

Валликаннан

ПОТОК

Течения разлившихся рек:
волны встают на дыбы; рябь, пена и пыль.
Вертятся, вихрятся, катятся,
мчатся, летят...
Зачем так спешишь? Что поставлено на карту?
Все потоки исчезают в море.

На улицах городов
человеческие потоки.
Какое разнообразие видов!
И каждый забился в свой угол,
заблудился в собственных мыслях.
Водовороты энергии в машине макрокосма:
движение, ритм, скорость.
Завтра — как сегодня,
сегодня — как завтра.
— Зачем спешить?..

Если жизнь, правда, поток,
то смерть — это море.

СТОИТ НАД ЭТИМ ЗАДУМАТЬСЯ

Эй,
ты
над этим задумывался?
Ты чужой самому себе,
и каждый человек
самому себе посторонний.

Никому не дано понять
ни ближнего,
ни самого себя.

Тьма до рождения,
тьма после смерти
и столько темного в промежутке:
сон, гордыня, эгоизм, невежество —
да мало ли такого?

Тот, кто тебе сказал:
«Я тебя знаю», —
не знал сроду и самого себя.
Никто не познал
самого себя
и никогда не познает
вполне.

Ты думаешь,
что у тебя одна жизнь,
а на самом деле
их у тебя много:
жизнь для себя, жизнь для людей,
жизнь для престижа.
По временам
ты — это правда ты,
по временам
ты носишь личину.

Сколько же у тебя жизней?
Идея живет в мысли,
желанье живет в мечте,
мечта живет в сновиденье.
Сколько же у тебя жизней?
Как много их
на маршруте памяти
«Вчера — Сегодня — Завтра»!

Ты сознаешь минуту пробуждения?
А миг погружения
в сон?
Ты не можешь
познать самого себя.

Шаратчандра Мадхав Муктибодх

НИЧЕГО, ПОМИМО НЕБА

Он все писал, писал, забившись в угол...
О небо, ничего, помимо неба!

Порой, смущенный, он сходил в тропинки,
Закуривал, нагнувшись, сигарету —
И небо на него валилось с двух сторон.

Он зеленью был полон до краев...
Он встал, вздохнул, седые брови супя...
Он закричал в тревоге...
И небо, небо на него валилось отовсюду...

Тут он смешался... Странные слова
Подкрадывались сбоку,
Его слова, но лишь с иным оттенком.
Он в небо ринулся, пытаясь плыть,
Он греб руками, рассекая тучи.
О небо, ничего, помимо неба!

ОСУЖДАЯ ТЕБЯ...

Осуждая тебя, все же я продвигаюсь вперед.
Мы от разных начал:
я — отсюда,
а ты, ты — оттуда,
где улыбка греха хоть кого очарует,
где святые слова проповедует жулик. И небо
вторит этим словам.
Ты оттуда, где правда
опасливо хвост поджимает,

где красота говорит:
«Делай со мною что хочешь —
только плати...»
Ты оттуда,
где пресмыкается перед начальством наука,
где лицемерие
о нравственности талдычит,
где любовь, звон монет услышав,
недвусмысленно и вульгарно подмигивает.
Там искусство
танец живота
исполняет.
Покладистая и нежная, ты — оттуда.
Я — отсюда.
Улыбка моя горька.
И тебя упрекая, поранив тебя,
свою растревожил я рану.
Боль ее нестерпимая светится ночью.

Шив К. Кумар

САМОУБИЙСТВО

Жилистая лапа Пифона
превратила ребристые колонны
в груды цемента и щебня —
их уже не восстановишь:

провода сошли со своих параллелей,
чтобы запутаться насмерть
между телефонными полюсами,
прервались все разговоры.

А пустой конверт у меня в почтовом
ящике — всего лишь жестокая шутка
скачущего уличного мальчишки.

И мне больше ничего не остается,
как начать созерцать это море крови
с безумной высоты Эйфелевой башни;
или, может быть, лучше прямо так,
в пижаме, спуститься на пляж, где
тяжелые туманы забвения уже поглотили
солнце, так и не успевшее закатиться —
и плясать, извиваясь, подобно мудрому
эмбриону, дожидаясь, пока
прибой не затянет меня снова
в ласковое лоно небытия?

ОЖИДАНИЕ

Всю ночь я ждал звонка в дверь, но так и
не услышал ничего, кроме беспрерывного
жужжания заблудившейся мухи.

Я малодушно оставил ее у себя,
не выпустил на волю,
желая хотя бы с ней разделить
мучительное время одиночества.

Так мы с ней и остались
взаперти
среди бумажных обоев
в доме Маргарет.

Нет, я не выпущу ее на волю —
до тех самых пор, пока она не придет.

А этого, я знаю, не будет —
по крайней мере, сегодня, ибо она
сейчас наверняка с ним,
с этим гибкоруким, козлобородым
бродягой с мечтательным взором,
сошедшимся с ней в пятом измерении,
о котором я только слышал.

За кухонным окном
полыхает реклама: «Пейте виски,
настоянное на адском пламени!»,
а ночь достигает предела
тяжести и густоты.

БЫТИЕ

Сощурив глаза, я вижу
оранжевое рождение восхода,
пламя зари, пока еще
не ставшее багрово-красным:
я вижу ключья мрака,
скользящие вверх и вниз
в серо-голубом танце
прямых и кривых линий,
похожих на карту
гор, пропастей и антициклонов.
И вот среди бурлящей ряби
бескрайнего океана туч,
мерцающая, возникает
чье-то лицо, и оно
неудержимо втягивает меня
в этот пылающий круговорот.

ОТРЕЧЕНИЕ

Отречься нетрудно — нужно
просто выключить память,
и потом, увидев чье-то лицо,
выплывшее из глубин прошлого,
смотреть на него невидящим взором,
не узнавая.

Решиться вспомнить о прошлом,
столкнувшись где-нибудь в тупике
с разящим взглядом памяти,
означает поддаться на провокацию,
признать все свои поражения
и победы и бесповоротно
отречься от возможности отречения.

КАРМА

Круг этой маленькой сцены
вращается против хода светил,
вокруг невидимой оси
деяния и воздаяния,
и в ее бесконечном вращении
видится темное лицо,
безучастно следящее
за безумной женщиной на тротуаре,
спорящей с уличным фонарем,
а обрывки скандала,
принесенные ветром с помойки,
ехидно липнут к оконным стеклам.

«Он влюбился в другую,
в брюнетку с роскошной грудью
в прожилках голубых вен».

Но настала зима, и он, тупея
от затверженных парадигм дождя,
следит, как догоняют друг друга
капли воды на стекле:
кто-то теперь пересчитывает вены
на ее роскошной груди?

БУДДА В НОЧНОМ БАРЕ

В облаках густого фимиама
от ритуальных палочек из табака
танцуют три тела —
коричневые круги вокруг сосков,
украшенные золотой пудрой,
описывают сложные кривые
в такт изгибам бедер,
в ритме крещендо
электрогитар и судорог барабана —
оргиастический нарко-ноктюрн,
ожившее желание, захлестнувшее тела
танцующих, подобно штормовому приборю.
В укромном углу возле
пустой стойки сидит странник,
из-под полуприкрытых век
наблюдая за тремя парами ног,
покрытых бисеринками пота, но все еще
выводящими свой бесконечный узор
желания и боли, скуки и пресыщения—
его блаженной улыбки нам не дано
понять.

ЖЕНЩИНА, ТОРГУЮЩАЯ МАНГО

Она сидит на корточках
посреди пыльного тротуара
возле пирамиды своих плодов,
омытая молоком юности,
украшенная единственной розой.
Сквозь дыры в ее блузе
проглядывают
нагое плечо
и две сияющие луны,
сбивающие
всадников с пути.
Глаза старика, две праздные
птицы, жадно клюют
сосцы удивительных плодов.

«Эй, купи что-нибудь
или ступай в молельню,
где смерть сорвет
последний волос
с твоей головы!»

ЛЮБОВНИК МОЕЙ МАТЕРИ

Чувства у шестилетнего мальчугана
гораздо острее и тоньше,
чем кажется, особенно вечерами,
когда растут тени кипарисов,
и мать,
благоухая розовым маслом,
поднимается навстречу звонку,
а отец в отъезде.

Но сорняки во дворе прорастают
вопросами в моей детской душе,
пока солнце бросает блики
в окна комнаты матери.
Я звоню в дверь, и она
появляется на пороге,
пряча у себя на груди
зачарованного человека-птицу.

Шанта Шельке

ВЕРА И РАЗУМ

Какие бы высоты для поклонения
вера ни предлагала,
все равно разум в них
подметит огрехи.
Вера ищет защиты у Бога,
а разум вопрошает: «Да есть ли он?»
Вера жаждет слиться в любви.
Разум сомневается в ее надежности.
Вера бьется за идеалы,
разум предсказывает беду.
Могу ли я поверить, не оглядываясь
на рассудок?..
Могу ли обрести веру —
бесхитростную и бесстрашную?..

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Стоило только шероховатому черному камню
вообразить себя
прекрасной статуей —
и он уверился,
что он статуя,
и день и ночь
он отделял от себя лишние крупички.

А когда бамбук
подумал:

«Я — свирель»,
в его теле внезапно прожглись
отверстия
и мечты его вылились в форму
шести нот.
С той самой минуты
он начал утрачивать связь с землей.

Балагангадхар Тилак

ТЕНИ

Богиня!
Они недостойны ярости,
Они недостойны ненависти.
Ярость их недостойна взаимности.
Женщине — их настояний не вынести.

Богиня!
Все они — перепуганные людишки.
В темени мира — перепуганные умишки.
В темени черепа — перепутанные мыслишки.
Тени себя не нашедшего племени,
Потерявшиеся в прошедшем времени.

Богиня!
Все они — мыши с отрубленными хвостами.
В норках, в каморках своих дни за днями
Раздувающие потаенное пламя,
От отчаянья становящиеся палачами,
От ничтожества — неуничтожимые
Прежних запретов защитники одержимые,
Прежних секретов жрецы и хранители.
Горе-жильцы расколдованной обители,
Люди так называемого среднего класса.

Богиня!
Все они — люди всего лишь наполовину,
Наполовину накрученные на пуповину
Правил поведения и морали.
Правду с неправдой они перевертали,
Покуда читали то, что им задано,
То, что религией заповедано,
То, что газетами утренними преподано.

Все они — пошлости верноподданные.
Жалости неумелые имитаторы,
Банальностей неутомимые декламаторы,
Тщетных надежд постоянные вкладчики
В банки, где выдачи им не назначено.
Все они дают смешок, а потом
В ужасе перекошенным ртом
Воздух хватают — холодный и колкий.
Все они — клочья, обрывки, осколки,
Жемчуг просыпанный — или песок.
Все от гибели на волосок.
Толпы слепцов, марширующих в бездну,
Орды глупцов под уздою железной,
Рать мудрецов и шутов вперемешку.
Все, что ни вытворят, — словно в насмешку.

Богиня!

Все же за них ты в ответе.

Все они — твои дети.

Дети несчастные, дети голодные,

Вечно согласные

Басни бесплодные

Главным и высшим считать откровением,
Серость свою — неподдельным сиянием,
Трусость — положенным им послушанием...

Нужно конец положить их страданиям,

Нужно конец положить их сомнениям,

Бомбу взорвав

Над их многотерпением!

Пусть речи мертвых расслышат они.

Пусть о деревьях расскажут им пни.

Пусть подышают бывшие негодники.

Завтрашний свет нужно видеть сегодня!

Богиня!

Я ухожу.

Я ухожу, ибо тьма наступила.

Только звезда меж двух веток застряла.

Только край неба огнем опалило.

Только дорога, пока не пропала.

Только и факела нет.

Только смелость.

Но смелость — и только — воззвала!

ЗАЯВЛЕНИЕ О РОЗЫСКЕ

Не продавайте билеты на всех вокзалах!
Отцепляйте локомотивы от поездов!
Передавайте по телеграфам и телетайпам!
Исполняйте обряд очищения в каждом храме!

Объявите о розыске по радио!
Подкрепите расклейкой фотографий!
Обыщите кафе, редакции и заводы!
Загляните во глубь морей!

Оцепите армейскими подразделениями дороги!
Пошлите ракеты на Марс!
Изучите следы и вмятины на песке!
Сличите отпечатки пальцев!

Толпы людей в беспорядке и в смятении,
Толпы идей охватила давка,
Толпы вождей призывают к национальному возрождению,
Толпы зверей выходят из чащи!

Вечера поэтов проходят без публики.
Политике нет никакого дела до эстетики.
Эстетике нет никакого дела до политики.
Эпидемия самоубийств сотрясает устои республики!

Не до теорий теперь, не до диспутов!
Едва заключенные, разрываются договоры.
Волной возмущенною дыбится человечество,
Чтобы перехлестнуть через край — и разбиться!

История превращается в истерию.
Империи перестают считаться империями.
Ядерная эра ораторствует с высокой трибуны,
Провозглашая приближение победного праздника!

Каждый истинный патриот включается в розыск.
Каждый, способный смотреть вперед, —
Встает
И отправляется на поиск.
Каждый народ — этот и тот! — должен быть занят
Только одним!

Глаза ее светятся бесконечным состраданием.
Уста струятся пониманием и счастьем.
В густых волосах расцветает роза любви.
Она — царица, заступница и богиня.
Она — защита, опора и твердыня.
Она отвергает ложь, грубость и грязь.
Она выпускает белых голубей.
Она к нам добра, она мать и сестра.
Надеждой зовут ее —
Нам нужно ее найти!

СЛОВО ПОЭТА

Не тигр я, чтоб в чужой крови купаться.
Не носорог, чтоб яростно реветь.
Земля! о, повели нам впредь
В согласье жить — без войн, без оккупаций,
Не убивать друг друга и во имя
Той, что встает — всегда красна, как пламя, —
И кличет Революцией себя.
Кто — садовод — свой рубит сад под корень?
Кроваво семя — колос будет черен.
И не учу, а плачу я, скорбя!

ТЕ ДНИ

Когда я вспоминаю те дни,
В печали изнываю, что счастьем сродни.
Когда я вспоминаю тогдашнюю весну,
В сегодняшних, всегдашних осенних водах тону.

Когда я размышляю — да жизнь ли вокруг, —
В печали изнываю: не таков ли конец?
Вы скажете, должно быть: безутешен наш друг.
Покажется, должно быть: перед вами мертвец.

Среди полей и лугов,
Среди цветущих садов,
Среди младенческих снов,
Среди молодых голубков,

Среди девических слов,
Среди бегущих ручьев,
Покуда ночи покров
Не пал, космат и суров,
Я вспоминаю те дни,
Что были счастьем сродни,
И, вспоминая весну,
В осенних водах тону.

Помнит пальма на берегу канала
Клятву, которая там прозвучала.
Помнит опушка манговой рощи
Идеалы любви, красоты и мощи.
Помнит олеандр, растущий за домом,
Горечь лобзаний с последним надломом —
Встречу и вздох двуединый губ...
Но если даже в сегодняшней сырости
Память о днях и дыханье весны,
Но если даже в сегодняшней старости
Сны стародавние сохранены,
Если хоть искрами глуби полны, —
Значит, те дни
Для людей спасены
Благословением
Всем поколениям.
Вечно был мир красоты нам люб,
Вечно страданье — в ответ на страданье,
Вечно жар жизни горел в гортани.
Вечно готовые дать отпор
Вражьему натиску, мы ликовали,
Души — от веры в себя — расцветали,
Каждую улицу, каждый двор
Светом, сверканием мы озаряли,
К сини небесной подъят наш взор.
Силы — не считано, воли — не меряно.
Мысль о свободе вела нас уверенно,
А впереди — непреложный рассвет.
Что за цветы на пути рассыпали мы!
Что за шелка на себя надевали мы!
Что за ковры расстилал нам весь свет!
Косы девичьи в их благоухании,
Далей величье и близей дыхание,
Дней череда как рубайят.

Кто их похитил? Кому в наказание,
В чьих подземелиях скрылся наш клад?

Стали мы словно медведи цыганские.
Стали рабами законов мирских.
Крылья орлиные и великанские —
Мы потеряли, мы сбросили их.
Мы потеряли понятие о доблести,
Мы потеряли свою правоту —
Раю небес сопредельные области. —
Ныне
Навек
Не ступить за черту.

Сулейман Ариб

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ УМЕРЕТЬ

Такое и прежде случалось...
Капризные трели запястий твоих,
Веселые звоны браслетов ножных,
Поэмы мои, и стихи, и напевы,
Которыми лунная лютя звучала,
В ручей бесконечного плача сплелись
И в реку вселенского плача влились.

СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Я больше не притронусь к струнам саза —
Беда играет на одной струне.
Не отдохну я больше в гуще сада —
Сад запылал и утонул в огне.
Ослабло зренье, не видать дороги —
Чадающий дым растекся по стране.
Чьи губы улыбаться перестали?
Чей лик заплаканный мелькнул в окне?
И день и ночь земля дрожит от страха,
И смерть справляет тризну в тишине.
И путник с полпути домой вернулся —
Страданья не объедешь на коне.
Один — индус, другой — магометанин,
А где же человек — кто скажет мне?..

Сахир Лудхианви

* * *

Где прежде ты была, куда ушла?..

Ты не знакома мне, но мной любима,
Всплыла мечтой и промелькнула мимо,
Бутоны щек, густых кудрей поток,
Ты — как прекрасный стих — непостижима.

В тот вечер ты мне оказала милость:
В тот вечер ты виденьем мне явилась,
Кудрей поток и взгляда холодок —
В тот вечер дальний все дождем размылось.

Приходишь вновь, лишь я сомкну ресницы.
Ты — пери снов несбывшихся моих.
Тот вечер никогда не повторится,
Ты — не озвученный словами стих.

Где прежде ты была, куда ушла?..

* * *

Мир тузов, дворцов, корон и тронов,
Мир обжор, купцов, дельцов прожженных,
Мир голодных, нищих, угнетенных...
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

Боль, тоска, в душе ни капли света —
Вырожденья жуткие приметы,
Кто рехнулся — люди иль планета?
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

Здесь лицо живое встретишь редко,
Здесь не люди, а марионетки,
Может вырвать только смерть из клетки.
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

Молодым для счастья надо мало:
Пестрый шелк да звонкие бокалы,
Нет любви — она продажной стала.
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

В этом мире жалком, подлом, нищем
Человека днем с огнем не сыщешь,
Дружба — уголек на пепелище.
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

Подожги, взорви свой мир ничтожный,
Вместе с ним гори, меняя кожу,
Помни — ты его частица тоже!
Кем ты был, кем станешь в этом мире?

ТАДЖМАХАЛ

...Горька утрата, смерть неодолима,
Но будет Тадж стоять неколебимо —
Как вечный памятник моей любимой!..

Где бедняку угнаться за богатым...
Не может и не хочет он идти
Тропой, проложенной нечистым золотом.

Все напоказ: любовь, утрата, горечь...
На всем печать насилия и зла...
Любимая, не по душе мне это —
Мне верность показная не мила.

Подумай, сколько любящих на свете
И скольких любящих земля взяла?
Отсутствие надгробий величавых
Не означает, что любовь мала.

Роскошные гробницы, мавзолеи,
Они — всего лишь славы зеркала,

И кровь рабов на мраморные стены
Орнаментом причудливым легла.
Шах повелел любовь увековечить,
И каменным цветком она взошла.
А где сейчас возлюбленные зодчих?
Могилы их окутывает мгла.

О сказочный дворец над тихой Джамной,
Летящих арок белые крыла...
Смеется шахиншах над бедняками —
Что ваши чувства? Жалкий прах, зола!

Любимая, зачем ты умерла?!

Васант Бапат

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

И Девадатта, божий человек,
Поправив за спиной мешок с вещами,
Захлопнул дверь.

Часы пробили полночь.

Он не заметил звездного огня,
Ни слабого костра последних торгов,
Ни пламенеющей в конце лампы.

Текущий год благоволил к нему:
В горшках кой-где на донце были деньги,
Подстилка на полу была не жесткой,
И одеяло согревало ноги —
О большем, право, нечего мечтать.

Но Девадатта разучился счету,
И, всю наличность запихнув в суму,
Он запер дверцу и побрел один
В неведомые города мечты.

2

Тысячецветный ковер-самолет
Уносил потерявшего путь Девадатту
Вдаль, где сказочных кубков лазурный лед
Ловит летящую с неба вату.
Вон четвертый замок Трипурасуры,
Который он взял в возмещение за урон
(По словам пураны о будущем),
Из алюминия прочного сделан он
И небьющегося стекла.

С сердцем трепетным, словно лань,
Сидит Девадатта в кругу завсегдатаев замка.
Красивоглазая легкая самка,
Ублажавшая только белых,
Коснулась его чернокожего тела,
Подала сохранивший тепло ее губок шербет,
Веткой пальмы по лбу провела.
Открой глаза, Девадатта!..

Радуги свет

Буйным дождем разрешился, и тьма ушла.

3

Ха, Америка! Вот я, перед тобой!
Жадноглазый нежданный гость Девадатта!
Красный ковер сверни! Закатай голубой!
Я хочу на циновке сидеть полосатой!

Бурых скал обветренных виды...
Даль закрыта для взгляда...
Пьяный от зелени юг Флориды...
Бурные, вечные реки ада...

Пустошь, вознесшаяся до небес,
Куда пересажен скраденный в тропиках лес...
Лошади в бархатных пыльных пополах...
Голливуд — страна цветов и влюбленных...

Черно-белый поток — палисандр и слоновая кость...
Дым... Стоэтажные города...
Сезам, откройся! Видишь, и я твой гость.
Я был обречен прийти. Я пришел сюда.

ВЕРНИСЬ ПОСКОРЕЙ...

Вернись поскорей! Ну зачем ты тянешь?
Как эта душная ночь, ты мне сердце ранишь.

И, если придешь, не надевай на запястье
Часики — эту тюрьму, где тени минут толпятся.

Лицо не пятнай косметикой броской,
Душу не мучь городской моралью плоской.

Не хочу, чтоб цветы в твоих волосах алели,
Оборки топорщились и безделушки звенели.

Позабудь законы движенья,
Склоненья забудь и спряженья,
Прилагательные и наречья.

Прикатись волной океана,
Изменчивой, ласковой, странной,
Хмельной в предчувствии встречи.

Нараян Шьям

СТРОФЫ

1

Сердце мое — попрошайки сумой
оно было когда-то.
Его украшают
ярких надежд заплаты.

2

Дивные платья
я выткал из лунных лучей,
но чувства бредут нагишом
и не стала жизнь веселей.

3

Дай насладиться тобою!
Как венчик цветка, ты юна...
Я не успел:
пролетела твоя весна.

4

Я и любимая —
небо и Млечный Путь.
Мое дыханье
переполняет ей грудь.

5

Как запахами женственность богата!
Уйдет — а я впиваю ароматы.

Жизнь новая как будто в мир пришла:
звонят в твоих ушах сережки из стекла.

Невеста в новый дом вступает —
и сердце дома расцветает.
Дом превращается
в благоуханный сад.

ПОДОЛ ПЕСКА

В пустыне царит совершенный покой.
Нескончаемые пространства песка —
барханы и дюны:
снизу песков — пески
и поверх песков — пески...
Ни души,
ни былинки не видно,
ни пташки летящей, —
но на исходе дня
радужный поток
врывается в пустыню,
играя раскаленной волной.
Пустыня начинает дышать.
Простой крестьянин
в дхоти
принимается хватать
пригоршнями песок
и полное дхоти
приносит домой,
думая, что набрал воды...
Солнце уходит на запад,
и пропадает волна —
мираж исчезает.
В пустыне царит совершенный покой.
Нескончаемые пространства песка
по-прежнему неподвижны.
Безвидно, безводно, безлюдно —
как было...

БЕГСТВО

Да,
это был он, мой враг!
Откуда он взялся?
Стоял напротив —
вот как теперь его вижу —
и смотрел на меня.
Я скрежетал зубами,
я кусал губы,
ну, думал, подожди у меня,
бросал в лицо ему
наглые взгляды
и, наконец, отвернулся.
Он, однако, не сдвинулся с места,
он продолжал стоять
все в той же повелительной позе,
и он сказал мне:
«Когда пройдет
этот злобный век
и когда мы израсходуем последние пули —
но даже если пули останутся,
мы их не вложим в затворы,
наши больные, увечные руки
не справятся даже с этим —
тогда ты спросишь, наверно:
— За что же мы воевали? —
И мы застынем в растерянности,
не умея назвать причину,
даже история не ответит,
за что ненавидели мы друг друга...»
Он застыл в ожидании
моего ответа,
но я...
я убежал...

Останься я ненадолго —
и я бы его непременно обнял.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

С блистающим песком
на берегу морском

сравнима жизнь, чьих складок очертанья
меняются от набеганий волн.

Мой голос —
раковины полость,
он так же резонирует в пространстве
болезненные трепеты души.

Судьба — неукротенная стихия,
орлиный взор, вперенный вечно вдаль
и не смотрящий под ноги...

Садананд Рее

ТРИ ФРАГМЕНТА О ЛАО-ЦЫ

I

Подняли мотылька из пыли
и посадили на пальму
пусть измеряет вечность
однако Дорога
так была широка
что поглядев на нее
лишился он языка
и мотылек
снова стал коконом

II

Изжеванный сплюнув табак
он ухмыльнулся кисло:
— живем просто так
ничто не имеет смысла
он кость нашупал в скелете
выломал ее с силой
и заиграл на ней как на флейте
по небу облако плыло
он подмигнул облаку
и ощутил как птица
плывущая в вышине
на плечи ему садится

III

Он слушал ветер
озеро подернулось
легкою рябью

кто-то его спросил
что он надумал делать

И он показал яйцо:
— вот посмотри
хочу увидеть ушами
птицу стучащую в дверь яйца
изнутри песни

ГОЛОСА

Горсть земли призывает меня
лечь и растянуться
на луговой траве.
Кровь, пульсирующая энергично, подталкивает
ухватиться за вершину горы
и раскрутить ее, как волчок.
Авантюризм подзуживает непрерывно
водрузить великолепную
радугу на небесах.
Жажда творчества заворачивает душу —
хочется ночью
водить хоровод со звездами.
Солнечный свет окликает
не ты ли обещал
сорвать лотос Брахмы?
Пепел неискоренимого эгоизма свидетельствует,
что я хотел бы из инкубатора
извлечь птицу Феникс.

В.-Г. Бхатта

ТЫ ПРИДЕШЬ САМА

Где ты, кто ты, скажи, я не видел тебя никогда.
Отзовись, пусть твой адрес укажет мне листик зеленый.
Где живешь ты? В какой стороне твоя всходит звезда?
Отзовись — а иначе собьются с пути почтальоны.

Нашептали ветра, что живешь ты в просторе ночном,
И что дом твой — нигде или где-то, а может быть,
дальше.
Что мне делать, глупцу, — я с загадкой такой не знаком.
Я иду наугад — и блуждаю в неведомой чаще.

Разрешите мне хотя б на бумаге с тобой говорить.
Разрешите на стекле рисовать мне твой облик желанный.
Мудрецы наказали волнение в сердце смирить —
Говорят, ты сама постучишься в окошко нежданно.

Что ж, я вымету сор — со двора, из жилья, из души.
В чистом доме останусь и буду смотреть на дорогу.
Ожидая, умру — и воскресну, но ты поспеши,
Шорох легких шагов дай услышать скорей у порога.

Приходи, когда хочешь, — с рассветом иль ночью глухой.
Не во власти моей тягостеть над мечтами твоими.
Душу выслал навстречу — провожатый она неплохой,
Двери ты распахни — и сама свое сердце открой,
И тогда я узнаю, — кто ты, и какое дано тебе имя.

ПРИВЕТСТВИЕ

— Кто там? — спросила она,
Когда он пришел на свиданье.
— Как это кто? Это я! — ответил мужчина.

— Всего лишь! — сказала она
Сквозь закрытую дверь.
И ответом было молчанье.

На чужбину уехал мужчина с горя.
Вернулся вскоре, постучал в ту же дверь.
— Кто там? — спросил тот же голос.

— Я вовсе не тот, что прежде, поверь,
Это Ты стучишься к себе теперь.
И молчание вдруг раскололось:
— Заходи, — сказала она, — или пропела дверь?

СНОВА ЗВУЧИТ...

Долгих семь лет длилось молчанье —
Немота сковала гортань, рука онемела, —
Ушли стихи от меня.
Пересох мой родник.
А как пел он, звеня,
Как песня летела.

Утром, едва только луч
Пробился в окно —
Вновь забил мой родник.
Размыло запруду, и стали чистыми русло и дно.

Сердце забилося потоку в такт,
К ручью я жадно приник, —
Не заметив, как минул день и заалел закат.

Ручей мой, больше не знай преград,
Звонкие песни людям даря.
Слейся с рекою, ибо реки
Впадают потом в моря.

УСТРЕМЛЕНИЕ

Смелость судить на себя не бери —
Белое, черное, доброе, злое, —
От Бога — одно, от черта — другое.

Толковать о морали оставь глупцам.
Хочешь умником слыть — так и быть, почеси в затылке.
Только не вздумай душить существования пламень
пылкий.

Пусть все свершается, как всегда:
Шумят леса, и течет вода.
Попробуй слиться с увядшей листвой, —
И в умиранье есть смысл свой.

Понапрасну не думай о высях и бездне,
Нет занятия бесполезней, —
Это гордыня владеет тобой.

Тщетны надежды, напрасны исканья —
Все — суета, мельтешенье, метанье.
Душу свою познай до конца,
А познав, не строй из себя гордеца.
Вверься судьбе своей безоглядно —
Даже страданье станет отрадно.

Добро наставит на верный путь —
Не соблазняйся с него свернуть,
Дух пусть вовеки не будет праздным,
К вершинам стремись, светлым и ясным, —
Чтобы на мир с их высот взглянуть.

ВРЕМЯ

Плещась в одной и той же реке,
Лежа потом на горячем песке,
Мы забываем, что дважды в одну
Реку войти не дано никому.

Воды, сменяя друг друга, текут,
Вслед за собою время влекут.

Зною на смену придут холода,
Холод в жару переходит всегда.

Хвори не вечны, не вечны недуги,
Все возвратится снова на круги.
Зла пеленою окутаны лики,
Сдернешь — проступят прекрасного блики.

Множество в жизни пустой суеты.
Ясности смерть обретает черты.
В прошлом сокрыты грядущего зерна, —
Но и оно переменам покорно.

Раджив Саксена

РАССЛЕДОВАНИЕ

на выпотрошенных чемоданах
на кухонной утвари
они так и не обнаружили
отпечатки пальцев
грабителя
который вломился в дом и
победоносно удалился с гордо поднятой головой
следы ног — свидетельство его королевской поступи

стражи порядка сняли первый допрос
только с меня
и с моего насмерть перепуганного соседа
напустили на всех страху
и я вдруг почувствовал
что тоже был в деле

во время расследования на месте происшествия
поиска изобличающих улик
некоторые умники унюхали запах наготы
это были бесстыдные тряпки пропитанные
менструальной кровью

поденщицы и
пустота
с уязвленной гордостью
и взятый в наручники язык моей матери
обвиненный в невоздержанной речи

сейчас расследование на месте происшествия
стражей порядка сменят детективы
они проведут дознание
такие симпатичные говорливые ребята

закончилось

но вовремя остановятся
у порога дома власть предержащих

мне ограбленному
остается только кричать
но прежде я переложу на детективов
расследование того что было на самом деле.

Ниссим Эзекииль

СКОРПИОН

Вспоминаю ту ночь, когда скорпион
ужалил мою мать. Десять часов
непрерывного дождя
загнали его под мешок риса.
Выпустив яд — молнией во мраке
сверкнул дьявольский хвост —
он снова рискнул под дождь.
Сбежались крестьяне, жужжа как мухи,
твердя назойливо имя Бога,
пусть зло от страха забьется в угол.
Горели свечи и лампы.
Гигантская тень скорпиона
плясала на ветхих стенах.
Крестьяне искали его: но тщетно.
Они прищелкивали языками.
Всякий раз, когда тень двигалась,
они говорили матери, это яд проникает в кровь.
Может быть, он посидит тихо, говорили они.
Может быть, в следующем рождении
тебе зачтется страдание, говорили они.
Может быть, в этом мире иллюзий
зла станет меньше,
а добра больше,
если ты пострадаешь немножко.
Может быть, яд очистит твою плоть
от вожделения, а душу — от честолюбия,
говорили они, сидя на полу
вокруг моей матери
со спокойствием понимания на каждом лице.
И снова свечи, и лампы, и соседи,
и насекомые, и бесконечный дождь.
Мать со стенами

извивалась на циновке.
Отец, человек бывалый,
бормоча про себя заклинанья,
растер порошок, разнотравное зелье.
Он даже пролил немного керосина
на укушенный палец ноги и поднес спичку.
Я видел пламя, пожирающее мою мать.
Я видел святого, исполняющего обряд
исцеления от яда.
Через двадцать часов
ей стало легче.

И мама сказала:
благодарение Богу, что скорпион ужалил меня,
а детей моих пощадил.

ВОРОНА

Три раза каркнула ворона
Под моим окном, дурным глазом уставясь
В мои глаза и разведя крылья слегка в сторону,
В зловещей позе наклонясь немного
И вытянув шею, как ворчащая склочница,
Что умеет заполнить собой любое пространство.

Три раза получала я послания,
Как лунатик двигаясь по воздуху мыслей,
Плохо одетая, бессознательно
Озабоченная всем на свете,
Чтобы справиться с волнением, когда
Гость придет и на своих условиях настопт.

Весь день я ждала, потому что —
Так примета сказала — вслед
За вороной приходит гость,
Переодетый ангел — кто знает? —
Или искушение в новом обличье,
Обещанья мои проверить и покой унести.

Все сложилось совсем по-другому.
Руки его были пусты, он хотел
Всего-навсего убить время.

Для его хорошего настроения
И моего сочувствия сигаретный дым
Был более существенным, чем наша беседа.
И я поняла, как сильно ошибалась,
Не предугадав именно этого:
По ту сторону чудесных мыслей,
Пылающих, как узор на ковре,
Приливы-отливы времен года и секса,
Другие заурядные происшествия.

ЕВРЕЙСКАЯ СВАДЬБА В БОМБЕЕ

Ее мама уронила слезу или две, но на самом деле и не
думала
плакать. Просто так полагалось, и она использовала
для этого
всякий удобный случай. Моя невеста подняла меня
на смех, когда я
посочувствовал теще, не прикидывайся простачком,
сказала она.

Ее братья спрятали мой ботинок и заставили меня
выложить
деньги. Этот спектакль страшно понравился соседским
детишкам, весь день не сводившим с меня глаз, таким
недовольным
казался им я.

Приданого не было — все знали о моих современных
взглядах,
и всю старались тоже быть современными. Ее отец
спросил меня, сколько
я думаю он даст драгоценностей за дочь.
Я сказал, не знаю, и он отделался легкой шуткой.

Возле синагоги не было духового оркестра, но я помню
пение псалмов и какие-то ритуалы,
кучу ермолок, фетровых шляп, цветастых шалей
и виноградный сок из одного стакана для невесты и
жениха.

Помню, как разбился стакан, и прихожане
захлопали, что означало, все идет по правилам и мы
женемся
в соответствии с законами Моисея.

На этом, пожалуй, и все. Не думаю, чтобы что-нибудь,
торжественное и прекрасное, меня особенно поразило.
Скорее,
мы забавлялись, и все остальные тоже. Кто знает,
сколько веры в нас было?

Даже самый верующий из нас ел говядину, потому что
так было
дешевле, и многие заложили души за кусок
восхитительной свинины.
Сквернословие, споры и пьянство запрещает Шаббат.

Ничего особенного, подумаете вы,
все было довольно прилично. Мой отец не мог не
сказать,
эти верующие прекрасно знают, где положить конец
своим нелегким ограничениям. Сам он придерживается
более свободных
правил, но без всякого насилия над собой и над нами.
Мать с чрезвычайной гордостью осознает себя
«прогрессивной».

Во всяком случае, как я уже говорил, было чему
хлопать, и позже
мы отправились в фотоателье Лобо и Фернандеса,
«всемирно известных специалистов по свадебным
портретам». Еще позже
нам постелили матрасы на пол на кухне родителей жены,
и несмотря на то, что была уже полночь, она
без конца повторяла, сделай это, мой милый, сделай это,
мой милый,
и мы сделали это.

Больше десяти лет прошло, прежде чем она поведала
мне, что
была ужасно разочарована. И это все,
что должно было произойти? — удивлялась она.
Вернувшись из Лондона
за восемнадцать месяцев до этого, я совершенно не
имел практики.

Во время первой серьезной семейной сцены она кричала, почему ты отнял у меня мою девственность? Я с удовольствием вернул бы ее, но где же мне взять книгу, в которой сказано, как это сделать.

О НИЩЕТЕ

Она подождала, когда принесут кофе, поблагодарила официанта и сказала: «Я прошла мимо него, естественно, он приковал мой взгляд, бедный мальчик, сидел не двигаясь, почти голый, сгорбившийся, одинокий».

Мы отхлебнули кофе и нашли его неплохим.

«Прежде чем я отвела глаза, он улыбнулся, и я вернулась и бросила монетку, не веря ни в это, ни во что другое».

Она не знала, что нищие в Индии улыбаются только белым туристам.

«А все-таки, индийцы — добрый народ», — сказала она. «Я тоже так думаю», — ответил я, — «Я тоже так думаю». Она поглядела на меня с недоверием. Я прислушивался к звенящему зною. Возможно, она решила, что лучше не спорить. Я тоже так думаю.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В своей комнате я беседую с невидимыми гостями: они не спорят со мной, но ждут,

пока мое красноречие иссякнет, тогда они с непроницаемыми лицами растворяются в воздухе.

У меня нет средства отучить посетителей
от столь дружелюбных привычек,
но боги их мне по душе.

Язык в самом деле всех
разъединяет, несмотря на то, что
все остается общим. С другой стороны,

всякий может понять
Мать Терезу: ее гости не были
невидимыми, умирая в ее объятиях.

Это не мифология
и не свадебный обряд,
что вам полагается знать,

это всего лишь желание пройти
сквозь игольное ушко
самозабвения.

Гости уходят неудовлетворенные;
они никогда не оставят свои мантры,
древние или новые.

А вы, неприкаянные
сироты расовой
памяти, вы

шлифуете вчуже
технику самопогружения,
когда город в огне.

ГАНГА

Мы гордимся
своей щедростью

по отношению к слугам. Женщина,
стирающая на нас, подозревается

в проституции,
но от места ей не отказано.

Она всегда получает
чашку чая,

оставленную для нее
с прошлого вечера,

а также чапати, пусть и черствые,
но хорошо приготовленные.

Раз в год — поношенное
сари и блузку,

за которые мы могли бы
запросто выменять тарелку

или чашку с блюдцем.
Кроме того, она занимает

несколько монеток, чтобы купить бетель
или сладости для детей.

Она приносит с собой запах
и оставляет его после себя,

но мы привыкли к нему. —
Эти люди ничему не хотят научиться.

СЛУЖАНКА

Молодая служанка, незнакомая,
появилась в шесть утра. Я открыла дверь,
она опустила глаза, проскользнула мимо меня
и открыла краны,
пустив клокочущую воду.

Ей девятнадцать или двадцать один,
точно она не знает.

В двенадцать или четырнадцать вышла замуж
за настоящего зверя,

у нее есть дети,

она все время говорит моей матери:

муж бьет ее

ради удовольствия. Моя мать

видела рубцы на спине и бедрах,
она раздобыла мазь
и, за чаем вздыхая,
описала мне, что́ она видела
и какие это люди.
Я просто пропитан известиями
о жутких событиях.
Их приносят к завтраку
из каждого уголка
безбожного этого мира.

Рахман Рахи

СМОТРИ!

Сердце — путник, ищущий сад в пустыне,
о, смотри на скитанья его, смотри!
Сердце — светоч, гибнущий в безднах ночи,
о, смотри на мерцанье его, смотри!

Слушай горький зов — это песнь поэта:
как весна, ты ему отогрела сердце,
Но, любовь обретя, он утратил зренье —
о, смотри на метанья его, смотри!

Как бы ярко в саду ни цвели нарциссы,
если розу украли — исчезла радость,
Без нее соловей не поет, а плачет —
о, смотри на страданья его, смотри!

Все вращается в этом странном мире —
лишь его изменчивость неизменна:
Если ночь не умрет, не родится утро —
о, смотри на сверканье его, смотри!

Гибнут веры и царства, а цель — едина:
ищет правду бессмертную смертный разум.
Родился пророк — в новый путь стремится —
о, смотри на дерзанья его, смотри!

Вырастают из черных семян печали
вдохновений пламенные тюльпаны,
Языками костра полыхает сердце —
о, смотри на пыланье его, смотри!

Твой певец Рахи не слезами — кровью
окропил цветник своих лучших песен,
Прозорливцем был, стал безумцем жалким —
о, смотри на терзанья его, смотри!

Гуру Просад Моханти

ДВА СОНЕТА

* * *

В асадхе небеса пусты, поляны голы,
и губ твоих не красит хохота пыльца,
и музыки морской не слышно в раковине полой.
Ни созидания не знаем, ни конца.
Нет ветра над пустыней твоего лица,
и не прольется дождь из низкой тучи синей,
волна уносит жар — и тело мертвеца,
не взятое волной, покоится в пустыне.
Лишь если в небеса асадха облака,
обильные дождем, придут издалека,
в полях людей начнут улыбки колоситься.
Но кто-то любит боль, утрату и конец.
О, в древней сей земле воскреснул бы мертвец,
коль на твою любовь он мог бы положиться.

* * *

И если дух — лишь мускулы, да ток венозный,
и глубину земли питают снов струи,
и если темной ночью лунный свет и звездный
таков же в бытии, как и в небытии, —
отринь твоих волос и платья панцирь грозный,
пусть дни и звезды кости выбелят твои;
я снизойду к тебе в твоей юдоли слезной,
в забвении твоём, в несчастье, в забытии.
Небесный разум мой земного ищет тела,
я постоять пришел на берегу морском,
в границах крови мы оставлены вдвоем.

Где дух? Где плоть и кровь? Где разума пределы?
Но тело ждет души, как опустевший дом.
Друг в друге и душой, как телом, мы живем.

ГОЛУБИ МОИХ ГЛАЗ

Голуби моих глаз
бьются о сталь небес
и, сокрушенные, падают вниз.
Там, в одиночестве, ты открываешь
многозначность жизни и смерти.

Тонкие пальмы слов
ранят тела песков.
И в зное дневных часов
я ищу родовую память твоего тела.

Ты шепчешь тайны трав и цветов,
скал и лесов,
раковинок и мхов;
в лохмотьях мчащихся облаков —
сказки луны, плывущей навстречу смерти.

Ты лечишь весною больное тело Природы,
входишь в песчаные водовороты,
любишь меня и ждешь моего прихода.
Но где же твоя душа?
и где мое тело?

Голуби моих глаз,
ранясь о свод небес,
свергаются вниз.
Река времени течет в твоём утомленном теле
и несет мои мечты.

Падают листья неслышно,
солнце как будто дышит,
ветер сосну колышет —
и, кажется, это дым.

Я не помню уже,
когда голуби этих глаз
влетали вслед за тобой
в Куттак и в Удджайн.

Нирендронатх Чокроборти

ИИСУС В КАЛЬКУТТЕ

Зеленый свет на светофоре,
но вся Калькутта, ревушая ураганом,
вдруг нажала на тормоза:
застыли, будто над краем бездны,
автобусы, легковушки и мотороллеры.
«Глядите! Глядите, идет!» — кричала толпа,
и выбегали на проезжую часть
разносчики, торговцы, покупатели —
и все застыли, как на холсте
по воле живописца.
Они смотрели,
как, устало переставляя ноги,
улицу переходит
совершенно голый ребенок.
Недавно дождь прошел над Чоуринги,
и солнечные лучи, как длинные копыя,
пронзив сердца облаков,
пали на землю.
В дивном свете купалась Калькутта.
И я, прижавшись лицом к стеклу,
гляжу из автобуса то на небо, то на тебя,
младенец — нищий чудотворец,
Иисус из Калькутты.
Ты молитвой остановил движенье.
Что тебе вопли толпы
и водителей скрежет зубовный?
Слева и справа — смерть, а ты посередине
идешь, спотыкаясь:
воплощенная человечность и радость
первых шагов — будто хочешь
мир в ладони вместить, и поэтому,
спотыкаясь,
ты переходишь с одного берега на другой.

ГЛАВНЫЙ ДУШИТЕЛЬ

О дед, я стою возле самой воды
жестокой реки. О дед,
стою и вижу: ни единой звезды
сегодня на небе нет.
Рядом со смертью живу я, дед,
смотрю в себя и вовне,
куда ни гляну — в родной стране
и в чужой стране,
куда ни гляну — повсюду тьма,
жестокое время выпало мне.

Странное время мое,
в котором чудес не бывает.
Течет ли, как прежде, река,
никто не знает,
висят ли в горах облака,
никто не знает.
Странное время, дед,
и на небе света нет,
и на земле — нет,
и любую мечту о свете
гасит главный душитель — страх.

Небось твоё небо, дед,
было синим?
Мое же не синее ныне.
Небось и душа твоя, дед,
как небо, синя?
Не то что моя.
Синева и души, и неба погасла —
во тьме среди бела дня.

Я стою среди этой
тьмы непроглядной, дед,
стою и не вижу света,
ни единой звездочки нет.
Я рядом со смертью живу, дед,
смотрю в себя и вовне:
куда ни гляну — в родной стране и в чужой
стране,
куда ни гляну — повсюду тьма,
не спит во тьме лишь главный душитель —
страх.

СОВМЕСТНАЯ СМЕРТЬ

Лучше спорить и верить, что мудрость рядом,
пусть камни вопросов сыпятся градом,
пусть когти острит недоверчивый разум,
уж лучше вечно спорить, чем разом
прийти к согласью.

Соглашатель опасен:
тот, кто всегда и со всеми согласен,
тот прямоком идет
к самоубийству.

К примеру, возьмем рассказ о Сувинде:
Сувинда и Судха слились воедино
и стали мертвы,
как будто их поглотила глина,
а глина не знает противоречий,
мертвая глина.
Единомыслие — это смерть.

Знайте, что лучше по-своему жить,
чем умереть совместно.
Поэтому спорьте и верьте, что мудрость рядом,
пусть камни вопросов сыпятся градом,
пусть когти острит недоверчивый разум.
Спорьте!

Смотрите, шагают единым строем
спокойные, единомыслые, юные
в едином порыве, к единой цели
шагают, и некогда им оглянуться:
они достигнут, они достигнут
согласья и вместе тела их поскачут
пустые — вверх по лестнице смерти.

Арджан Шад

ОГОНЬ

Слово, которое я молвлю, —
Как шаровая молния.
Лишь эти слова, составляя речь,
Могут горькое сердце развлечь.
Не капли росы,
А сгустки огня
До конца выражают меня.

Если этот огонь
Зажигает душу,
Его не угасят все волны, залившие сушу.

Все это не об одном лишь мне.
Миллионы жизней в огне.

Это страсть моего столетья.

Шуканто Бхатточарджо

У ГОРИЗОНТА

Разрывается нить бытия, и незримое время
отнимает дыхание, жизнь отнимает у плоти.
Нависает больная, сырая зима надо всеми.
Семена, и деревья, и звери — в предсмертной дремоте.
Ни луча, ни огня. Звезды — еле заметные пятна,
и посеы мертвы. Но по всем заповедным приметам —
эта ночь так темна, так сгущается тьма непроглядно
только перед рассветом, друзья, только перед рассветом!

ВУЛКАН

Я самому себе кажусь порой
вулканом спящим, дремлющей горой.
Под слоем пепла теплится едва
сухое пламя.
Тянется веками
в долине тихой летаргия льва.

А вы смеетесь надо мной,
об осторожности забыв.
Я, говорите, прах земной...
Но будет взрыв!

Я улыбаюсь — мягко, слабо.
А в сердце — бьющая лава.
Глазами сонными вожу
по лицам каменных домов
и по любому этажу
среди многооконных снов,
и жарких ламп,

и жадных лап,
где шутовская ночь бела
от фейерверков зла.

Поберегитесь! Не в раю
живете вы, а на краю
обрыва, кратера немого.
Еще немного —
и он взорвется. И дотла
сгорит жилище зла!
Да, я вулкан. Я заодно
с Везувием и Фудзиямой.
Я самый молчаливый, самый
покорный. Я ничто, я — дно.
Но в тихом сердце у меня
пожар крамольный,
танец молний,
безмолвный океан огня!

Справляйте праздник — под руками
все есть у вас.
Но вы живете на вулкане —
идет последний час!

ЛЕСТНИЦА

Мы — ступеньки лестницы, которой
по привычке пользуетесь вы.
Но под вашими ногами скоро
задрожит послушная опора —
разве мы недвижны и мертвы?

Поднимаетесь по нашим спинам
со ступеньки на ступеньку — ввысь?
Долго нам, покорным, нам, безвинным,
пресмыкаться перед господином?
Все трещит! Смотри, не оступись!

Топчете живых, но знает каждый —
наступил крушения канун.
С лестницы такой слетел однажды
и разбился насмерть самый важный
властелин могольский — Хумаюн!

АДРЕС

Где я живу, мой друг? Где я живу?
Без адреса. И в гости не зову.
Живу, бездомный, нищ и одинок,
в трущобах, на обочинах дорог,
на улицах, под деревом, в толпе —
в неизвестности, неведомой тебе.

Мой дом — Земля, над ней — светило дня.
и гравий под ногами у меня,
и город мой, и самый дальний край —
Россия, Индонезия, Китай...

Найди меня — я пролагаю след
повсюду, где свобода и рассвет.
Ни голод, ни угрозы, ни обман,
ни ночь, ни мгла, ни ветер, ни туман
меня остановить не смогут, нет!
Мой дом — дорога! Адрес мой — рассвет!

Мой друг! Набухли тучи, океан
мрачнеет, созревает ураган,
и птица над излучиной реки
кричит и пишет быстрые круги.

Мой друг! Где я живу? Где адрес мой?
Он здесь. Пересекая шар земной,
иду вперед — и по ночам и днем,
при свете звезд, под солнечным огнем.

Мой адрес — будущие времена.
Мой дом — освобожденная страна!

НЕТ ИНОГО ПУТИ

Сколько бед от начала дней до конца
у того, кто трудится в поте лица —
у ткача, строителя, рыболова,
рисовода, пахаря, кузнеца!

Хватит! Ни к чему нам терпеть неудачи.
Хватит! Время восстать — не можем иначе!

Нет иного пути! Покоряться — нельзя!
Никого не спасут причитанья и плачи!

Нет иного пути! Разрушим тюрьму!
Уничтожим неправду! Прогоним тьму!
Нет иного пути, и не надо иного
нашей совести, сердцу, уму!

СПИЧКА

Я — обычная спичка, я очень мала.
В коробке — теснота, и молчанье, и мгла.
Но застенки, и тюрьмы, и крепости зла
я бы сразу спалила дотла.

Брось меня непотушенной — будет пожар,
станут пеплом бесчисленные дома:
и дворец, и лачуга, и храм, и амбар.
Только этого я не желаю сама.

Мы — обычные спички в одной коробке.
Мы лежим неподвижно — в кармане, в руке.
Но проснемся — и рухнет гнездилище зла,
и останется только зола!

Мы лежим в тишине, в темноте — до поры.
Мы дождемся — и пламенем станут миры.
Запылают костры ваших глаз и сердец!
Только искра — и рабству конец!

УРОЖАЙ

Этой осенью будет собран
рис. И все урожаем добрым
осчастливлены будут. Снова
переполнятся все амбары.
Будут праздники. И ни слова
об умерших, больных и старых!

Не могу я так — стану, плача,
вспоминать и сестру, и брата.

Не скрывая тоски, не пряча
скорби, вспомню, что без возврата
отошли в могилу они —
год назад, в осенние дни.

Здесь, от голода умирая,
мой близкие — нет родней! —
так и не дождалсь урожая,
не дожили до сытых дней.

Господи! Рядом с горем —
веселая кутерьма,
целые горы зерен,
полные закрома!
Я окликаю милых,
я зову из могил их:
Встаньте! Хорошая весть —
приходите поесть!

ПЕРО

Из века в век писало́ ты, перо,
историю людей. Ты так старо,
и все-таки живешь, томишь меня
печалью древних лет и злобой дня.

Перо, ты вечно пишешь, наклонив
изогнутую шею, все в чернилах —
о горестных годах, о днях унылых,
о голоде, о смерти наших нив,
о бесполезности надежд и дел,
распаде душ и увяданье тел,
о жалких притчах из былых веков,
о снах — для нищих и для бедняков.

Тебя, перо, к позору и молчанью
приговорить хотели навсегда,
но ты скрипело, тихое, ночами, —
не прерывало тайного труда.
Себя ты распинало на листке,
изгрызанное, черное, прямое,
не знающее страха и покоя,
покорное писательской руке.

Но больше не пиши о пустоте,
о безнадежности, о вечном горе,
о нашем раболепье, о позоре,
о подневольной жизни, о стыде.

Перо! Вот человек — он жив трудом.
Его душа свободна, он не терпит
покорности и не боится смерти.
Он выстроит себя, как новый дом.
Пиши о нем, но не велеречиво!
Пиши! Продажа, купля и нажива
ему противны. Праведным огнем
горят его глаза. Пиши о нем!

Пиши о нем! Он полон ожидания:
исчезнет злоба, оживет добро,
придет свобода, победит восстанье...
Пиши об этом, старое перо!

КОГДА УМРУ

Умру — мои слова утратят суть.
Сверчок умолкнет, и свеча померкнет,

и воцарится тьма. И холод смерти
заполнит мою немую грудь.
Умру — заплачут близкие. Тоска
сердца моих друзей сожмет, но вскоре
поблекнет память обо мне. А горе
недолговечно, скорбь — неглубока...

Умру — к моим рифмованным словам
придет забвение — подарок смерти, —
и только боль, что разрывала сердце,
останется — и прикоснется к вам...

Каннадасан

МОЯ НЕВЕСТА

Из всех сезонов, как приход весны, она,
Из всех искусств чудесных живопись она,
Из всех цветов жасмин сияющий она,
Из всех трудов дни жатвы радостной она,
Из всех пернатых чудо-горлинка она,
Из всех напевов колыбельная она,
Из всех плодов, как манго спелое, она,
Из всех ветров, как бриз ласкающий, она!
А по земле ступает плавно и легко,
Улыбка девичья чиста, как молоко,
Со мною бережней, чем любящая мать,
Моей женой дала согласие скоро стать,
И вам признаюсь я, что с первого же дня
Ее любовь поэтом сделала меня!

ПЛАЧЬ ОБО МНЕ!

(На смерть сестры)

...Плачь обо мне, мой брат, плачь обо мне!
...Плачь обо мне, моя мать, плачь обо мне!..

Как сиротливо лежит бездыханное тело
Той, что была любимой моей сестрою!
Скорбной родней окруженная, мать возле ложа
Молча сидит, в безутешной тоске поникнув.

...Плачь об мне, мой брат, плачь обо мне!
...Плачь обо мне, моя мать, плачь обо мне!..

Разве слезами потушишь огонь печали?
Разве словами удержишь потоки горя?
Тщетно пытается мать приглушить рыданье,
Сколько отчаянья в этом беспомощном плаче!

...Плачь обо мне, мой брат, плачь обо мне!
...Плачь обо мне, моя мать, плачь обо мне!..

Выплакав слезы, окончив мольбы и обряды,
К месту сожженья мертвое тело уносят,
Плечи носильщиков скорби-тоски не знают,
Масло, что льют в костер, не вскричит: «Довольно!»

...Плачь об мне, мой брат, плачь обо мне!
...Плачь обо мне, моя мать, плачь обо мне!..

Если пролился дождь — это плачет небо,
Если блестит роса — это плачут травы,
Если струится тень — это плачет роща,
А если поэт заплачет, родится песня.

...Плачь обо мне, мой брат, плачь обо мне!
...Плачь обо мне, моя мать, плачь обо мне!..

Сукхбир

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Чистый лист бумаги
иногда превращается в пустоту неба,
иногда — в пустоту сердца.

Одно слово,
как некая птица в застывшем полете,
возникает и исчезает,
прочерчивая цветную черту.

Потом — другое слово
и еще, еще, и еще слова
смыкаются с первым словом.

Вереница летящих птиц
создает и рассеивает
множество зыбких сцеплений и форм.

Сердце не может остаться чистым листом бумаги.

2

Глазами цветовых сочетаний
я вижу мир.

Вобрав все многоцветие красок,
мое зрение стало ясным,
приобрело цвет света.
Теперь я вижу
лицо земли — землистого цвета
в черных, красных и серых тонах.

Зелень снов
и семян в утробе земли.
И все что ни есть,
я вижу в свете и тьме и в самых различных
оттенках.

Благодаря такому виденью
жизнь моя многоцветна.
А иначе был бы один-единственный цвет —
цвет скуки.

3

Далеко
лампа в каком-то доме
мерцает.

Звезда
мерцает в пространстве пустом.

Тьма моего виденья
дрожит.

Слеза
стекает по моей щеке,
рисуя твой силуэт.

4

О приди, давай посидим хоть немного вдвоем.

Только это мгновенье благословенно.
Рядом с тобой я наслаждаюсь болью
и различаю все цвета счастья.

В этот пылающий полдень
ты как звездная ночь, в которой
новую луну я зажег.

Я хочу говорить не словами—
цветами,
чтобы эти цветы сердце твое обнимали.

Мои одиночества как чистые листы,
на которых я мысли мои рисую — все о тебе.
Утра и вечера приходят, уходят и возвращаются снова.

Летящая птица времени —
давай поймаем ее и посадим в клетку,
чтобы забыть о существовании дней и ночей.

И пускай все, что видим, нас целует в глаза
и выскажет все, что осталось невысказанным.
Давай посидим хоть немного вдвоем.

Дхармавир Бхарати

ЦВЕТОК НОЧИ

Глубокой ночью,
когда заходит луна,
начинает вздыматься гигантский цветок —
волшебный цветок
тьмы.

Из-за громад городских
из сельских дворигов и закоулков,
над дальними рощами и холмами
медленно-медленно поднимаются
зыбкие, чуткие, исполинские
черные лепестки.

Гляжу я
в окутавший улицы мрак —
он кажется мне цветком благовонным
твоих в драгоценную чашу сложенных
легких и смуглых рук.

И вот
одурманенный разум мой
начинает кружиться и виться,
прикован его колдовским ароматом,
как в сказке о лотосе непорочном,
что зачарованного шмеля
в душистой темнице закрытых своих
лепестков
держал до самой зари.

НЕТ НИКАКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ...

Нет никакой необходимости в том,
чтоб ужасное что-нибудь произошло:
железнодорожная катастрофа
с десятками изувеченных жертв,
или пожар,
трагический взрыв,
унесший сотни безвинных жизней,
или гибель океанского корабля,
во мгле напоровшегося на утесы...
Нет необходимости —
ведь и без того
что-нибудь случается ежеминутно:
то на перекрестке,
в потоке прохожих,
кто-то задохнется и беззвучно упадет,
то из полутемного закоулка
вырвется душераздирающий крик,
то чей-то зазевавшийся ребенок
вдруг угодит под гремящую челюсть
громадной уродины — грузовика...
Что-нибудь случается на каждом шагу,
и совсем не нужно,
чтоб ты ужаснулся,
подумал, что в мире неладное творится,
или вообще хоть о чем-то подумал —
ведь сколько мелькает подобных картинок,
несвязных, как обрывочные кинокадры,
за ясной броней ветрового стекла!..
Или вот этот расплющенный голубь
под колесом красавца-лимузина:
кровавый комок,
прилипший к крышке,
медленно крутится — и раз, и другой,
и третий...
И тут ты, наверно, подумаешь...
Нет, не подумаешь, пожалуй, ни о чем —
что в этом мире скучней и будничней
уличной случайной смерти?

Нет никакой необходимости в том,
чтоб ужасное что-нибудь произошло, —
вполне достаточно,

чтобы однажды,
в один из дождливых бомбейских полудней,
ты в кабинете своем сидел
молча,
подавленный, опустошенный,
глядя бездумно в широкое окно
на дождь над заливом.
И вполне достаточно,
чтобы одинокая тяжелая капля,
долго висевшая на краешке фрамуги,
вздрагнула
и, след прочертив извилистый,
неторопливо сползла по стеклу.
Тогда
что-то дрогнет в твоей груди,
а в окне, перечеркнутом струйкой отвесной,
расколется небо,
распорется море,
и грешина вопьется в душу твою!
И внезапно вскрикнет
тот самый прохожий,
беззвучно свалившийся на перекрестке,
и тонкие ручонки к тебе протянет
ребенок,
исчезая под грузовиком...
Сбрасывая подлое оцепененье,
жгучим языком костра запыляв,
на ноги ты вскочишь,
крикнешь: — Не бойся! —
крикнешь: — Я здесь! Я спасу тебя, спасу!.. —
и бросишься вперед, и — себя уже не помня —
ладонь бесстрашно протянешь между
грубым колесом
и дрожащим, испуганным
голубем, сияющим взлететь...
И голубь взлетит!
А что с тобою станет,
к этому никто присмотреться не захочет,
да и в самом деле:
что скучнее, будничней
уличной, нелепой смерти?..

И нет никакой необходимости в том,
чтоб ужасное что-нибудь произошло:

железнодорожная катастрофа,
кораблекрушение или взрыв...
Довольно, чтоб капля — одна только капля,
чашу переполнив,
сползла по стеклу...

А голубь взлетит — спасенный тобою голубы!

Наваканта Баруа

НАБРОСКИ

Плыли мы в лодке однажды
по Ганге...
На берегу, в бледном свете осенней луны,
показались могилы.
Мы говорили о чем-то,
Друг друга не слыша, хоть ветер
ничуть не мешал нам.
Небо — не помню я —
Облачно было иль ясно.
Помню, что небо...

* * *

Времени вечно в обрез.

Времени вечно в обрез, и повсюду сплошные загадки,
С каждой чашкою чая, нет, с каждым глотком,
С каждой затяжкой табачного дыма —
Загадка...
Из дому выйдешь —
там новых загадок полно.
Времени вечно в обрез —
На любовь,
На стихи...
Дорогая,
Благослови меня,
Благослови на побег,
Благослови на побег на мгновенье отсюда.

Все хорошо.
 Мы сидим и молчим,
 Мы сидим.
 Столько мне нужно сказать,
 Но нельзя, ни за что, но не буду.

Прошлою ночью пустился я в споры с собой.
 Сколько причин, сколько поводов было для спора...
 Сколько я доводов, сколько ответов нашел...

Но не теперь.
 Мы сидим и молчим.
 И довольно.
 Солнце швыряется светлою галькою в нас —
 Та застревает в ветвях...
 Пара камушков все же пробились
 И засверкали —
 В глазах у тебя, на губах, на руках...
 Не на моих...
 Мы сидим и молчим... Мы сказали
 Все
 Навсегда,
 Что сказать мы друг другу могли.

НАПРОСИВШИЙСЯ

Это не просто возможно, мой друг,
 об этом я точно знаю:
 В этом безумном мире есть островок,
 Где все еще мир царит, где грустит, тебя ожидая,
 Подруга твоя, сохранившая в сердце исток
 Того нектара с весенним благоуханьем,
 Что до сих пор не отравлен нашим дыханьем.

Знаю, о друг мой: словно плывет по этой реке,
 Не загрязненной продажным разумом наших дней,
 Где-то там, вдалеке, да, вдалеке,
 Островок, где душа обитает любви твоей.
 Там босые ноги твоей подруги
 По цветам, нагретым ласковым солнцем весны,

Пройти не бояться,
  где капельки слез
С легким запахом наших сожженных грез
Путь укажут, куда мы идти должны,
Мы, потерпевшие полный провал паяцы
В этом цирке цивилизации.
Если б ты вынести это смог,
Тогда отгул я взял бы хоть на денек —
Отдохнул бы от этого ада,
Побыть вашим гостем — какая была бы отрада!
Хотя бы один чудесный апрельский день,
Убаюканный воркованием голубицы...
Буду плакать, если смогу, изолью всю грусть,
А когда вернусь... когда вернусь...

Увы, ведь придется же возвратиться!

Шиварудраппа

ПОД ЧАСАМИ

Кто знает, сколько столетий они уже идут —
Эти Часы;
Секундная стрелка, минутная, часовая —
Отмечают на них: день или ночь.
Каждый час они стонут, даже каждые полчаса,
И кровь стынет в жилах моих.

Снег ли, яркое ли солнце — не все ли равно? —
Звезды совершают круг по небосводу, —
Их ничто не тревожит,
Река все так же течет к океану, —
Но темную жажду соленой пучины
Не утолит
Вся сладость рек земных.

На кладбище земля слагается из праха,
Зелень травы покрывает сотни могил,
В башнях разрушенных крепостей
Шелестят летучие мыши,
Внизу, в земле —
Постукивают лопаты:
Археологи ищут забытый город.

Он сидел, как статуя, темной ночью
В грохочущей темноте.
И вот он услышал
Скрежетанье зубов из темной воды:
Тик-так, тик-так,
Это тикали возле подушки часы —
Тик-так, тик-так, словно бил молот, — прямо в мозгу.

Утренний ветер, крик петушиный
Намекнули: пойди, прогуляйся,
Но слишком быстро кончились розы,
Начинается голая тропа,
И деревья-скелеты стоят, как конвой.
Он зашагал по мертвой листве,
По травам сухим —
И встретил лишь тень указателя:
«Шестидесятый километр».

Он поставил свой посох в угол,
Взглянул в зеркало:
Голова в серебре и запавшие щеки,
Да и глаза потускнели —
Чем не его портрет?
На стене висит фотография,
Снятая в дни юности — золотое время.
А Часы — отбивают время.
Огромные Часы. Тик-так, тик-так!

ПУТЬ

Река стремится к океану.
Ее провожают в дорогу с улыбкой
Зеленые деревья.
Одна река? Две? Нет, сотни.
Помедлит река, передохнет
И снова — в путь.

Но к океану спешить — для чего?
Призвание, стало быть, таково.
Поспешай, поспешай, только знай заранее:
Освобожденье твое — в океане.

Сколько потоков, сколько родников,
И для каждой рыбешки, живущей там,
Любой затон — огромное море.
Так же различна любовь —
Бывает — голодная, бывает — неверная,
Страсть бывает горькая, бывает — сладкая,
Но во всем — своя красота.

Реку ничтожной любви перейди,
Помни, что цель у тебя впереди.

Ждет тебя великое море.
Солнце пальцем укажет дорогу тебе.
Верь, счастливым будет твой путь.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Вот дорога: лишь тот, кто прошел по ней,
Знает, как много на ней камней,
Скорпионы, колючки и змей клубки, —
Стезя печали, смерти, тоски.
Вот болото яда, вот кипящий свинец,
Вот бездонный обрыв, вот терновый венец.
И взрывы, и дым, и огонь — пройти
Все это придется тебе на пути.
Из тысячи — лишь один до конца
Доходит, не изменив лица.
Ну что, дерзаешь? Немедля, теперь,
В истинность цели своей поверь.
Иди вперед, храбро иди,
Колесницу твердой рукою веди,
И скажи наконец, что тернистый путь—
позади.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Ты снова пишешь стихи?
О господи, брось наконец!
Скоро все мужчины в дому
Станут тешиться чепухой

Хватит, хватит всяких стихов.
Зови-ка лучше детей,
Самое время сейчас
С ними вместе за ужин сесть.

Иль стихи твои можно есть?
Может быть, ястряпаю так,

Что стихи — уж куда как вкусней?
А желудок — примет ли их?

— Всё есть в стихах у меня,
Много женщин, много мужчин,
Много жемчуга — и фонтан,
Из которого счастье бьет!

— Что, сегодняшние стихи
Лучше тех, что были вчера?
Не забудут ли их,
Как забыли прошлые все?

Что ж, поближе сядь к очагу,
Постарайся мне не мешать,
Побудь молчком в уголке,
Ужина подожди.

А вот теперь посмотри:
Как раз вернулся твой сын,
Он тоже принес стихи...
Как полезны они очагу!

«ДОМ СДАЕТСЯ ВНАЕМ»

Печальная вывеска на стене:
«Дом сдается внаем».
От людей ничуть не таясь,
Скорбные эти слова
Начертал не хозяин — а дом.

Давно ушел — кто знает, куда? —
Тот, кто некогда здесь проживал.
Время шло, обветшала стена,
Сердобольный сосед приметил дыру —
И тут же замуровал.

Хозяин деньги давно получил —
А до прочего дела нет.
Тем, кто в доме жил, все равно
Недавно или давно
Дом покрашен был в белый цвет.

То ветер, то дождь, то жара.
Идут, пролетают летá.
В смене света и тени,
В свисте гулкого ветра
Лишь одно живет — пустота.

Посмотри, у дома, перед порогом
Сохранился священный узор!
Это память о матери доброй,
Дом для всех державшей открытым—
Блекнут краски: с которых пор?

В праздник, давно минувший,
Гирляндой украсили дверь, —
Но иссохла от зноя листва,
Лишь как виселичная петля,
Лиана свисает теперь.

Под тяжестью крыши подгнившей
Здесь просела рябая доска,
Тараканы да ящерики здесь
Еще пока что спуют,
Но и им в этом доме — тоска!

Молитва когда-то звучала здесь,
Бывал очаг разожжен —
И свет вечерний сиял, и был
Он ласков, словно запах цветов,
Был как девичья шея он.

Звучали когда-то здесь
Детские плач и смех,
Сотни откликов мира
Жили здесь, под крышей,
В доме, полном утех.

Неподвижность — жизни конец,
Движение — жизни суть.
Настанет ли час для этого дома,
И вихрь обновляющий вновь оживит
Его одряхлевшую грудь?

С.-Д. Саксена

МОЯ ЛЮБОВЬ КАК ДОМ БЕЗ КРЫШИ

Моя любовь как дом без крыши,
то льется дождь, то в тот же миг
вдруг солнце вломится бесстыже
и стены поднимают крик.
Моя любовь как дом без крыши,
там стала притолока ниже,
там ветер с небом спор ведет,
и там в сырой и темной нише
паук в молчанье вечность ткёт.
Моя любовь как дом без крыши.
Сквозь опустелое затишье
прорвется слова гордый звук.
Но стены рушатся вокруг...
Моя любовь как дом без крыши.

ДАР

Я наклонился
к травинке
и почувствовал —
коснулся неба.

БАШМАК ИБН БАТУТЫ

Всем известный Ибн Батута, по-старинному обутый,
шел куда-то и к кому-то,
да тайфун его настиг.
И набился ветер в уши, и набился ветер в ноздри,

так что до-о-олго отдувался незадачливый старик.
И покуда отдувался всем известный Ибн Батута,
и покуда собирался сделать следующий шаг,
соскользнул с ноги Батуты, улетел с ноги Батуты
очень старый, очень рваный,
очень стоптанный башмак.
Полетал башмак по небу,
полетал, полетал
и в Японию упал.
И мудрейший Ибн Батута не достал его оттуда.
Но зато случилось чудо:
через горы и долины шел Батута день-деньской
и дошел дорогой длинной до сапожной мастерской,
где достал почти за так
крепкий новенький башмак.

ТЫ — ПУТЕШЕСТВИЕ

Ты — путешествие
в котором что-то потерять
то же самое что найти
в котором смертельная усталость —
неиссякаемая бодрость
в котором любое изменение —
изменение во мне
в котором куда ни взглянешь —
езде увидишь бога.

ЛЮБОВЬ — ЗОНТИК

Начинается ливень —
и над тобой раскрывается зонтик
Разведрится —
он бесшумно складывается в морщины
Тогда поставь его в угол
Любовь — это тот же зонтик
укрывает других
а сама промокает до нитки.

УСТАЛОСТЬ

После разрушения каждой стены —
усталость
После каждого поворота дороги —
усталость
После каждой стоянки —
усталость
Усталость
Человек
Бог
Религия
Мир
Усталость
Усталость
Усталость.

ПУСТАЯ ЛОДКА

В сумерках синих лодка пустая
к берегу снова тихо пристала.
Свет предвечерний, сойдясь с темнотою,
смыт был, как пепел, быстрой водою.
Река бормотала невнятно и грустно,
два берега стиснули узкое русло.
Песок пересохший лежал одиноко
и вдруг потемнел, как влажное око.
И ветер забрызган был каплями пота,
но вскоре его одолела дремота.
Того, что судьба на руке написала,
словно волны отступившей, не стало.
И вниз постепенно снесло по теченью
дневные немые размытые тени.
А звуки и образы перед глазами
прибились к пустынному берегу сами.
Вода почернела до дна, но оттуда
прорезался свет, как неожиданное чудо.
В сумерках синих лодка пустая
к берегу снова тихо пристала.

ДУЭТ

Однажды слоненок —
слоновий ребенок,
песню трубил из последних силенок.
И вдруг ненароком (видно, спросонок)
в ухо слоненка влетел комаренок.

Уверен был в том
комариный ребенок,
что голос его и хрустелен и звонок,
что он наделен исключительным даром,
и песню запел он с восторгом и жаром.

Слоненок захлопал ушами. И что же?
Решил комаренок — забили в ладоши!
И с новой силой в малюсеньком теле
продолжил свои комариные трели.

Но тут всех зверей охватило смущенье:
кому из певцов отдать предпочтенье,
найдется ль учитель вокального пенья,
который возьмет их двоих в обученье?

ПРИБЕЖИЩЕ

Обломилась сухая ветка
и упала на мягкую траву
Я спрятал свое лицо
у тебя на груди.

В ЭТОМ ЛЕСУ

На этой лесной тропинке,
деревьями затененной,
я сам обратился в дерево
с густой и широкой кроной.
Солнце голыми пятками
уперлось в самое темя,
и раскричались птицы,

вселяя в меня смятенье.
Меня сотрясает ветер
и высь оглушает громом.
Теперь меня издали видно
по свежим и грубым разломам.
А в остальном — я тот же,
меняюсь лишь по сезонам.
Время приходит — желтею
и вновь становлюсь зеленым.
Так откуда же знать мне было,
что, шагая тропинкой лесною,
замешкаюсь я и тотчас
лес завладеет мною.
И корявые ветки — руки —
из меня прорастут грозно.
Но птицам, что за день устали,
ладони будут, как гнезда.

ТВОЕ МОЛЧАНИЕ

Под твоими
тонкими губами
родинка
Как будто бог вбил гвоздь
по самую шляпку
Вот отчего
когда ты молчишь
твое лицо кажется небесно прекрасным.

СОЛНЦЕ-АКРОБАТ

Ночью и днем
стоят заросли молодого бамбука
На нем словно акробат на батуте —
солнце.

Теперь рука бога
не наверху
а внизу —
в этой горной низине.

Бамбук прижимают к земле
с его верхушек
взлетает солнце
разбегаясь подпрыгивает
и оказывается на самой вершине горы
Ничего не скажешь — высший класс!
Затем оно делает еще одно сальто-мортале
и исчезает.

НИКТО НЕ ПРИДЕТ

(На смерть жены)

Никто не придет
Отлив утащит в морские глубины
мелодию потрясенной души
Перевернулась лодка
но мне удалось спасти
мой инструмент
и ноты
моего одиночества
они лежат на песке
как навеки уснувший утопленник
с отрешенным холодным лицом
Вот тогда я убедился
что и ночь пахнет горячим солнцем
Но несмотря на это Создатель
выйдя из моих горестных глаз
пропадет в непроглядной тьме
Ожидание и тлен
молчаливо соревнуются: кто первым
услышит приближение другого.

РЕВНОСТЬ

Я заслонился ладонью
от кобры раздувшей свой капюшон
И еще боковым зреньем увидел:
что-то ползло в траве
Я похолодел
обреченный
На хвост вставшая кобра
приготовилась к стремительному прыжку.

СЛОВНО ЛОДКИ, ЛИСТЬЯ ПЛЫВУТ

После долгих дождей
словно лодки листья плывут
Я растоплю
эту ледовую реку в тебе.

Музыка — непонятно какая —
леденеет
в аромате цветов
в песнях
в клювах птиц
в небе
в котором мерцанье звезд
в ранах
влюбленной души.

Я растоплю
эту ледовую реку в тебе.

Проволоку натяну
от одного далекого края дождя
до другого
и как дрессировщик
в голубых панталонах
заставлю луноподобное прошлое танцевать
под куполом необозримым
а также — будущее в сполохах молний
и в нелепых штанах из облаков
а также — настоящее эту стену проливного дождя
над которой висит зонт из лучей.

Купол памяти не вмещает
даже пустого неба.

Завязав ураганы в узел тугой на груди у реки
дождь развернулся и завис надо мной
Теперь уж я растормошу мою любовь
которая носит чулки изо льда
и перетащу эти листья-лодки
на другую сторону неподвижной реки.

Дашаратхи

ПЕСНЯ ЛОТОСА

Там, где нет и не было людей,
Там, где безмятежны небеса,
Там, где небеса к земле щедрей,
Там, где дарят землю небеса
Светом, и лазурью, и теплом,
Там растет привольно все кругом.

Там, где полноводная река
Величаво катит вдаль волну,
Тихую мелодию одну
Слышишь в тишине издалека.

Надо с троп исхоженных сойти
В буйноцветье мхов и мягких трав
И вступить на торные пути,
Ноги в кровь о камни истоптав,
Чтобы и запеть и расцвести
В лад и вровень
С сумраком дубрав.

Я бы дом себе построил там—
На молчанья тихом берегу,
На опушке леса.
На лугу.
Деву поселил бы в доме том,
Сел бы с ней в обнимку к очагу.

Ведь земля больна
В наши времена,
Болен мир и болен человек.
В ужасе
С земли

Ангелы ушли.
Не такой прельстил меня побег.

Птица свой рискованный полет
Совершит верней, чем самолет.
Сердца стук надежнее,
Чем ход
Времени, спешащего вперед.
В мире вечно слышишь звон монет.
Музыки иной
В нем просто нет.
Разве что фабричные гудки.
Разве что трамвайные звонки.
Но они надежней и верней
Сильных мира в смуте наших дней.
Что они мне? Или мне — до них,
Суетных и все же —
Неживых.
Все, что не цветет, — мертво и голо.
Кто набить торопится живот,
Кто к нему в прислужники идет,
Кто стоит на страже у ворот,
Кто кнутом и пряником живет, —
Все, что не цветет, — мертво и голо.

Птица
Улетает в вышину.
Ей вдогонку
Песню затаю.

Мухаммад Алви

ПУСТОЙ ДОМ

Окон немытых застенчивый взгляд,
Сеть паутины и пыли налет.
«Нет никого» — половицы скрипят,
«Нет никого» — тишина мне поет.
Знаю я сам, что вокруг ни души,
Но в моем сердце надежда живет,
В этой безлюдной печальной глуши
Шепот таинственный в уши течет:
«Друг дорогой, горевать не спеши —
Кто-то появится, кто-то придет».

СНЫ ПУСТЫНЬ

Построил бы я пирамиду
Из серых огромных камней,
И спал бы и спал бы я в ней...
Глаза приоткрыв полусонно,
На гранях ее увидал бы
Осколки горячего солнца —
Игру многоцветных огней.
Но явь сновидений больней.
Заснуть в пирамиде бы снова
И спать до скончания дней!

НОВЫЙ ГОД

1

Свечи блещут, как зарницы.
В вихре танца все кружится,
Все мелькает — ноги, лица...
Что же будет?.. Что случится?..

Кто-то жаждет веселиться,
Кто-то хочет удавиться,
Кто-то речью разразится,
Кто-то втайне прослезится,
Кто-то с жизнью распростится,
Кто-то к жизни возродится,
Кто-то тискает девицу,
Кто-то ревностью томится,
Кто-то вдаль умчится птицей,
Кто-то птицей возвратится,
Кто-то выпьет, чтоб забыться,
Кто-то, выпив, ухитрится
С лестницы свалиться...

Полночь бьет. Вино искрится.
На бокалах свет дробится.
С музыкантов пот струится.
Полночь — радости криница,
Полночь — времени граница:
Новый год в окно стучится,
Старый должен удалиться,
Все должно перемениться!..

2

Новый год пришел на землю,
Новый год со старым скарбом —
Все вокруг осталось старым...

ДОМ

Из дома удеру, ей-богу!
Противно мне в родном дому,
Со всем семейством я враждую
В дому, похожем на тюрьму.

Отец кричит мне: «Кровопийца!
На нас накличешь ты чуму!»
Вздыхает мать: «Бездельник, лодырь,
Как быть с тобою — не пойму...»

Мой брат над книгами потеет —
Они ему не по уму,
Сестрицы к зеркалу прилипли,
И пыль на все кладет кайму.

Разинул пасть сундук дурацкий —
Богатство грезится ему,
В углах таятся привиденья,
И окна источают тьму.

Я удираю без оглядки,
Семейству показав корму,
Но почему-то все дороги
Приводят к дому моему...

ИЗ НАЗМОВ

Посвящается правительству Гуджарата

В Бомбее есть вино,
Пойдем хлебнем вина.
Залить бы память нам вином,
Забыть, что завтра мы пойдем
Туда — где все вверх дном,
Где пить вино запрещено.
Пойдем хлебнем вина,
Забудем за вином,
Что кто-то поступает неумно,
Нам запрещаая пить вино.

Шешендра Шарма

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Бурям моей души
Удалось сокрушить
Корабль и бесценный груз —
Тыщи горящих солнц,
Тыщи слепящих слов.

Время зевало
Тихоокеанским провалом рта.
Небесная высота
В порывах ночного шквала
Обломками звезд сверкала.

Осколки былых звучаний,
Лоскутья былых миров
Искал я среди ветров
В развалинах мирозданья.

Лишь эхо кричало мне
В ответ, что еще не время
Раскрыться цветами всеми
На радужном полотне.

Я чувствовал: я разбит
Могучей морской волною.
Мой стих трепетал со мною
И плакал — как я — навзрыд.

МУХИ

Сердце мое — не груда
Мусора! Мух — не буду
Терпеть. — Не корка, чтоб сгрызли
Мыши биенье жизни!

Выкуй в огне страданья
Меч неземного знания —
Высеки на скрижали:
Мухи орлов прогнали.
Выслушай голос хлеба —
Или же голос Неба:
Да воздадут по заслугам
Тому, кто повенчан с плугом.

Если мы не уняли
Взошедших хлебов печали,
Значит, хлебам грядущим
Серпом засверкать секущим
Над нашими головами,
Над думами и мечтами.

В бурю идем, во мраке.
Звезды — всего лишь знаки.
Солнце нам нужно, солнце!
Тьма нам вослед погонится...
...Я бы повел вас, если
Мухи бы с сердца слезли.

ПОРА

И небо призывает нас: «Пора!»
Да, к эвкалиптам! Да, в глубь тихой чащи,
Где, как в тени гигантского шатра,
Цветы благоухающие манящи,
Безмолвны и таинственно блестящи,
Где на деревьях нежная кора,
Где мир таков, каким он был вчера,
Позавчера и раньше, — кротко спящий.
Ведь ход времен — всего лишь мишура.

Мы будем, как пьянчужки-облака,
Скакать вприпрыжку по грудастым горкам.
Не раненная плугом, так мягка
Земля! И пот в объятье жарком
Здесь жемчугом блеснет наверняка,
И дождь любви — хоть собирай ведерком!

Не удастся нам побыть вдвоем!
Друзья, подруги — словно ожерелье, —
Как только поцелуемся, — порвем!
Притворно их всегдашнее веселье—
И вечно пьем разлуки злое зелье,
Когда, расставшись, сами не пойдем,
Когда и как мы встретимся потом.

Под этими деревьями когда-то
Мы свиделись. Под сенью этих звезд.
Теперь они взирают виновато,
И чаща помертвела, как погост,
И сами эвкалипты, в полный рост
Восстав, воспоминаньями объаты
О том, как наших встреч сверкало золото.

И звезды — неподвижны, но крылаты, —
Паря над мириадами племен,
Не различая лиц, фигур, имен, —
Заметили: со мною там была ты.

Среди цветов я был у ног твоих.
Камелии, мимозы, маргаритки —
И лилии, и далии, — как стих,
Цвели они, как золотые слитки,
В сапфировых горах и золотых.

Здесь, в изумрудной зелени ветвей,
Макал я кисть, смешав слова и чувства,
В берлинскую лазурь любви моей,
В аквамарин искусства без искусства —
И наставлял «период голубой»
Блаженного слияния с тобой.

Вся синь земли и вод была тогда
Порукою моей любовной силы —
И горные ручьи текли сюда,
И юрких рыбок влага приносила,
Мерцающих сквозь струи, как слюда, —
И в рифму все вокруг заговорило!

Пойдем в тот лес, давно уже пора.
Да, к эвкалиптам!
Да, к осенним листьям,

Мерцающим теперь, как строчки писем,
Отправленных нам с неба.
Нам пора!

ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА

Линия горизонта делит
Небеса пополам
И в меня напрямую целит.

Тесновато во мне мирам:
Рекам, рощам, горам, столице
И бесчисленным деревьям.
Космос мой
То предельно прям,
То закружится и скривится —
В каплю жалкую превратится:
Реки вспять потекут,
К холмам,
Рухнут горы на дно ущелий,
Люди встанут, как деревья,
Дождь польется из подземелий,
И плоды принесет трава,
И, как травы, леса поникнут,
Небеса из земли возникнут
И земля — из благих небес
С горизонтом наперевес.

Горизонт снял меня с прицела:
Снова небо в зенит взлетело.
Горизонт оседлал волну
И устоялся в вышину.

Он зовет меня:
Сам теперь
И дорогу найди и дверь.

МОЛЧАНЬЕ

В горы
Молчанье уйдет,
Чтоб не видеть людские скандальцы.
Время течет,
Как вода сквозь пальцы.

Лето и осень,
Зима и весна —
Пауки.
В наших глазах
Они вьют паутину тоски.
Горный ручей —
Так молчанья целителен звук.
Сердцу — и то
Не прощу нескончаемый стук.

Пением птичьим
Измерю леса,
Родником —
Или пожара
Неистово жарким огнем:
В час, когда пламя
Охватит деревья кругом,
Я к ним приникну
И с ними заплачу тайком.

БУРЯ

Буря, куда ты
Крылато летишь, бесновато?
Злость у тебя на лице —
Тупо оно и космато?

Сердце объято
Неистовством или тоской?

Ранишь?
Изранена?

Губишь —
И гибнешь порой.
Но ни упрека, ни вздоха —
Лишь ветер, слепой и сырой,
И фонари
Словно вскрики в ночи над землей.

Ты победила?
Но рукоплесканий не жди!
Тьма как могила,
Как стылые слезы — дожди.

Строки из книги твоей,
Словно птицы,
Снимаются с мест.
Что остается?
В пустыне поставленный крест.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

За наше время поднял я бокал —
И тени желтых листьев засквозили
В моем вине... Вся жизнь — осенний шквал,
Мгновений искры гаснут в клубах пыли
И в лампах счастья все слабей накал.

За наше время?.. Из его бутылки
Лишь вопли рвутся
Да сочится яд.
Весь мир чумным дыханием обьят,
И свет цветет цветеньем ядовитым,
Зарылось солнце в раскаленный ад
Звездой падшей, мертвым монолитом.

Пуста пустыня, хоть ее поят
Проливой кровью, разумом убитым.

Сегодня в пляс пустился мой народ,
Одежду просвещения с плеч срывая.
Под барабаны бешенства орет
Толпа, желанья пылкие питая.
Призывы, никогда не замирая,
Зовут и заывают нас вперед.
А солнце?
Неужели не взойдет,
Чтоб ужас озарить родного края?
Взойдет оно,
Когда-нибудь взойдет —
И мертвым деревьям,

И голым сучьям
Дарует жизнь...
Верней, ее вернет.
Так что же, друг мой, мы себя так мучим
И океаны проливаем слез?
Глоток вина —
Напитка наших грез —
Во имя дня, который будет лучшим!

РОДИНА СОЛНЦА

В стране моих слов —
Нескончаемый день
И боги, которым
Неведома тень,
Все бронзовокожи...
Бессильна там тьма
Упасть на деревья,
Упасть на дома.
Закрывают глаза —
Спящих яблок шары.
Открыты глаза —
Золотые миры.

Засну — а вселенная
Спать не вольна:
В войне моих слов
Полководец она —
И лица стихов,
Словно в бурю,
Дрожат,
Покуда поэты
Галдят и вопят.

Шаги мои —
Молнии сквозь облака.
Как факел, горящий во мраке, —
Рука. —
Как вечер, опутанный
Сетью лучей.

А тело мое
И лучей горячей.

Здесь — родина солнца.
Здесь — вечный рассвет.
Отсюда вопросы
Родятся на свет,
Пронзая полуденным блеском
Геенну.
Я солнце, как перстень,
На палец надену.

ПОИСКИ СПОКОЙСТВИЯ

Душе моей
Хочется вдаль
От людских голосов
И шагов —
К высям гор
И во чрево лесов.
На поезде ветра
В толпе облаков уплывает она,
Навстречу молчанью,
Туда, где всегда тишина,
И прочь от зиянья
Пустых городов и безлистных деревьев,
Где зданья и знанья
Толпятся, души не согрев.

Ей снится и снится
И снится иная земля:
Где люди как птицы,
Крылаты луга и поля,
Вольны и крылаты
Парящие в небе слова,
Стихи и кантаты
Полета,
Его волшебства
Исполнены. Светом,
Светло прогоняющим сон,
И лес напоен,
И стремящийся ввысь горный склон
А ветры подобны
Бездомным бродягам-поэтам.
Дыхание там

Не сольется с дыханьем ничьим,
Молчание там
Остается немым и ничьим,
Деревья безмолвны
И лишь чуть шевелятся там —
Процессии волны,
Катящейся в каменный храм,
Где свадьбу справляют
Земля и небесный простор,
Где в песнь претворяет
Молчанье само
Птичий хор
И где эвкалипты
Красуются в алых венках
У каменной крипты,
Где месяц,
Комочком в руках
Свернувшись у неба,
Так низко плывет,
Что мы с крыш
Достать его можем
И к нам затащить,
В нашу тишь...
Вот в эти-то доли
Душа потянулась мечтой!
Деревья здесь голы,
А там — тишина и покой.

О СЕБЕ САМОМ

Из сновиденья
Попадаю в сон.
Мой мир стеною муки обнесен.

И сны из полуночной темноты
Я навожу над явью, как мосты.
Не песня я,
А нота немоты.

Слова мои сковала боль моя.
И лишь на самом гребне забытья
Спокойствие царит
Небытия.

Последней ночи мира
Мрак во мне:
Созвездий раболепство в вышине
Нарушено —
И солнце восстает.
Бессонница, как слово, настает.

И каждый день
Я в горы ухожу,
Безмерность горизонта борозжу
И с песней лучезарною кружу
По сумеркам,
Подобно миражу.

Джан Нисар Ахтар

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Поэт всю жизнь в душе лелеет звуки,
Чтоб бейтов рой в единый миг возник.

И равен по длине бессрочной муке
Томительного ожиданья миг.

ЖАР ПОЭЗИИ

Больше Индии не быть рабыней,
Меч, оковы разрубивший, знает это.
Розы расцвели под небом синим,
Сад, в рассветный час оживший, знает это.
Пыль искрится радугой павлиньей,
Луч, сияние разливший, знает это.
Дышат доли влагой и теплыню,
Ганги ток, их напоивший, знает это.
Рот заткнуть нам не посмеют ныне,
Стих, свободу получивший, знает это.

Ваялар Рамаварма

БАМБУКОВАЯ РОЩА

Здесь в бамбуковой роще, я родился весною,
В белых брызгах бутонов сверкали кусты жасмина,
И бесшумно мелькая, и друг за другом гоняясь,
Средь прохладной, густой листвы мотыльки порхали.
На груди земли здесь лицом к небесам лежал я —
На лугу, на покрытых росой шелковистых травах,
Глядя в ясную высь улыбался я удивленно:
Кто цветы-облака разбросал по синему своду?
Время шло... И однажды, подобно ладье лазурной,
Что плывет по лунным волнам, предо мной явилась
Эта девушка — с голосом, как у летящей кукушки...
Кто ей звонкое чудо вручил — свирель из бамбука?
Свет и песнь разлились повсюду! И с каждым мигом
Все приветливей мир глядел на меня с улыбкой.
Ах, подруга детства! Бегу за тобой, бывало,
А уж если поймаю, щипать-щекотать начинаю.
К нам являлась заря, неся виноград на блюде,
Нас луна обливала душистым сандаловым маслом.
Дни и ночи, казалось, все ласковей мне улыбались —
Обещали мне радость, кружась над бамбуковой рощей.
Так я рос и мужал... В этой роще, затопленной светом,
Оставалось ли место для темных теней и мыслей?
Возмужал я, стал юношей стройным... Одно было
странным:

Почему так давно я не вижу юной подруги?
Каждый день я мечтал: сегодня с ней повстречаюсь —
Будем снова играть, а быть может, и целоваться!..
Но мечты проходили, мечты исчезали бесследно,
И все звонче, томительней пели стволы бамбука.
О бамбуки высокие! Вы вокруг меня толпились,
И звенели, и пели, и слушал я вас удивленно:
Как смогли в ваши души попасть, вас наполнить пеньем

Голубые кукушки — певуньи, любимицы неба?
С каждым днем уходил я все дальше в дикие дебри,
С каждым днем все острее тосковал по милой подруге...
Вот однажды набрел я на каменное возвышенье.
Видно, храм здесь стоял, но давным-давно развалился.
Там сидеть полюбил я ночами, во тьме наблюдая,
Как, слетевшись, блестят светлячки золотыми свечами,
А на ранней заре перед каменным тем возвышеньем
Солнца первые блики склонялись, как будто молились.
Кто когда-то сложил это каменное возвышенье?
Где сегодня те люди, что здесь божеству поклонялись?
Часто здесь я бывал... И однажды заметил: две черных,
Две громадных змеи под священные камни вползают.
Там, под старую кладку, нору себе вырыли змеи,
Черный умысел их разгадал я: в грядущие годы
Направлять они стали дыхание пастей зловонных,
Отравлять принялись души будущих наших потомков.
Стали яйца откладывать эти угрюмые змеи,
И змееныши жадные вывелись — корни лесные
Стали яростно грызть... И не знал я, как справиться
с ними!..

Вот тогда-то опять появилась моя подруга.
Как она изменилась, любимая! Как исхудала!
В рваном платье, босая... Но та же свирель из бамбука
В ослабелой руке... Увидала меня — задержалась,
Молча смотрит, но прежнего друга узнать не может.
Да, не может меня узнать!.. Как от жгучей боли,
Задрожал я, окликнул ее... Отшатнулась в испуге...
Что с подругой моей? Почему разучилась смеяться?
Почему так бледна!.. И меня будто видит впервые?..
Вдруг к губам свирель поднесла она осторожно,
И запел бамбук... Но какая странная песня!
Будто прямо в сердце свирель мне она вонзила, —
А из сердца в ответ лишь мой горестный вздох разнесся.
Видно, в дальнем, скорбящем краю росла эта песня —
На земле, окропленной слезами и потом страданий.
И спросила негромко девушка: «Ты ведь дешный?
Моего певца небесного не встречал ты?..»
Ничего я сперва не понял... Когда же снова
Вопросила она, стало ясно, кого она ищет:
Да, меня она ищет — любимого друга детства, —
Но не может, увы, осознать, что я — перед нею!
Помрачен ее разум... Дрожа, повторяют губы:
«Ты не видел, скажи?.. Моего певца ты не видел?»

Должен скоро приплыть он по речке в своем каноэ,
Чтобы взять меня в жены — и увезти отсюда.
Как давно мы расстались!.. Он добрый, самый любимый!
Он из трав золотых мне сплел свирель на прощанье,
А свою свирель из бамбука здесь, на поляне,
Закопал — из нее-то и выросла эта роща!..
Знаю, где-то в лесу он ждет меня... Он тоскует...
А печальную песню, которую пел он когда-то,
Все бамбуки теперь поют, — разве ты не слышишь?...» —
Так сказала она и прочь побрела, не простившись.
Неподвижно стоял я... О, чем бы я смог помочь ей?
Удалилась она — исчезла в дикой чашобе:
Своего певца небесного будет, как видно,
Без конца искать, пока не погибнет в дебрях.
Безвозвратно ушла любовь... Безнадежно вслед ей
Я глядел... И вдруг... И вдруг услышал впервые,
Осознал впервые, о чем так протяжно, грустно
На ветру поют стволы бамбуковой рощи.
Правду, правду сказала, хотя и безумицей стала,
Эта бедная девушка — эта погибшая радость:
Здесь в былые года свирель с печальным напевом
Закопал молодой страдалец, давно позабытый.
А из этой свирели бамбуковой год за годом
Разрасталась и ширилась, стала густой и высокой
Эта роща заветная, где был рожден я, где вырос,
Где с младенчества слышал стволов немолчное пенье.
О знакомые с детства стволы звенящих бамбуков,
Мне понятно отныне: вы ловите чуткой душою
Все рыдания мира, все горькие вздохи людские,
Каждый вздох и стон превращая в песнь утешенья.
Не покину теперь никогда этой рощи заветной,
В голосах ее плавных — истоки моих вдохновений,
И да будут светлы мои песни, — чтоб улыбнулся
Тот, кто плакал вчера, чтоб смеялись чувства и мысли!..
...Снова утро. И вдруг на холме, на далеком склоне,
Вижу светлого ангела: в липкой, сырой паутине
Он запутался крыльями... бьется... взлететь не может...
Я узнал его лик!.. О подруга, спешу на помощь!..
Потерпи, о любовь моя!.. Не рыдай, не бейся...
Я спасу!.. Я спешу... я бегу... я совсем уже близко —
У подножья холма!.. Я порву эти липкие сети,
И расправишь крылья, взлетишь ты, потонешь в небе.

ГДЕ ТЫ, МОЯ ЛЕБЕДИЦА?

О громадная туча, несущая бурный ливень,
Ты мрачна, но в руках огнецветную радугу держишь.
Не видала ли ты, где вчера моя лебедица
В поднебесье, при свете нежной звезды летала?
Где моя лебедица, что с неба послание счастья
Принесла в этот мир, над которым тяжко свисает
Синий занавес мглы и молчанья, скрывающий сцену,
Где опять и опять повторяется драма жизни?
Ах, не здесь ли кружилась чудесная та лебедица
С влажным блеском глаз и влажным отливом крыльев?
Будто дым густой, что встает над костром погребальным,
Перед взором моим ты встаешь, о черная туча!
До того ты мрачна, что сосуд из банановых листьев
Уронила душа, — в нем для жаждущих нес я воду.
Не окончилась драма — осталась последняя сцена,
Но куда, но куда героиня главная скрылась?
Мы ведь вместе вышли на эту земную сцену,
Где ж ее героиня?.. Ушла без единого слова!..
Время пьесу продолжить, — а занавес все еще сдвинут,
Сотни зрителей ждут, переглядываясь беспокойно.
Наконец, кем-то занавес поднят, — и неподвижно
Я стою, одинокий, на сцене!.. Вдруг вижу тропинку,
И сквозь лес я спешу, а вокруг — безлюдные дебри
И поляны, где вянут цветы, не успев раскрыться.
Стебли дарбхи — травы поминальной — в руке сжимая,
Со слезами, что скоро на жертвенный камень брызнут,
Припадая на ногу, израненную в скитанье,
До старинного храма заброшенного добрел я.
Поднялся по ступеням — дряхлым и запыленным,
Пуст забытый храм, давно обвалилась кровля,
Лишь столбы торчат и остались одни обломки
От светильников глиняных, — все уже сгрызло время!
Понимать начинаю: в тиши, в одиночестве сидя,
Должен шрамы сердца я здесь хоть немного сгладить
И в целебном напитке, что горше любой отравы,
Растворить сновиденья души моей задремавшей,
В ней раздуть непогасшие угли, костер погребальный
Из сандаловых веток сложить, чтоб мечты сгорели!
Нет, уже не вернусь в то гнездо погибшего счастья,
Где любовь моя ныне лежит бездыханным трупом.

Пусть никто ни о чем меня вопрошать не станет,
Пусть никто не зовет меня! Я совсем измучен!
Мне осталось последние силы излить слезами
И ни разу уже не прервать своего молчания!
Я вернулся, дрожащую душу держа в ладонях,
Я стою пред тобою, о мрачно-огромная туча,
Я тебе отдаю мою жизнь!.. Но когда, когда же
Мне вернешь лебедицу любимую, темная туча?..

Аджит Баруа

ДВЕ МЕДНЫХ АРГХИ

Всякий раз, пробужден яркой щелью зари,
Чувствую: что-то скребет меня изнутри —
Очень нежно, чтобы не сделать больно,
И вот что думается невольно:
А вдруг случится сегодня со мной
Такое, чего не бывает в жизни земной, —
Вдруг я сегодня снова увижусь с нею —
С той, что в прежнем рожденье
первой любовью была моею?
Вот очки внезапно она сняла,
И глаза ее, сразу померкшие от бессилья,
Стали как медно-коричневой птицы мертвые крылья.
(Не бойся, плакать она никогда не могла.)

И все же сейчас
Все ясней и ясней я догадываюсь, что слезы,
Быть может, тайком струились из этих глаз.
Но в ту минуту
Дерзкой хотелось казаться ей почему-то,
Непокорною — как алмаз.

Амик Ханфи

КОГДА В ОДИНОКИХ НОЧАХ...

Когда в одиноких ночах
Бессонный лежу,
Подходит природа, меняя цвет,
К новому рубежу.

Узор на ковре
Замысловат, как мечта —
Быть может, ночь с усердьем ловца
Забросила сеть,
И неприкаянные сердца —
Рыбами без воды —
Задыхаются в ней.

А мечта по дальним углам
За узором плетет узор,
Преображая каждый предмет,
И начинается маета:
Полчища линий кривых,
Отряды точек шальных
Рушатся на постель,
Налетают, как шквал,
И падает разум в темный провал.

От одиночества одичав,
Сердце спорит само с собой,
Хоть спорить уже невмочь.
Вот так и лежу в бессонных ночах,
Вот так и проходит ночь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

КОГДА

Заката щеки
Горячей медью пламенеют,
И вспыхивают губы темной розой,
И на сандаловых плечах клубятся кудри-змеи,
Тогда я, Индра, погружаюсь в созерцанье,
Чтоб видеть образы, сокрытые во мраке.
Я нравом крут и своеволен,
Я соколом лечу в неведомые дали
И рыщу львом
В непроходимых джунглях боли.
Петляющей тропой к пещере пробираюсь
И в зев ее ныряю безоглядно.
И я — неустрашимый Индра — испытываю ужас.
Ведет пещера в угольную шахту,
И там пять чувств моих,
Слух, обонянье, осязанье, зренье, вкус,
Питает твердокаменная пища —
Холодный черный уголь.

Ченнавира Канави

ВОРОБЬИХА

В комнате, за картиной
Свила гнездо воробьяха.
Заботливо утеплила его
Травой, кусочками ваты.
На крыльях заботы
Порхает пичуга.
Зернышки риса
Из кухни она ворует,
В сад устремляется тут же
За букашками и червяками, —
Она, что и мухи не тронет!
Вижу ее в суетливом полете,
Даже в глазах зарябило.
Вот она на мгновенье
Задержалась на раме оконной.
Глядит на меня вопросительно:
Почему я спокойно сижу?
Порх — и умчалась снова
На крик голодных птенцов.
Я уже сбился со счета —
Сколько можно летать!

Но пока я считал,
Короче, был занят глупостью,
Открылся праздному взору
Вечный источник Любви.

ТЕНИ НАД ГОРОДОМ

Жгучий полдень.
Иду в поисках тени.
Зонтик раскалился,
Стал ненужным, тяжким грузом.
Здесь, по обе стороны дороги,
Стояли ветвистые деревья;
Теперь на стволах торчат уродливые обрубки. —
Наверное, так легче натягивать провода.
Искалеченная тень
Сломалась об ограду.
Обрубленные ветки
Сложили в огромные кучи —
На растопку.
А деревья, так щедро дарившие прохладу,
Выросли, окрепли за эти годы, —
Кому они могли помешать?
Кто испугался их, —
Или коров, отдохавших в тени?
Может, они собираются расширять дорогу?
Кусты в саду —
Словно дети с короткой стрижкой.
Их тень дрожит на земле, как пятна проказы.
Асфальт плавится под ногами.
Дорога оцетинилась, —
Обиженно,
Угрожающе.
В детстве
Мы играли в шарики
В тени баньяна, на окраине деревни.
Играли, покуда руки
Не покрывались ссадинами.
Расплачивались за проигрыши,
Лупили друг друга,
Ревели над разорванными рубашками, —
И как же мы были счастливы!
Картины встают перед глазами,
Когда бреду в душной толпе в поисках тени,
Когда тащусь по шипящей, вытягивающей
Извивающуюся шею
Злой улице города.

Шириш Паи

В ПОРУ ДОЖДЕЙ

Нескончаемые любовные письма
пишутся в пору дождей.
Слова, омытые чувством, клонятся, как листья
под благодатным ливнем.
Эти несметные клятвы, эти бесчисленные обещания.,
Окликнуть, ободрить, если надежда потеряна
в долгую ночь разлуки.
Ночь, вымокшая до нитки...
Разлука, — как тяжкая туча,
заполонила все небо.
Но призывы — взаимны — повергают в смятение.
Вспарывают влажную тьму.
Усталое тело остыло,
как земля после ливневых объятий.
И только воспоминания, вспыхивая,
проносятся, как ледящий ветер.
О, тайный аромат прикосновения...
Острое лезвие
страсти.
Медленно льются любовные письма
в пору дождей.

Рагхувир Сахай

ЧТО Я ВИДЕЛ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Подошвы ботинок моих эластичны.
По улицам Дели бродить мне привычно.
В полночь вернулся совсем не уставшим
И тут же решил прогуляться вторично.

Хожу я обычно с рассеянным взглядом,
А тут я шагал в онемень проклятом.
Был месяц весенний. Во время ночное
Приятно пройтись обезлюдившим садом.

У самой дороги в ряд ровный и длинный
Стояли деревья спокойно и чинно.
И были они все окутаны пухом,
Казались распухшими, как мертвечина.

Такие деревья меня удивили.
Они неожиданный образ явили.
А ночь была ясной, а ночь была тихой,
И в воздухе не было въедчивой пыли.

Я шел в одиночестве, остром и гордом.
И вспомнил внезапно — скрывать уж чего там! —
Как ехал сегодня в машине по Дели
И свадьбу увидел за поворотом.

Разве свадьба такое уж чудо на свете?
Мелькнула она в городской круговерти.
Но знаю, что многое в жизни увижу,
А вот эту забыть не смогу я до смерти.

Тяжелый пиджак стал как будто воздушный.
Но свежесть ушла. Снова в городе душном.
Я опять возвращаюсь к родному порогу,
А мрак напевает в веселье натужном.

* * *

Через дорогу кошка — шмыг.
Раздался тотчас женский крик.
Мерцает в небе лунный лик,
и стережет овец старик.
Что нет тут связи никакой,
в том виноват
лишь Всеблагой!

ВОЙНА РЫБ И ЛЮДЕЙ

Рыб обитающих в пресных водах
мы выпускаем в соленое море
потому что пресноводных рыб покупают охотней
потому что море дает много рыбы
потому что рыболовецкие суда огромны
им не пройти меж речных берегов.

Начинается лов рыбы
Укладываем ее в консервные банки — на экспорт
Рыба в банках — символ нашей демократии
Вместо свежей рыбы предлагаем консервы
Это всем доступно.

Двигаем вперед науку чтобы
быстрее загнать рыбу в банки
сделаем ряд блестящих открытий —
и она совсем задохнется в пресных водах
Согласно научным данным
неодолимо желание рыбы
вернуться из моря в реки.

Выводим сверхжизнестойких мальков
Когда они вырастут в нежных и вкусных рыб —
продадим по высокой цене

Рыбы неизбежно превращаются в грузных рыбин
Лишь об одном мечтая — вернуться в пресные воды
Благодаря прогрессу науки
мы пришли к оптимальному результату:
выпускаем пресноводных рыб в соленое море
и тут же их убиваем
чтобы они не успели вернуться в реки.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

Однажды я возвратился домой
держа в одной руке книгу
в другой — цветную капусту.

Браво! Вполне поэтично.

В наши дни книги легкоусвояемы словно цветная
а цветная капуста бывает безвкусна как книги. капуста

Тут же я посоветовал одной красотке
поменять первое на второе
Но она не поняла моей шутки.

Люди стали дельцами
уже не говорят увлеченно и сумбурно
Спекулянтов не развлекает культура
(Только я развлекся бы глядя что вышло из их
неприязни к культуре)

Не переставляйте местами вещи
Дельцу необходим порядок
Да и для чего читать капусту и жевать книги?

ДЕВУШКИ ИЗ БАНКА

Девушки из банка стареют
среди многих людей они одиноки

Этой за тридцать
уже перезрела

каждое утро она приходит на службу без опоздания
Сейчас она внимательно слушает клиента —
молодого человека
Она задерживает его у окошка на минуту-другую

дольше

Но все-таки он уходит у него свои проблемы
Закончив с ним она звонит в колокольчик
На мелодичный звук сбегается тупорылая свора
на потасканных лицах — жадность
Так и лезут в окошко все разом.

МОЙ ДОМ

Моя поэзия — мой дом
и в нем — моя мама
мой жена и дети
воробышек
весеннее тепло и дождь
В ней есть все
но я ушел оттуда
Остались только воспоминания о людях
и вещах в моем доме

Приходи и отдохни после дороги
встреться с моей мамой
или с распустившейся пышно розой
будь гостем

Живи в моем доме сколько хочешь.

РАМДАС

Широкая дорога, а сделалась тесна,
от множества народа вдруг сузилась она.
Рамдас едва ступает, и нет на нем лица.
Бедняга ждет покорно своего конца.

Ему сказали люди, что будет он убит.

Идет он удрученно, и свет в глазах померк.
Его убьют, уж точно, зарежут без помех.

Знакомыми, друзьями вся улочка полна,
все в рот воды набрали, их дело — сторона.

Ему сказали люди, что будет он убит.

Стоит он на дороге, пока еще живой:
живот прикрыл руками, поводит головой.
Но крадучись нежданно приблизились к нему.
Убить его решили и, видно, быть сему.

Обступили плотно, и не спасется он.

Убийца вышел первым, глазами поискал.
«Рамдас», — сказал он нежно, как будто приласкал.
Подбросил нож в ладони, чуть-чуть повел плечом,
потом ударил сбоку, и кровь пошла ручьем.

Не хотел он верить, что его убьют.

Толпа возникла сразу и смотрит в сотни глаз.
Лежит залитый кровью безжизненный Рамдас.
Вокруг него — волнение, все говорят о нем.
Ведь был он тут зарезан не темной ночью — днем!

Не верите? Смотрите — убитый, он лежит!

ГИРЛЯНДЫ В РУКАХ

Прежде чем убийцы выпотрошат
все слова
они прикончат
своих закадычных друзей.

В качестве превентивной меры.

У детей в руках
цветочные гирлянды
Гирлянды
в смуглых
исхудалых
слабых
детских руках.

Убийцы взлетели с аэродрома в Паламе
и там же приземлились
Дети были от них далеко
Но телевидение
с помощью телеобъектива
найдет одного убийцу
и одного ребенка
и покажет их вместе крупным планом
Ребенок спросит убийцу:
Вы такой симпатичный
почему же у вас бегают глазки?

ГРАБИТЕЛЬ

Упиваясь собственной речью
он рассказывает
как процветает.

Говорит говорит говорит
И кажется: большими скачками
по измученной нищей земле
он убегает куда-то вдаль
прихватив с собой душу страны.

ВОДА

С рожденья и до смертного исхода,
вчера, сегодня, завтра и всегда
есть у индийца первая забота —
вода, вода, вода!

Ведь та земля, которая безводна —
иссохшая и горькая земля,
она — раба, от века несвободна,
там мертвые, бесплодные поля.

С рожденья и до смертного исхода,
вчера, сегодня, завтра и всегда
есть у индийца первая забота —
вода, вода, вода!

В моей стране тому дана свобода,
кто завладеть водой целебной смог.
Идет вода — блаженствует природа,
а не идет — свирепствует песок.

Воды в достатке — в доме изобилье.
Индиец жаждет воду получить.
На Ганге вы хозяевами были,
смогли от жизни многих отлучить.

Кто без воды — тот гол и злополучен,
тот поражен навеки немотой.
Родной язык, напевный, сладкозвучный,
в истоках связан с ключевой водой.

Губами пересмякшими сухими
бормочут дети — смысла не извлечь.
Не с вами мы, а нераздельно с ними,
Вернем им воду, так же как и речь.

Вода в земле — так выведем наружу!
Моя страна — ты больше не раба.
Живой водой твою омоем душу —
заколятся спелые хлеба.

Вы слышите, как люди стонут: воду!
Вы слышите, как плещется вода?
Она, как речь, принадлежит народу,
народ ее получит навсегда!

В ПОЛЕ

Здесь темно
и светло
Фантастический рассеянный свет луны
А ты не светлолица

Но ты
как страда
в прозрачных слезах
Лишь косы
чернеют

Несжатое поле
простор
и движение
Мы стоим замерев

А потом вдалеке большой город
зажжет свои огни.

ВЕСНА

Нет лучше времени года
Что-то в душе надломилось:
это весна.

ОСТАНЬСЯ В ЖИВЫХ

Сообщили
тысячи людей несколько тысяч несколько
десятков тысяч
умерли голодной смертью
Цифра была огромной и меня придавила
Вот почему никто не заметил
что меня не было среди умерших.

ИГРАТЬ ЧТОБЫ ЖИТЬ

Почему-то мне показалось что в дом возвратились мои
дети

Сквозь сон
я слышал их разговор
обо всем и ни о чем
Однажды
окончится эта игра
в мою — твою жизнь
В моей комнате повесят мой портрет
Туда придут мои дети
не во сне наяву
Но в их разговоре не будет милых глупостей
которые краешком уха я слышал сегодня.

РАССМАТРИВАЯ ФОТОСНИМОК

Однажды
стихийно возникла очередь
Люди стояли
и чего-то ждали
Я
сфотографировал их
Девушка была стройная
длинноволосая
Все эти незнакомые люди
получились отлично
Когда-нибудь я достану фотоснимок
Я буду долго смотреть на их лица
чтобы снова почувствовать
как я одинок в этом мире.

СОЗИДАЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Взгляни на это дерево оно в непрестанном обновленье
Опостылело слышать — падают листья.

Сморщив рот дерево созидает
осознанно роняет сухие листья
одна половина их на солнцепеке
в тени — другая
Дереву ведомо что такое тщета:
она — в конце уходящей дороги
ведомо что ветер всевластен
Оттого оно и печально.

Мангеш Падгаонкар

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Он был от всех отстранен, погруженный в себя.

А я была — в нем, с ним и ни с кем кроме.

Ни одного слова не поняла я из лекции,
которую читал нам профессор.

Я видела только его, глазела, как сумасшедшая.

Все, что не он, казалось мне лишеным смысла.

Что это было, я, право, не помню, не помню...

Однажды свел нас пикник. Устав от шумных речей,
мы незаметно ушли и одни наконец-то остались.

Вдруг он коснулся руки моей, локтя —

и цветущее дерево заполонило меня мгновенно.

Я была робкой, а тут, осмелев, сказала:

«Пусть никогда не кончается эта тропинка...»

Что это было, я, право, не помню, не помню...

Помню праздничный вечер в нашем колледже.

Я надела темное сари.

Он увидел меня и, улыбаясь, пошел навстречу,
приветствуя тихо классическими стихами:

«Она идет во всей красе —

Светла, как ночь ее страны».

Я вдруг почувствовала себя, как перышко, легкой.

Я пронеслась по воздуху, я парила.

Как я смеялась счастливо! В себе самой заблудилась...

И без слов сказала ему все, что хотела.

Что это было, я, право, не помню, не помню...

Помню еще один вечер — берег кипящего моря.

Пламя плещущих красок на горизонте.

Дивный шафран плыл по воде, влажно сверкая,

и колыхались охапки цветков из розовой пены.

Но что по сравнению с ними красочная феерия,

пылающая в сердце влюбленном!

Занавес темноты мягко к ногам опустился,
обнял колени.
Море билось, охвачено сладкой истомой.
Магия неба — молния —
осветила наши объятия.
Я под руками его, как ситар, зазвучала.
Струны рождали невиданный сад мелодий.
Губы искали губ, и казалось,
будто не миг пролетел, а целая вечность.
Или, быть может, мне волны приснились?
И ветер, и звезды, и эти отрадные муки?..
    Что это было, я, право, не помню, не помню...

НЕКРОЛОГ

Жил счастливый человек на свете
и вчера помер,
читая статью в газете о внешней политике.
Перед тем как умереть,
он отгулял свой отпуск,
заплатил страховые взносы,
составил счета
за свет, за газ и за стирку.
Счастливец был участником всех собраний,
знал в лицо каждого партийного босса.
Посещал интеллектуальные семинары,
тщательно следил за своим здоровьем, —
раз в две недели принимал слабительные пилюли.
Он всю жизнь служил
на одном месте.
У него были незыблемыми взгляды.
Не зря же
всегда голосовал за одну партию.
Он дважды
совершил с семьей паломничество.
Каждую субботу он прогуливал детей
в общественном парке.
Считал своим долгом
покупать облигации.
Он был счастлив в своей стране,
неся бремя дороговизны.
И часто наедине с собой
насвистывал военные марши.

Глаза счастливец закрылись,
и тело стало твердым, как дерево.
Что же, каждый приходит в этот мир
и уходит...
Этот был счастлив перед смертью.
Да будет он счастлив и после...

БЛИЗОСТЬ СТАНОВИТСЯ ПУТАМИ

Мы с тобой сблизились так, что стали невольниками
друг друга.

Уж если нам суждено исполнить новую песню,
струны должны разделяться между собою, не так ли?..
Однако дрема и слепота помutilи сознание,
и наша безмерная близость путами стала.
Сладкие эти минуты сравнимы с цветением мака.
Густой аромат пропитал темноту. Мы не знали,
что долгие наши объятья путами станут.
Ты, единственно ты, — целый мир заслонила.
И ночью и днем я был тобою наполнен.
Теперь-то я понял, что, зрячий, немного видел.
Мы с тобой сблизились так, что стали невольниками
друг друга.

Мы за руки крепко держались.
Стали руки цепями.
Единство? Но в чем оно?!
Если от нас зашторено небо...
Сердце болело всегда,
но мы не слышали боли.
Сблизились так, что стали невольниками друг друга.
Чтобы свободно дышать, необходимо пространство.
Два крыла, даже тесно сближаясь, должны видеть небо.
Слышишь, любимая, и в единстве должна быть
раздельность.

А мы с тобой сблизились так, что стали невольниками
друг друга.

Ближе иди ко мне, ближе...
Но есть и граница меж нами...
Слабый рассвет различим в глубине отступающей ночи.
Я понимаю гармонию слов, из которых слагается песня.
Та же дистанция соблюдена в семи нотах.
Мы с тобой сблизились так, что стали невольниками
друг друга.

МЫ ВЫРЕЗАЕМ СВОЙ МИР ИЗ ТУМАНА

Плотный туман,
из которого мы, будто резчик из дерева,
режем наши творенья, —
неразгадан и смутен.
Тайные мысли, намеки,
текучие образы тают в волнах тумана.
Капли росы
сверкают в нашем сознание.
Порою слова расцветают
в бесформенной темной пустыне.
Пьет вдохновение
из капель росы, из радуги чистой,
из беспросветных ночей, из близких планет, —
из многоцветного лета.
Истина в нашем сознании остается,
слова — лишь ее отраженье.
Голубой океан
держит в ладонях
диск раскаленного солнца.
Тайна сия — бессловесна.
Есть в мире такое,
что не выразить словом.
Мы принимаем богатство,
удержать какое не в силах.
Кажется, вот оно, рядом, в руках,
а на самом-то деле — далеко.

БРОДЯГА

Где-то в глубине души я — бродяга.
Я помню детские игры —
мы строили шалаш под деревом:
стены плели из веток,
а крышу листьями крыли.
Мне нравилась эта затея.
Но вдруг напала ярость и я все разрушал!
Где-то в глубине души я бродяга.
Школьные годы. Доска. Раскрытая книга...
На мне опрятная шапочка... Торжественный выход
в школу...

О чем толкует учитель очкастый
с тростью в руке?..
Взгляд у него как бритва...
В школьные годы на меня давили четыре стены.
Мысли через окно улетали
вслед за кочующим облаком.
Белка махала роскошным хвостом. Деревья
шумели и зазывали на волю...
Мог ли я не удрать!

Где-то в глубине души я бродяга.
Так же и дом родной я оставил.
В нем хватало всего.
Полна была чаша.
Но тот угрюмец, что прятался в глубине души,
гнал меня отовсюду.
И в погоне за счастьем
оставался несчастным.
Я закрывал глаза и видел синюю гору,
тропинку, избегающую высоко по склону.
Тянуло меня туда, тянуло неодолимо...

Где-то в глубине души я бродяга.
Порой на рассвете меня осаждают странные
чувства...
Будто туман рассеивается
и свет льется в душу.
И тогда мне тесны границы известного мира.
Смутная мистика, темная тяга бередит сердце
бродяги.

Он встает, чтобы снова
разбросать все игрушки,
даже стены, что сложены своими руками, —
разрушит.
И погружается вновь в неизведанное,
в сердечную смуту.

Где-то в глубине души я бродяга.
Есть у меня дом, — но все равно я бездомный.
Четыре стены бродягу прельстить не могут.
Может, надо мной тяготеет проклятье
предшествующего рожденья...
Кто знает...
Разваливается сам по себе строгий порядок.
Зов из далекой бездны
все границы сметает...

Где-то в глубине души я бродяга.

В тот миг, когда тьма
 прильнула к планетам
 и осознала себя их частью,
 в тот самый миг
 зеленая травинка, пронзая землю,
 потянулась к свету.
 Властный муссон покрыв поцелуями
 поверхность земли.
 И небо, отвергая надмирность,
 заключило землю в объятия.
 В тот миг
 и я стал бессмертным.
 Пределы смерти разрушил.
 Смерть растворяется жизнью,
 и тогда расцветает творенье.
 Тьмы завеса упала,
 и жизнь как любовница
 вышла ко мне
 из пределов времени и пространства, —
 чтобы остаться навечно.
 Наши души сомкнулись.
 В этот миг я уже не был
 узником тела.
 Причастный вечности,
 отстраненно и бестелесно —
 постиг тайну формы.

ПРОЗРЕНИЕ

Иногда я в себе замечаю
 странного человека:
 неприятного, сатанински проворного,
 пронырливого чужака.
 Он скользит в темноте и грязи.
 Впивается в чрево земное,
 тянет соки оттуда,
 подобно древесным корням.

Признаюсь, омерзителен вид его: руки,
 болтаясь туда и сюда, грабастают воздух.

Сфера интриг
его обиталище, —
червоточина жизни, —
там вслепую, стесненно
он ползает и копошится.

Иногда я вдруг замечаю
в себе исполина.
Рассвет дымится у ног его. Тело,
как Гималаи, огромно.
Вкруг головы — солнечная корона.
Из груди его вытекает
священная Ганга.
Гимны жизни несет на устах,
вызов смерти бросая.

ПРОСИ, ЧТО УГОДНО...

О, дорогая, проси у меня, что угодно,
только не крылья.

Быстрый ручей шелковисто журчит.
Бархатная тишина — все для тебя, для тебя...
Речи ручья — для тебя,
но — не течение...

О, дорогая, проси у меня, что угодно,
только не крылья.

Прохладные струи дождя полощутся, как бахрома.
Радуга дивных мелодий рядом танцует.
Я обречен тебя воспевать, как безумный.
Только безумия самого не проси...

Проси, что угодно,
только не крылья...

Лед отчуждения растает в объятиях наших.
Расцветает ароматный жасмин в наших объятиях.
Все тебе отдаю — аромат и цветы...
Только цветения не проси...

Проси у меня, что угодно,
только не крылья...

Мой горизонт в твоих глазах затерялся.
Прячется сон под веками, ласки наши смыкая.
Милостыню восхитительных снов подавая,
не проси взамен вдохновенья...

О, дорогая, проси у меня, что угодно,
только не крылья.
Облака на плечи его садятся.
Звездную книгу он держит в руках,
переворачивает страницы.
Вечный странник, чей путь
по жизни бессмертен.
Звезда сияет во лбу.
Весь он — нектаром благоухает. Святы
глаза его и животворны.

Я уродлив и я же прекрасен
одновременно.
А если точнее,
я только свидетель обоих.
Да, только свидетель:
пещерного мрака
и светоносных небес.

А.-К. Рамануджан

**НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАРИСОВОК
НА ИНДИЙСКИЕ ТЕМЫ В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ**

1

Мадрас,

1965-й. Дождь.

Солидные клерки из городских банков
на остановке автобуса готовы подраться, —
злятся, что снова не оттолкнули
пеструю толпу кули,
чтобы в седьмой автобус влезть,
уже пропустив их шесть.

А может, о днях короля Харша
толкуют они, о слугах его,
что ударяют в гонги негромко,
дабы оставить потомкам
память о благочестивом монархе,
который десятку тысяч монахов
и страннику из Китая, — каждому в свой черед, —
раздает жемчуг, золото, штуки
на платье (если преданье не врет).

Пропустите и этот автобус, идите домой не спеша,
ведь у каждого из монахов монарха Харша,
чтобы он странствовать мог, была только пара ног.

2

Летом в Египте повсюду вижу индийцев;
стоят — в окруженье верблюдов — туристы, гости;
украшения из слоновой кости; фотографируют
на цветную пленку.

Припадая к древней картине,
словно к музейной витрине,
пыль веков ощущают на вкус;
дивятся: громадины пирамид
в тончайшем калькуттском муслине.

3

1935-й. Профессор санскрита
проходит по улицам,
тьмою укрытый;
растерян — сам себе кажется ребенком в тюрбане;
с трудом разбирает немецкие вывески:
на магазине,
на ресторане;
в Берлине — дожди;
пытается угадать: «СТОЙ» или «ИДИ»;

по дороге к дому
не отличает улиц —
знакомой от незнакомой,
запад
от востока в ночи,
собаку, которая гавкает,
от той, что молчит.
затверживает наизусть, как чужую грамматику,
фонари, повороты,
вот — готический лотос на железных воротах.

Дома он
на английском, санскрите, — вместе,
силится вспомнить руку, вздернутую в том странном
жесте
серую свастику
на рукаве у соседа в вагоне, —
и не получается перекрасить ее в привычный, зеленый.

ЕЩЕ РАЗ О КРАСОТЕ

Желанье жгло, горело. Мне надоело.
Я разозлился, увидев, как взвился
ее вызывающий локон. Решил: «Узнаешь, каков он!
Не подчиняйся чопорным нравам

с их идиотским лживым уставом, — не прячь себя в кокон.
Заставь-ка лучше жреца, а нет — так дюжего жеребца
стать твоим мужем. Он состряпает дюжину
вполне законных детишек. Не время для мелких
страстишек,

для измены брачному ложу. Не лезу из кожи, чтобы тебя
познать.
Брахманов я потомок, воспитан на звонких гимнах, —
и заливаюсь краской стыда, когда, воздух ночной
колебля,
не стесняясь констебля, похоти бродят стада». Но Она

стояла там, на обочине, в свете апрельской ночи,
на меня глядя. Ее очи заветы отцов разрушили в прах.
Гнев меня вел, не страх, когда я гладил
ее пряди — взъерошенный шелк. Охваченный дрожью,

предков законы поправ, я взял ее — и замолк.

МОЛИТВЫ БОГУ МУРУГАНУ

1

Бог новых зачатий
любви и любовных проклятий
яви себя
в петушином бою в воинственной пляске
чтобы в дикой тряске
на всех четырех холмах

женские руки-лианы и гирлянды цветов
на торсах мужских слились воедино как спицы
колес боевой колесницы

где петушинные гребни скажи
и клювы блестящие как ножи
на перепутьях

когда запылав знамени пламень
взовьется меж трав а древо
всей тенью своей будет ждать

огня петушиному гребню под стать?

2

Двенадцать стрел попадают в цель
двенадцать пронзительных взглядов и шесть
невидимых лиц —
падаю ниц

ни на кого из богов не похож
для каждого лика
свой облик найдешь
двенадцатью взорами испепелишь
единственную что в сердце хранишь
слежу за руками твоими
каждой даю
имя.

3

Бог зеленых растений
избавь нас
от наважденья

от проклятой
плодовой мушки.
Ответь

суждено ли еще цветам алеть
в нашем
унылом

городе?

4

Властелин череды времен и минут
пусть властью твоей эти дни минут:
взамен расписных кувшинов из серой глины

дай стройную стать молодых жеребцов.
Где жухлые травы росли всегда
пусть тучных баранов

гуляют стада, вместо уборки риса
дай у реки повеселиться. Избавь от бесплодных
дев
пошли лучше

тех твоих ведьм что носят
три цвета даже во сне.

5

Идущий по следу тигрицы,
под стенами нашего града
гиены с виверрами
дожирают остатки добычи
благородных тигров и леопардов,

что же это творится?
Раджи на фотографиях гордо
наступают на шелковистые шкуры тигров,
убитых их слугами.
Спящие под лопастями ветряков,

сердца — консервные банки, полные червяков,
пополняющиеся непрерывно
для огромных теней
огромных рыб
из открытого океана.

Мы равно принимаем преданья и дрянь,
помним слоновую кость, обезьян,
павлинов отправляем в Библию,
к царю Соломону, а также лекарство от оспы
и сравнения

для муслина: кожа, сброшенная змеей,
или — облако дыма.
Астронавты, возвращаемся вновь к истокам,
очищаем
шлаки и соки

для оболочки, вращающейся в колесе
воплощений;
умирая, сжигаем тела и лица,
чтобы дымом до небес дотянуться
и увидеть облик луны
с другой стороны.

6

Повелевающий кровью, знай:
наши лица — смуглы,
но светлы головы наши.

Прошлые жизни и шестьдесят
четыре искусства
саднят

в отрезанных кончиках
пальцев — фантомная боль
в несуществующем органе.

7

Бог двенадцати сильных ладоней,
объясни своим хилым подобьям,
у которых никчемные левые руки,

почему мы способны
лишь отбрасывать тень?
О, многоликий,

помоги отыскать нам облик —
мы его подевали куда-то
нынче с утра.

8

Называющий вещи,
помоги прочесть
между строк.

Бог шестого чувства,
верни нам хотя бы
пять.

Знающий все ответы,
скажи, как решить вопросы —
и не сойти с ума.

9

Избавь нас, о Всеобъемлющий,
от полномочий
и немочей,

от санскрита и мифологии,
от бессонных ночей
и заседаний

в Лондоне, опять и опять,
и повели будущему
течь вспять.

10

Верни нас назад —
к истоку,
к выводу

шести поросят,
к неожиданной четверти
урожая.

Бог последнего воплощенья,
дай рождение
нам.

11

Бог заплутавших путников,
наставь нас на путь. Найди
нас.

Знающий все ответы,
вылечи
от молитв.

ЕСЛИ ВАМ НУЖНА ЭТА ПТИЦА

В старину
жил в Монголии хан.
Он походом пошел на страну,
услышав сладко поющую птицу.
Он захотел быть хозяином песни,
и птицы,
гнездá на ветке,
дерева,
и больше того — корней,
земли —
и всего, что на ней родится, —
короче,
целого царства.
Он все хотел
унести с собой.
Хан кликнул рать,
собрал слонов, коней,
колесницы,
и войско пошло на страну стеной.
Пало могучее царство.
Один только хан не вернулся домой.

И ЭТО ТОЖЕ ПОЭЗИЯ

Писать стихи, говорят, тяжело.
Не писать их —
Труднее.

Чаши округлостью форм
Напоминают женские руки.
Вот она подошла к зеркалу:
Две стороны — правая и левая — меняются местами.
Вылепленная скульптором,
Твое дыхание — осторожные взмахи резца.
Живешь в зачарованном мире,
Не помня о том,
Что и твоя красота, случайно воплотившаяся,
Станет прахом.

Да, стихи писать непросто.
Как же не просто удержаться от них.

В женской походке — лучшие ритмы.
Женщина вся — стихи.
Но довольно о ней. Страсть — это в теплой тине
Любовный рокот лягушек,
Это семь струн, слившихся в мощный аккорд,
Это бездонный колчан
Стрел, пронзающих мозг; исступленное желанье
Бесплодной; землетрясение,
Алчба глупца,
Сговор тьмы и света,
Трепет нагих ветвей.

Кама, испепеленный, но рвущийся к Рати;
Лихорадка, что, множась,
Передается от деда к внукам, бродит в крови,
Поражая все вокруг, — даже крохотное зернышко риса.
Спокойствие тайной силы, скрытой
В айсберге
Под толщей воды;
Пронзительный всхлип струны,
Услышанный в небе.

Бхима, ищущий цветок для Драупади,
Судорога эпилептика,
Который не унять.
Сита у Рамы в объятьях. Кобра, раздувающая капюшон:

Это,
И то,
И еще десятки вещей. Вот — сходящий с ума от ревности,
Или — она, опьяненная страстью.
Знай: поэзия —
В муче. Стенание — дивный цветок,
Благоуханная поэма.

Между двумя мечами, дрожа, играют
Сотни теней, кто-то кричит, разрывая тишину.
Бесконечна череда любовных слияний,
Зачинающих
Новую жизнь.
Даже безродный ребенок,
Явленный в мир, —
Разве не молит об имени?

Но, чуждые
Любви и ненависти,
Мы забываем о нем.

Да,
Наречь безымянное —
Тяжко. Но в этой мýке — поэзия,
И крик отчаяния — расцветший бутон.
Душа, открытая миру, — беспредельна.

Невыносимо не творить.
Невыносимо.

Паттукотей Кальянасандарам

МОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Ты с моей любимой схожа, белая луна,
Будь ты старше, будь моложе, белая луна.

Звезды, что глаза открыли, белая луна,
Все подружки не твои ли, белая луна?

На лице твоём ли пятна, белая луна?
Поцелуя след приятный, белая луна.

Сердцем я не ждал уловки, белая луна,
Стал добычею плутовки, белая луна —
Я боец, негодный к бою, белая луна —
Быть хочу самим собою, белая луна!

Сердце в плен мое попало, белая луна,
Ей не жаль меня нимало, белая луна,
Забрала, не вопрошая, — белая луна, —
Ах, беда моя большая, белая луна,
Что ж молчишь, не утешая, белая луна?

Ты с моей любимой схожа, белая луна,
Будь ты старше, будь моложе, белая луна,
Будь ты старше, будь моложе, белая луна,
Ты с моей любимой схожа, белая луна.

ТО, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ

То, что мы делаем — труд наш — о Господи Боже —
Наше искусство, оно всех сокровищ дороже.
Руки и ноги — помощники верные наши,
Долг — наша должность, и жизнь оттого только краше.

Если посеешь — то жди урожая: тогда
Будет в дому твоём радость и будет еда.
Солнечный свет ежедневно дарит вышина —
Стало быть, пот превратился в плоды, в семена.
Честь родовую блюсти нам работой дано.
Верим в грядущее, верим — настанет оно.

Ведомо нашей земле — но и Богу, и Небу —
Что беднякам урожай постоянно в потребу.
Ежели Бог позабудет — земля, услужая,
Нас не лишает спасительного урожая:
Быть посему: соберем и нетрудно, и много,
Но — не забудем при этом прославить и Бога.

Зреют плоды, ибо вызреть однажды должны;
В жизнь воплощаются самые дерзкие сны;
Все до последнего проданы будут плоды;
Мысль отвлеченную сделают явью труды;
Пусть даже голод — его не страшимся ничуть:
Жизнью останется жизнь. Только в этом наш путь.

ВОТ КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

- первый: Это — журавль для колодца.
Прогрессу нейметя!
второй: Если станут трудиться все,
Мир, как сад, засияет в полной красе.
первый: Мир, как сад, засияет в полной красе,
Если станут трудиться все!
второй: Это — журавль: поднимаем воду,
Чтоб досталась каждому всходу!
первый: Воду, журавль, пощеднее лей,
На юную зелень полей!
второй: Тенделей — телей...
первый: Лей веселей...
второй: Мы должны трудиться, как муравьи,
Гнуть спины должны свои!
первый: Тем людям, что не трудятся в поле,
Приходится поневоле
Думать о нашей доле!
первый: Ловки наши пальцы, жестки ладони,
Ни к чему нам притворство хамелеонье!

второй: И наш распыленный народ
Жить не должен вразброд!
первый: Тенделей — телей...
второй: Лей веселей...
первый: Тенделей — телей...
второй: Лей веселей...
первый: Всем богословам и всем ученым
К пахарю нужно идти с поклоном!
второй: Все, что живет и цветет вокруг,
Пусть видит, как землю взрыхляет плуг!
первый: Аувейар — о как это имя мило,
Как дорого слуху любого тамила!
Слуху любого тамила
Это имя великое мило!
второй: Даже в пустыне, безводной почти,
Справедливость, как рис, должна возрасти:
первый: Тенделей — телей...
второй: Лей веселей...
первый: Тенделей — телей...
второй: Лей веселей...
Ну, а тому, кто недоволен судьбой,
Бороться придется с самим собой!
первый: Понять должны все, без различия;
«Только трудом достигнем величия!»
второй: А тому, кто сетует о судьбе —
Посетовать бы о себе!..
первый: «Только трудом достигнем величия» —
Это все осознать должны, без различия!
второй: В сердце тех, кто думает о богатстве,
Да будут и мысли о вечном братстве!
первый: Нет иного исхода:
Всем — навсегда — свобода!
второй: Тенделей — телей... Лей веселей...
первый: Тенделей — телей... Лей веселей...

НАДО ЖИТЬ, КАК ЧЕЛОВЕК

Маленький мальчик, маленький мальчик,
Дам-ка тебе совет,
Пусть он в твоей головенке юной
Оставит след,
Оставит след,

Человек не может стоять на месте,
    Это — закон бытия,
В нем радость мамы твоей таится,
    Да и твоя.

Будут дни твои проходить чередой,
    И каждый — подаст урок,
И силам твоим, и нервам твоим
    И разуму — только впрок.

Должен ты жить, как человек,
    Запомни, что надо
    Забуть покой.

Послужишь грядущему миру ты
    Правой рукой,
    Правой рукой.

Арати Прабху

ОПТИМИСТ

Старые разбитые сандалии
ты забросил в реку.
Идешь босиком, наугад
под нестерпимым солнцем.
Ты голоден и измотан.
Так повесь же на крест
свое несчастное сердце,
которое все в слезах —
пусть подсохнет.
Ты — поэт улицы,
но язык твой
        прилип к гортани.
Чем ты торгуешь?
Страничками из своего
засаленного дневника...
Однако ни одна из них
не подписана Богом.
Не лучше ли встать на колени
        и собирать хлебные крошки?..
Твоя душа огрубела,
взгляд и походка стали тяжелыми,
задубела, будто кора,
        когда-то гладкая кожа.
Ну, не осел ли ты, братец?
Тогда глотай все, что тебе дают,
приправленное пинками...
И не пророни ни слова.

ПРОЩАЙТЕ!

Свет?	Подождешь!	Хотите на все?
Тьма?	Идет?	Ага!
Лес?	Мне в пору!	А жизнь?
Дома?	Вон тот,	Дорога?
Крыша.	Обжора!	Сколько надо?
Чаша.	Опять	Я дам.
Рисовая	Долги.	За мной!
Каша.	Тюрьма.	По рукам!
Что главное?	Беги!	Дай умереть
Власть?	Три! Продано!	Ему.
Автомобиль?	Я беру!	Девица?
Запасная часть?	Мяч	Себе возьму!
Мороженое?	Введите в игру.	Тропки держись,
Бунгало?	Валет!	Беглец!
Подушки	Героиня.	Руку хватай!
И одеяло?	Ну, ты,	Конец!
Холост?	Разиня!	Беги же!
Вот черт!	Трупы?	В плечо?
Что ж это?	А кто вожак?	Кто там
Слишком горд?	Что-что?	Еще?
Женщины?	Джаганнатх.	Войдите!
Вина?	Цветы, гирлянды.	Сейчас!
Дивали?	Фулбагх.	Я принимаю
Невинный?	Спеть на	Вас.
Ни то ни се.	прощанье	Ох!
Джаганнатх.	Бабах!	Нет!
Голосуете «за»?	Эй, это ты?	Пожалуйста
Дурак!	Он самый!	В кабинет.
К черту!	Здравствуй, алло!	Почаще
Ну что ж!	Бог Яма.	Нас посещайте.
Быстрой!		Прощайте!

Гурчаран Сингх Рампури

ПРОСТИТУТКА

Сколько помним себя, только и слышим:
«Правда не нуждается в подтверждении».
Но
именно сомненье извлекает правду наружу.

Восходы и заходы солнца, луны —
ложь, обман.
Небо — голубой потолок над головой —
иллюзия, обман.
Звезды — эти сверкающие песчинки —
больше миллионов земных шаров вместе взятых.

А возможно ли, что защитником прав человека
окажется некий диктатор?

Человек преодолел расстояние от земли до луны,
но не может пересечь разделяющие страны границы.
Блеск луны — улыбка танцора;
политика, религия, цивилизация
подмигивают, прячась под слоем помады и пудры.
Разве может быть преданной вещь,
выставленная для продажи?

ГОРОД КУБЕРЫ

Горечь в горле моем,
и колеблется мысль моя,
как ветка тутовника.

Я часто задумывался:
много ли похоти скрыто
за светлым покровом любви?

Теперь я задумываюсь: в какой мере
эти лозунги, флаги, доктрины
прикрывают
животную похоть власти?
Если жизнь темна,
то какой в любомудрии прок?

Что случилось
с идеалами
философов разных времен?
Почему революции
сами себя предают?

Яркие картины танцуют
перед моими глазами.
Какой бы звук ни услышал,
кажется: ты стучишь в мою дверь.

Хотя я знаю: это —
моего воображенья игра.

С давних времен
человек живет
иллюзиями, самообманом.
Хотя и все время ищет правды.

После каждого пораженья
в догадках теряется он:
что это? как это?
Почему попытка завершилась провалом?
Почему обманула надежда?

Яд каждого пораженья
высосан Шивой самим.
На лбу мыслителя
извивается кобра мысли,
сверкая
множеством драгоценных чешуек.

В последние часы
темной ночи волнений,
когда человек тщится найти драгоценный
камень
новой правды,
Шива начинает свой танец.

Когда в горле горечь
на время смягчается,
он дает передышку
своим отравленным мыслям,
ищет забвенья в ласках своей супруги
Парвати.

Я снова вспоминаю тебя,
но мысли мои не доверяют словам.
Вселенная на миг
сжимается в одну точку.

И я балансирую, теряя опору.
В этом городе Куберы
колеблется мысль моя,
как ветка тутовника.

ЗАВЕСА

Полководцы великих армий
рвут завесы сомнений и страха.

Вы храбро сражались с всемогущим тираном,
вы убивали жестоких гигантов,
велели цвести пустырю, а потом
поставили стражу, чтобы цветник защитить.

Вы застопорили вечную мельницу смерти,
к каждой груди прикрепили медаль из хлебного
мякиша,
воодушевили лишенных сил,
свет азбуки дали глазам.

Теперь мы стоим на распутье времен
и боимся,
что защитники встанут стеной
на пути у света и ветра,
что оружие, предназначенное для ворон,
будет убивать соловьев.

Бесценен саморожденного цветка аромат,
власть не станет пером или птицей,
ниго приказа жесточе ига золота и серебра.

Ноги и взоры бродяг останавливаются,
где хотят, —
пей ароматы, от ярких красок хмелей,
глаз бабочки больший знаток, чем садовника глаз!
Обратите вовнутрь глаза — вы,
полководцы великих армий,
разорвите завесы сомнений и страха.

ШРАМ

Солнце и луна, дни и ночи, эпохи и даты,
годы чьих-то правлений,
струенье песчинок сквозь игольное ушко,
стрелка компаса, нацеленная на Полярную звезду —
все измеряет время.

И — звучат постоянно колокола.
Но время как будто не слышит их.
Неизвестно с каких времен оно идет и идет,
не останавливаясь ни на миг.

Но кажется иногда:
в пятку времени вонзилась заноза —
когда какой-то бунтарь, извиваясь от боли,
капли крови своей роняет в пыль.

И тогда, обернувшись, время глядит на него
и чувствует рану на теле чужом,
и, с шагом не сбившись, дальше спешит
неостановимое время.

ТЕМА

Сегодня у моего пера
есть желанье и время.
Я ищу тему.

Нет счету историям, случавшимся в жизни.
Но кажется:
обо всем уже поведали перья.

Хотя знаю точно:
из этой горы бытия и песчинка еще не растрочена.

И я снова думаю,
ищу тему.

Мир — это океан вздохов и болей,
даже и малой капли перья не извлекли из него.
Да благословит неисчерпаемый океан
меня на тему какую-нибудь.

Жаждет перо родовых болей песни.
Разве это не тема?

МОМЕНТЫ СОЗИДАНИЯ

Нечаянная встреча мысли и слова.
Подобная иллюзия крайне редка
и, возникнув, тотчас исчезает.
Но она заставляет воображенья плясать.

Вот, веселясь, Кришна танцует с пастушками
и вдруг восклицает: «Прочь!» —
и направляется к виселице.

Путь от красоты к виселице труден,
хотя всего в один шаг.

Жемчужина затерялась в пустыне,
там много пророков и много шума.
Я при нечаянной встрече всегда
даже собственное «я» держу в стороне.

Шрикант Варма

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Возмущенье в Магадхе —

не осталось в Магадхе
правителей.

Те, кто были,
настолько погрязли в пороке, пьянстве и лени,
что они уже

недостойны

править

народом Магадхи.

И такое же возмущенье

в Аванти.

И в Кошале

такое же возмущенье —

власть,

утратив достойный облик,
так погрязла в пороке, пьянстве и лени,
что ее мы

уже не можем считать

настоящей

властью.

Ну и что же нам делать?

Ведь не будет правителей —

не будет закона,

а не будет закона —

не будет порядка,

а не будет порядка —

не станет порядочности,

а не станет порядочности —

развалится общество,

а развалится общество —

не будет личности,

значит,
не будет нас!
Ну и что же нам делать?

Порвать законы?
Растоптать мораль?
Взорвать порядок?

Друзья,
                    перед нами есть два пути:
  быть безнравственными,
при этом, болтая
                                    о нравственности,
совершать преступления,
  прикрываясь фразами
  о справедливости,

лгать в словах,
лгать в поступках,
лгать в жизни самой
или

            во имя некоей высшей истины,
  сохраняя достойный
  вид,
не обращать ни на что внимания,
  да и зачем? —
  ведь в конце концов
  все мы
  умрем...

Но можем ли мы
                                    впустую
                                    прожить
                                    свои жизни,
друзья?

ГОРОД КАПИЛАВАСТУ

Капилавасту днем слепит глаза,
а ночью
во дворцах безмолвно тонет.

И путник,
замерев от удивленья,

глядит с восторгом
на Капилавасту.

И женщины,
которым снится вечность,
вдруг вздрагивают,
обрывая сон.

И все,
в ком этот страх холодный тлеет,
пытаются остаться молодыми.

Прошло в Капилавасту столько дней!
Нисколько
не прошло.

РЕСПУБЛИКА КОШАЛА

Кошала — республика, которую я придумал.
В Кошале живут несчастливые люди,
ибо не может быть счастлив народ
в выдуманной республике.

Граждане этой республики
целыми днями играют в разные игры.
А кто не играет,
тот дремлет.

Граждане этой республики
целыми днями о чем-то мечтают.
А кто не мечтает,
тот дремлет.

Граждане этой республики
не устают восторгаться прошлым Кошалы.
А тот, кто уже устал восторгаться,
дремлет.

Кошала — это республика, которую я
придумал.

ТЕНЬ

Только теперь я понял:
то,
что тогда находилось рядом со мною,
не было тенью.

Я затопал —
она застонала.
Я позвал —
она огрызнулась.
Я ударил —
отпрянула
в страхе.
Приказал:
— отстань! —
замерла.

Я занял место
в высоком собрании —
тихо
рядом села она.

Собрание,
закончив дела,
расходилось степенно...
Но то,
что осталось рядом со мною,
не было тенью!

МЕТАМОРФОЗА

Соревнуясь в беге со днем, я обогнал день.
Пытаясь изменить время,
я, поэт, превратился в его поток.

БАБУР И САМАРКАНД

Бабур на пути в Самарканд,
Самарканд на пути Бабура.
Взглянув на воинов хмуρο,
он спросил раз десять подряд:

«Далеко ли еще Самарканд?»
Но никто не ответил Бабуру.

Солнце жгучее над головой.
Разрастается облако пыли.
К Самарканду дорогу забыли.
И Бабур оттого сам не свой, —
разозлен, раздосадован крайне.
Слышно громкое конское ржанье.
Остановка в пути. Водопой.

Вдруг толпа. В ней тревожно галдят,
слух прошел о Бабуровом войске.
Но спросил император по-свойски:
«Где друзья, наш родной Самарканд?»
Из толпы на него не глядят,
все уставились в землю понуро,
без ответа оставив Бабура,
и Бабур этой встрече не рад.
Вот спадает полуденный зной.
«Эй, смотрите! Смотрите! Что это? —
закричал вдруг Бабур. — Минареты!
Самарканд наконец предо мной!»
Но был возглас его невпопад.
И к словам он прислушался мудрым:
«Самарканд вы проехали утром,
а теперь возвращайтесь назад!»

Самарканд на пути Бабура,
Бабур на пути в Самарканд.

ЗАРЯ

Смотрит вдаль новобрачная,
разбросав по туманным плечам золотистые пряди,
Вот так же ранним утром
появляется, словно очнувшись от сна,
стихотворение.

Нараяна Редди

РАЗМЫШЛЕНИЯ

1

Кто вы такие?
Бежите зачем — и куда?
Ноги — колючки сухие.
Как выдрать вам их навсегда

Из нашей почвы?
Там жадность, отчаянье тут.
Схожи точь-в-точь вы
С кротами, что слепо грызут

Землю во мраке.
Где мужество ваше? Где цель?
Лихость атаки?
Лишь холод в вас бродит, как хмель.

Ваша отныне
Земля, где живетя легко.
Вымя пустыни —
На пользу ли вам молоко?

Твердью воздушной
Отринуты, твердью земной, —
Радугой скучной
Вы стали над скучной землей.

Были удачи,
И сила, и слава была.
Ветхи, незрячи
Вы стали, как ваши дела.

Мое молчанье —
 Мое мученье.
 Грядет желанье,
 Как наводнение, —

Грядет желанье
 Разговориться —
 И к каждой ране
 Прижать тряпицу.

Грядет желанье
 Спросить отважно,
 Зачем страданье,
 Как жизнь, протяжно?

Цветы приятны —
 Не сыщем лучших.
 Но на попятный —
 В страну колючек.

А благовонья
 И мирозданья —
 И на ладони
 Как в океане.

Мы — за горами.
 Вы — за горами.
 Как слиться с вами?
 Не знаем сами.

Поэт познал в одной песчинке вечность,
 Увидел небо в чашечке цветка,
 А мне родней иная бесконечность —
 Она безвидна и она тяжка.

Искать учись, уже возжаждав знанья,
 Слов о любви — в беззубой бездне рта.
 Предназначенья нет без расстоянья.
 Без вех — темна дорога и пуста.

Бесславье — это цепь причин и следствий. —
Замкни ее на собственной груди.
В венке из терний по дороге бедствий
Сквозь лютый зной в крошечный хлад иди.

А если смерть томит последней тайной,
Вглядись во всех, кто как бы и не жив.
Господь нисходит к людям — но случайно,
Лишь атеиста верой наделив.

4

Старый пень
Спит весь день.
Снится сон:
Вырос он.

Я живу
Наяву.
Взгляд мой рад:
Зваться: взгляд.

В небесах —
Тьма и страх.
Тяжким сном
Бродит гром.

Мир вокруг
Тих, как луг.
Спит бамбук:
Снится звук.

Сколько лет
Длится бред?
Сердце в пляс —
Хоть сейчас.

Всюду враг.
Всюду мрак.
Сон пера —
Свет добра.

Признаться вам,
 Что я сошел с ума?
 Мой смех к слезам —
 Пустая кутерьма.

Вот мой цветок.
 Вот жизнь моя сама.
 Слаганье строк —
 Пустая кутерьма.

И злая тень,
 Застлавшая дома
 На долгий день, —
 Пустая кутерьма.

Грозит потоп
 И вековая тьма.
 Всѐ — блажь, озноб,
 Пустая кутерьма.

Горит костер
 И в пламени домá.
 Но сам позор —
 Пустая кутерьма.

Орудья бьют.
 Как не сойти с ума,
 Раз там и тут —
 Пустая кутерьма?

Говорить не перестану,
 Что забуду все на свете,
 Что одно лишь слушать стану —
 Шорох листьев в лунном свете.

Бродит тигр в ночи бессонной,
 Я от стужи изнываю,
 Но костер, не мной зажженный,
 Я слезами заливаю.

Неужели вздох унынья
Так протяжен и безбрежен?
Неужели я в пустыне
И ничем не обнадежен?

Ни богатства мне, ни славы —
Я бежал такой обузы.
Хороши и величавы
Только дружеские узы.

Слышу крики в скорбном доме,
Слышу вопли сумасшедших.
Ничего не слышу, кроме
Слов и строк, ко мне пришедших.

Жар иль холод — все едино.
Ливень или же засушье.
Словом я пишу картины,
Служат темою мне души.

Хоть твердят: все в мире ложно,
Поиск истины напрасен, —
То, что снится мне тревожно,
Означает: мир прекрасен.

ПОТОКИ ПЛАМЕНИ И ЧЕЛОВЕК

Вырываются потоки пламени
При свете дня
Из каменных стен,
Из стальных конструкций,
Из крепостей и дворцов, —
Вырываются потоки смеющегося пламени,
Пожирающего, попирающего, нарастающего.

Правители превратились в перепуганных котов
Со спутанными лапами,
Телефонисты неистово онемели,
Пожарные машины проносятся с оглушительными
сиренами,
Но пламя пышет победительными знаменами —
И в горле моторов грохочут первые взрывы.

В постройках и помыслах,
В головешках и головах,
В одеждах и надеждах
Бушуют потоки пламени.

Пальцами рук цепляются за утекающие мозги,
Пальцами ног вцепляются в убегающую почву,
Каждая сигаретная затяжка всего лишь оттяжка
Неизбежного наступления светопреставления:
Мир в первом приближении уже кончился,
Голос в горящем доме: пора сматываться.

Ужас объял министров и депутатов,
Парламент впал в паралич,
И все, что еще не сгорело дотла,
Стало смертельно, стало сатанински холодным.

Кровь застыла в жилах,
Взоры в очах,
Предсмертная испарина городов
Превратилась в ледники и морены.

Жара спала, пульс замер,
Покой наступил, свет померк —
И только человек по-прежнему пламенел,
Извергая из себя все новые потоки пламени, —
Пламенел, вопреки и благодаря всему,
Пламенел подобно Маркандэе и Марутам, —
Бессмертный, загадочный и огнесущий.

КРЫЛАТЫЙ ЗАМОК

Остров есть на просторе морском —
Как луна он на небе ночном.
И во мгле под лучами луны
Кое-где там лачуги видны.
Посредине же — замок стоит,
Словно месяц, взошедший в зенит.
И туземцы, народец простой,
Спят в лачугах, вкушая покой,
Только в замке никак не заснут:
Урагана кромешного ждут.

Замок страхами вечными полн —
Он боится и ветра, и волн.
Как ему,
Как им всем уцелеть?
Уж не на небо ль в замке взлететь?

И лихие решили умы
В путь пуститься на крыльях у тьмы.
И, упершись в лачуги пятой,
Ведь туземцы — народец простой,
Замок прыгнул — и чуть не взлетел.
В небе месяц кровавый алел,
В море пламя шло,
Из глубины
Достигая до гребня волны.

Замок, хлещущей пеной облит,
Норовил, как задумал, — в зенит.
В небеса!
Но ревел ураган
И ярился ночной океан.

За высокой стеной крепостной
Разбивалась волна за волной,
Все кругом заливала вода.
Где же крылья?
Увы, никуда
Не взлететь было замку — и он
Исполинской волной погребен.

Стены пали.
Надежды — вослед.
Кровь чужая — не крылья.
О нет!

Ромаканто Ротхо

ПОРТРЕТ

I. Прямой и черный, словно колонна,
Вошел я в комнату
И увидел светлое пятно на стене.
Комната была заставлена
Невесть чем:
Началами фраз, обрывками воспоминаний.
А потом на стене стало вырисовываться
Лицо, но без признаков жизни,
Далекое, но все же близкое.
Оно шептало мне со стены, что сезон завершен,
И что-то еще прибавляло на непонятном языке.

II. Внезапно в окно
Ворвался запах жасмина,
С ним пришло ощущение детства
В том, разрушенном ныне городе.
Я видел след возвращения на мокром песке
И слышал, как тогда,
Голос отшельника из лесной глуши.

III. Вся комната занялась огнем.
Я стал угасать и таять.
Годы проходят,
И вот уже виден конец пути.
Я выхожу из свиного уха
И закрываю глаза,
Чтобы яснее тебя видеть.

IV. Ты кажешься мне чьим-то вчерашним днем,
Голос твой — отражение чьих-то мыслей.
Ты словно проводишь во мне черту
Между злом и добром.

Как ручей ищет реку, так я тебя ищу.
Ничего не было.
Рождение, детство, старость, преображение —
Ничего не было. И твое лицо,
Которое улыбнулось, — тоже призрак.
Но все-таки я видел тебя...

V. И чудо приходило на смену чуду.
Самым большим из чудес
Был возврат в дни до моего рождения.
Даже земли еще не было в те дни.
Ни гор, ни деревьев, ни рек — ничего не было.
И не было имен.
Только я был —
Повсюду, во всей Вселенной.

VI. Мне стало страшно —
Я просил дать мне руки, ноги и дом,
Чтобы спокойно встретить старость и смерть,
И я просил дать мне голос, чтобы покаяться,
И ту пору, когда опадают листья.

VII. И вот, когда я, прислонясь к стене,
Возглашал просьбы,
У меня вдруг появились руки,
И я до тебя дотронулся —
Точнее, до твоего изображения.
Ты стала опять улыбаться.
А в соседней комнате сидела усталая женщина,
Прошедшая долгий путь любви и отчаянья.

СКАЗКА

I. Я сказал ему: «Входи.
Зачем стоишь, как чужой, на пороге?
С чем ты сюда пришел?
Выкладывай все!
И поскорее, а то опять я услышу тот крик,
Надрывающий душу.
Ну, говори, наконец! Нестерпимо
Твое молчание
И ты сам, как чужой, на пороге!»

II. Он не двинулся,
Не произнес ни слова.
Немигающие, облачные глаза
Неотрывно глядели на меня.
Он словно боялся, что я рассмотрю вблизи,
Что у него нет глаз
И что сам он — мираж, иллюзия, ничто.

III. Я заглянул ему в глаза,
Я посмотрел на него со всею любовью ушедших лет,
С любовью, оставшейся в прошлом.
Я показал свою голову (совсем седую),
Пошевелил ногами
(Они скрипели от ревматизма),
Положил его руку себе на грудь,
Дабы он понял,
Как невыносима моя боль.
Эта боль не дает мне дышать,
Из-за нее я весь в поту...
Мне хотелось у него спросить, ощутил ли он
Страдание, заполняющее каждый мой день.

Но он стоял молча
И только рассматривал меня
Недвижными, продолговатыми глазами.

IV. Я потерял терпение и заговорил
Сердито: «Возможно, ты думаешь,
Что мои скитания по чужим землям
На склоне лет — это моя кара за прошлое?
Я прошел пустыни и джунгли,
Я был в краях, где что ни день тысячи гибнут
От неопознанных болезней,
Где солнце всегда спрятано
За расправленными крыльями
Стервятников,
И жара выпивает всю влагу из тела,
И песок струится по коже,
И реки все пересохли,
И наши жизнеописания
Лунными ночами
Разносятся по ветру.

V. Но не было на мне греха.
Только голос мой замолчал,
Уста не сказали Истины.
Нежданный ливень нагнал темноту —
И глаза мои перестали различать правду.
Я стоял перед толпой и дрожал.
Я знал, что делал все правильно, но зачем?
Когда-нибудь мои руки смешаются с землей
И остановится дыхание.
Поэтому я заставил себя отделить руки мои
и мое дыхание

Ото всей правды мира.
Я взял с собой свои руки, глаза и дыхание
И тайно покинул свой дом.
С тех пор я таскаюсь с грузом своего тела
По чужим странам».

VI. Вот все, что я сказал или хотел сказать.
Он исчез.
Скоро совсем рассвело.
Я выпил чаю, собрал в котомку
Все свои недуги, ночи и дни
И продолжил мой путь под солнцем
В страну одновременно далекую и близкую.

О.-Н.-В. Куруп

КАПЛЯ СВЕТА

Будто пчела, что всю ночь продремала
В душистой тьме закрытого лотоса,
В спальне — в моей колыбели розовой —
Я пробудился — и тьмы ужаснулся.
Что за громадный змей ядовитый
Яйцо рассвета разбил — и дочиста
Высосал?.. Или других не осталось
Яиц, что рождают новое утро?
И вдруг... и вдруг в этой тьме я заметил,
Глазам не поверив, яркое что-то —
Как будто вброшенную мне в спальню
Капельку света!
Словно тайком
Подкинули мне золотую монету,
Росточек огня,
Алмаз!..
И медленно, будто царственный лебедь,
Пунцовым зернышком привлеченный
Граната спелого, и осторожно,
Как цапля, заметившая рыбешку,
Или увидевший рисинку голубь, —
Вот так же медленно и осторожно
Рука потянулась моя, чтобы это
Крохотное, золотистое чудо
Схватить — будто склюнуть...
И вправду — чудо!
В мою открывшуюся ладонь
Сама так и прыгнула эта малютка,
Лучистая капля живой красоты
И — заплясала!

Иль яркое пятнышко
Выронилось невзначай из павлиньего
Гордого веера?.. Или жемчужинка
Выкатилась из ножного браслета
Юной танцовщицы?..
Чудится мне:
Маленькая богиня бродит —
Идет куда хочет, сквозь райские рощи
Эллинских мифов — и всем обнаженным,
Эливно-гладким, трепетным телом
Вьется в стремительном танце...
— Здравствуй! —
Мне хочется крикнуть. — Я ль не волшебник?
Ведь ты на ладони танцуешь моей!
Вот я нарочно тебя роняю,
Но, как небьющийся яркий шарик,
Ты вновь мне вкатываешься в руку
И каждой частицей тела трепещешь,
Пляску свою продолжая, — и всюду,
Куда ты ступила босою, крохотной
Ножкой своей, там сразу восторженным,
Мягким теплом согрета ладонь.
Кто ж ты тогда? И как в мою темную
Спальню проникла?.. Дверь заперта еще,
Наглухо шторы сомкнуты,
И кажется,
Что и снаружи такая же темень:
Нет и не будет новой зари!
Где же ту скважину, столь незаметную,
Что не продеть и тычинку лотоса,
Ты отыскала — и в мрак моей комнаты
Гостьей явилась?
И что ты молчишь?
Да, что таится в твоём молчанье?
Иль вечно немой и вечно дрожащей
Создана ты?..
К окну подбежал я,
Шторы раздернул — да так и застыл!
Я ослеплен... Вся земля, все небо
Сейчас — как одна исполинская чаша,
Полная огненного вина,
Полная тем же текучим и жгучим
Золотом, чей огонек драгоценный
Сейчас на ладони моей трепетал.

Ты самую первой, самую храброй
Вестницей солнца, нового солнца,
Бессмертного Солнца ко мне явилась,
О капелька света!

ЧЕРНЫЙ ЛОДОЧНИК

О лодочник, черный лодочник!
Зачем ты пришел ко мне?
Да к тому же ворчишь и сердишься:
«Надоело мне ждать тебя!
Ты ведь знаешь: мое ожидание
Тоже денег стоит, дружок!
Ну, давай поскорее денежки
Или в лодку мою садись!..»
Разве я семь монет серебряных,
Торопливо не бросил тебе?
Но сказал ты: «Не надо, успеется!..»
И к другим домам зашагал.
Видел я, о наш черный лодочник,
Как ты деда-соседа увез:
Провожать его вышла на берег
Вся толпа детей и внучат.
Видно, вместе они ужиться
На одном берегу не смогли.
Им, и любящим, и опечаленным,
Ключ от рая ты показал.
Усадил ты в лодку заботливо
Старика — и во тьму отплыл...
Так ты даришь освобождение
Всем, кто беден, скорбен, устал.
О наш лодочник, черный лодочник!
Снова ты у причала ждешь,
Чья же очередь? И кого теперь
Ты заманишь в лодку свою?
Вот опять отплывает медленно
И бесшумно лодка твоя, —
Лишь круги на воде извиваются,
Будто выводок черных змей.
О наш лодочник, черный лодочник!
Почему, возвращаясь к нам,
Ты обратно, на берег жизни,
До сих пор никого не привез?..

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА

Как луч золотого рассвета
На зелени рисовых всходов,
Сияет в душе поэта
Неясная, новорожденная,
Но уже сладкая мысль.
А музыка ткёт виденья
Из гибких светящихся нитей:
Это подруга детства
Вновь принеслась издалека
На реющих шелковых крыльях
И снова исчезла, мерцая
Серебряным опереньем
Небесной птицы-звезды...
Когда же с годами поэт
От бедствий жизни ослабнет,
Когда золотые идолы
В мире его души
Падут под ударами времени,
Горестно видеть певцу
Как лучшие грезы-надежды
Гибнут одна за другой!..
Зной все густеет и крепнет,
И в золотистых колосьях
Капли молочного сока
Твердеют в спелые перлы,
И видит он в жарких думах,
Как в хижинах, крытых листвою,
Ручьями из пышных колосьев
Чистое льется зерно.
Зной нарастает... Но в небе,
Слезам души рождены,
Встают облака, всей природе
Даруя отраду прохлады,
И сердце поэта ищет
Все новых и новых слез.
Отныне ему не сладость
Музыки светлой, а черные,
Горькие знаки нужны,
Чтобы на пальмовых листьях
Души своей безутешной
Одну лишь строку писать:
«О где ты, подруга детства?..»

СЛИЯНИЕ

(Написано после поездки в СССР в 1970 году)

О великая Ганга, священная Ганга,
    благодатная для души и тела!
О великая Волга, могучая Волга,
    благодатная для полей и пастбищ!
Пусть на твердой земле, где высятся горы,
    никогда не встретитесь вы друг с другом,
Но я чувствую: крепко, хоть и незримо,
    обнялись вы, сплелись живыми руками.

О прекрасные сестры! Как радостно сердцу,
    что сейчас могу я в одно мгновение
Ваши две красоты охватить глазами,
    ваши два напева разом услышать!
Пусть одна поет под струнные звоны
    и под звуки бамбуковых флейт — другая,
Но поете одну вы старинную песню
    под одним голубым балдахином неба.

Ваши волны танцуют в лучах рассвета,
    как молочные, как белопенные струи,
Ваши волны играют в огнях заката,
    как блестящие струи вина золотого,
А на ваших широких, вольных побережьях
    то весенние пашни влажные вижу,
То атласно-мягкую зелень всходов,
    то упругую зыбь тяжелых колосьев.

О богини прекрасные, чьи ладони
    дарят нашей земле животворную влагу!
О потоки бесчисленных дивных созвучий —
    нежных песен любовных и мощных гимнов!
Вы едины, как строки одной поэмы,
    что поет материнская грудь земная,
Вы прекрасны, как две золотые ветки
    на одном величавом дереве Бодхи.

Вы как две голубых огромных аорты
в сердце мира вливаете свежие силы,
Слышу ваш многозвучный трепет слиянья,
в этих звуках два имени ясно слышу.

Гулко бьется громадное сердце мира,
повторя торжественно: — Ганди! Ганди!
Гордо бьется бессмертное сердце мира,
повторя восторженно: — Ленин! Ленин!

Хирен Бхатточарджо

МОЯ МАТЬ БОЛЬНА

Моя мать в постели...
Яд у нее в крови,
В крупинках костей, во всем ее теле.
Кроша желанное счастье сухими руками,
Сердце свое обменяла она — золото на свинец.

Неужели конец?
Как понять, чем отравлена мать?
Чувства теряет она при звуках грустной свирели.

СЕМИЦВЕТНИК

1

РОЗОВЫЙ КУСТ

Прилетев из тьмы, светлячок появился —
в груди моей скрылся, забылся сном.
Подумаю о тебе, — и звезда одинокая
расцветает в небе ночном.

Кто посадил этот розовый куст в сердце моем?

Кто пробрался в меня — до самого сердца,
подмешал ароматы к бессонной крови моей?
И когда вспоминаю тебя в темноте ночей,
звезды шлют лучистые вести
от розы к розе,
а светляки, собираясь вместе,
в излуцинах крови моей пылают огнем...
Кто посадил этот розовый куст в сердце моем?

2

ЖАЖДУ СОЛНЦА

Этой ночью, глаз не смежая,
мечтаю о том урожае,
что золотистой улыбкой, как мед,
по губам твоим мягким течет.
Будто солнце движется через мост
из снов бесчисленных звезд.

3

КАК-ТО ВЕСНОЙ

Взяв за руки солнечный свет, ветерок просквозил
через спальню твою и уселся возле меня.
Доверчив и мил, на плечи мне голову он склонил,
словно дразня, прохладными пальцами мне погладил
спину
и гирлянду из чампак, свитую наполовину,
предо мной, как лучистую радугу, расстелил.

4

ЦВЕТЫ ПЕЧАЛЬНОЙ НОЧИ

Когда ночь замирает
от пенья цикады в тоскливой тьме,
когда, заблудясь во мраке, печально сердце блуждает,
ищет тебя в ночи — на самой дальней кайме,
когда луна слезами струится по влажным листьям
и совсем одна, при свете луны
память о нежном теле твоём душистом
спускается по ступеням моей тишины,
тогда —
в те сокровенные миги бессонницы
окутывает меня твой аромат бестелесный,
словно чудесный покров.

И арка — вход в мое сердце клонится
под пышным грузом
цветов.

Б

СЛОВО ДЛЯ ТЕБЯ

Это слово — лишь для тебя хранимое слово —
катается между пальцев моих,
как бусинка четок в руках святого.

Так слепые звезды
по склону катятся неба ночного...

Для тебя —
для тебя одной прозвучать готово
это легкое, лучшее в мире слово!..

В

ОНА

(Печальное, как молитва)

Я коснулся ее груди:
под пальцами чуткими, напряженными
благоуханье цветов.

Я стал целовать ее раны:
губами почувствовал иссушенными
один, или два, или семь печальных
розовых лепестков.

Я снова руку
ей положил на грудь:
под пальцами потрясенными
трепет и зов цветов.

Г

ТЫ СЧАСТЛИВ?

В груди моей — сад, где розы горят.
Как-то одна из них, свежая и молодая,
капельки чьей-то крови роняя,
у злого, сухого шипа спросила тихонько,
чтоб не слышали другие цветы:
— Ты счастлив?
Счастлив ли ты?..

Я среди роз будто корнями врос,
слух погрузив в цветочную, алую тьму,
и внятно, понятно стало ему:
от летнего зноя, от холодов
осыпаются лепестки цветов,
но не ломаются острия шипов.

ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

I

Жестокие празднества властного,
вождевшего неба теперь прошли.
Зеленые волны проносятся
по веселому полю земли.

II

Мягко шумящие, в белых цветах луга
ломают безмолвие медного небосвода.
У поэзии тоже — так шепчет осеннее небо —
есть свое время года.

III

В складках солнечного сияния
безграничное чудо льется.
Восторженные слова
врываються в мир эмоций.

СВЕТЛЯЧКИ

I

Тучи взбухают, когда налетает ветер,
река набегает, волну кидая к волне.
Встав на колени, разум склонился к потоку
и прошептал: — А что, если прыгнуть мне?..

2

Я знаю точно, среди океана крови
 есть островок любви и весны.
 Не хочу расточать сравненья и восхваленья:
 Любовь — это символ святой тишины.

3

Лучше сжать кулак поплотней,
 а разожмешь —
 разноцветный платок памяти легкой моей
 прочь улетит
 с обрывками всех моих лучших дней.

4

Печаль застряла в крови.
 То, что в неслышном облаке моих слез, —
 это навеки черты твои.

5

Проснулся от осторожных шагов рассвета,
 он медленно разрастался, был грязен вид его,
 но он отворил лазурную дверь моих грез
 сияющими руками молитвы!

6

Я могу снести
 все жженье любого мученья
 и не превратиться в прах.
 Это — мое чудесное омовенье, глубокое очищенье
 в неземных бороздах.

7

— Мне больно видеть, как эта свеча
 горит просто так.
 Давай погасим ее, и наступит мрак.
 Давай в темноте посидим вдвоем.
 Пускай лишь огонь мерцает в сердце твоём.
 Вот так с тобою побыть хочу.

Я погасил свечу — и потихоньку
вышел.

8

Я вложил очень бережно ей в глаза
семя цветка, — оно не дало ростка,
но вскоре
я грудь ее приподнял и обнаружил корень.

9

Колокольчики волн на ее лодыжках,
золотые струны лучей над ее сосками.
Самоубийственная река — здесь она лежит
на сухом песке, с умоляющими руками.

10

Подобна пчеле опрометчиво-гордой
любовь моя — печаль и беда моя.
Летит к цветам и всякий раз натывается
на шипы, на жестокие острия.

11

Я болен вот уже несколько дней,
я стал уставать очень быстро.
В незримых глубинах груди моей
сад грез расцветает лучисто.

12

Олень моей страсти
замер и ждет.
Но скоро, чуть ветер стихнет и зной спадет,
к тому роднику он так и помчится вскачь!
Ведь каждый знает,
как нестерпимо от жажды язык пылает,
если ветер горяч.

13

Целуя пределы любви — но чьей, —
ужель мое сердце стало тоскливой пустыней,
тянущейся к прохладе древесных теней?

14

Знаю: открыв моих чувств золотую дверцу,
осенний вылетит соловей — покинет меня
на закате печального дня.

15

Легка темнота. Еще легче — инстинкт тоски.
И вправду печали честны, точны и легки.

16

Седая полоска в моих волосах, — пускай
остается она, в этом нет ничего плохого.
Но все же золота не стирай.

17

Между горем моим и счастьем моим
собираются птицы — соседками стали:
не только в счастливые дни
наполняют мне сердце они,
но и в дни печали.

18

Мое детство — цветочные ароматы.
В солнечных искрах, в волнах волос золотистых
как хороша и светла ты!

19

Смерть тоже искусство.
Бесстрастна скульптура тела —
жизнь гранитно окаменела.

20

Я разбил эту вазу,
хоть и знал, что из глины сосуд
и что скоро цветы зацветут.
В безучастность впал или спал мой разум.

21

Вон река вдалеке,
 грустный звук — будто пленник в этой реке.
 О моя застенчивая Дочь Света!
 Поведи меня, за руку взяв,
 мучительные слова сломав,
 туда, где безмолвно
 берут свой исток бегущие эти волны.

22

Лодка моя — возле причала дальнего.
 Сердце полно фитильков-огоньков
 в полутьме ожидания.

23

Кто похлопочет о том, чтобы солнца мне раздобыть,
 чтоб дыханье мое облегчить, чтоб грудь перестала ныть.
 Запечатлев поцелуй мимолетный
   на мягкой щеке небес,
 тогда я воскликну: — О, как прекрасен, полон чудес
 ветер солнца!

24

Дом уступает дорогу лучам зари.
 Едва распахну окно, та же самая птица влетит,
 сядет на письменный стол: лепестки на крыльях,
 а в клювике — поэтический алфавит.

25

В уединенности сердца — зрелища радуг.
 Поэт — в стороне:
 он может на этот раз
 хотя бы чуть-чуть возле жестких холмов отдохнуть
 и вскрыть письмо умоляющих глаз
 текущей, как речка, женщины.

26

Распахни окно: пусть радость льется, и вскоре
 пусть письмецо золотого луча донесется
 сквозь олуинокое горе.

Строчка, которую я придумал тогда:
память — лишь сон.
Потоками слов гремящих я окружен.

Обратись же к солнцу лицом, прекрасным лицом,
ярким от юной крови, — пусть будет волшебная речь
золотых лучей, отраженных в твоих глазах,
таинственным блеском течь.

Для ярких зорь, золотых закатов слишком толсты
стены моей слепоты.

С горячей свечи, мне на грудь поставленной,
пусть падают жгучие бусины — свет расплавленный:
О день, мой мрак! О время, мой враг!

Печаль между швами моей рубашки, —
коснись меня и найди поэта во мне:
чувства всегда беспокойной тоски
в струении будничной этой реки.

На закате, вытащив стул, я сажусь снаружи —
в прохладе и тишине,
и всякий раз,
когда я увижу каплю воды
на протянутом пальце моем или на краешке глаз,
кажется мне: тени деревьев спускаются в озеро,
не ведая о его глубине.

Я погрузил свои руки по самые плечи
в глубину пронизанной солнцем,

ожидающей всходов земли и почувствовал в ней
влагу, запахи злаков — невысказанное чудо,
изречения близких дней.

34

Золотые амбары памяти сожжены дотла
в моем закованном сердце.
Огромная тьма, как мне она мила!

35

Птицы пронзают тьму моей крови,
соленая песня слез моих сокровенных
пульсирует в оскуделых венах.

36

Прочь от меня стремясь, тень старого храма
тянется к нежности и блаженству —
туда, где течет священная, древняя Ганга,
к ее всемогущему совершенству.

37

Тень — только этот миг.
В кончиках пальцев моих
жар бесчисленных солнц возник.

38

Трава возле ног моих звенит-веселится,
в ветре — теплые вздохи мои,
словно два неба вокруг двух крыльев
зеленой птицы.

39

Поэзия — это посланница юности,
к небу — чистейшему зеркалу — страстный взлет.
В моем блаженном саду это ты, ты —
цветок, что по-новому каждый день цветет.

Я руки простер в бесконечный синий простор.
 Что еще я могу отдать — две льдинки глаз?
 Чей тоскливый голос в сердце звенит сейчас?

Пусть слезы, простые молитвы из безутешных слов,
 согреются, отдохнут на раскинувшихся тропинках
 вот этих строф.

Бессмертие в этом истерзанном существе,
 чьи печальные пальцы
 вышивают чистейшую из всех поэм на земле.

Хребет напряжен, как натянутый лук, — и вот
 яркой стрелой грезы летят, куда захотят, вперед,
 а я лишь пытаюсь понять в этот миг случайный:
 есть ли за этой грезящейся мгновенностью
 дверь в бесконечность тайны.

Певец задремал под сенью баньяна.
 Ветви прохладную свежесть над ним простерли.
 Спит поэт — со свежей радостью на ладони
 И с небесами в горле.

Вода и в прожилках лотосов, и под землей текла,
 живительна и весела, блестела на листьях
 мириадами бусинок серебристых,
 до самых корней дошла.
 Поэт, что ты скажешь ныне
 страдающим языком, — нет воды, кругом лишь
 пустыня,
 где вся вода испарилась, ее не сыскать нигде,
 чрево земли пылает в тоске по воде.
 Все твои слова —

как им дальше жить?
Гибнут они, опаленные, негодованьем сожженные,
ибо навек поручились правде служить.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сегодня
я пробудился, когда еще мгла плыла.

Сны-лепестки
опадали один за другим,
будто цветы с налобной повязки
феи из детской сказки,
ускользавшей с мраком ночным.

Теперь
на моих престолах — на крепком теле —
грохот земных оков.

И —
отступающие неслышно тени —
мягкое любопытство снов.

ОДИНОКАЯ МОЛИТВА ЗА СВОБОДУ ПОЭЗИИ

Голос поэта, отпрянув от грубости неумолимой,
становится песней, ни с чем не сравнимой.
На острие пера — душа поэта, стихотворенье обещанное,
сердце его с незаживающей трещиной,
свобода искусства,
гимны тоски — одинокий зов голодающего певца,
опасное бремя его пылающих нервов...
Дайте же эту песнь, все сужденья ваши отвергнув,
так допеть, как хочется мне, до конца!
Знамя грядущего взвив — знамя для вас чужое, —
умирает посланница-кровь, не найдя даже в смерти
покою,
возле нескладного, обнаженного мертвеца.

Даруйте свободу мне, дайте молот — разбить я готов
бесчувственность ваших пресных, уместных слов! —
или блеск побеждающего меча, чтобы крошить сплеча
все тупые эти банальности
анемичной, еле живой, но еще упрямой реальности.

Нила Падманабан

СЛАВА

Разговоры о славе
«нашей»
(называют ее, конечно, «вашей»)
превращаются — если их записать —
в паводок
нечистот.
«Вашим» становится
благородство мужское,
женская верность;
слуги богов спешат,
покуда похмелье еще не прошло —
напахать, сколько можно:
арена для действий известна.

...ЯЗЫК ПРИДЕРЖИ ЗА ЗУБАМИ

Молчание,
ты, словно демон кровавый,
служишь мне телохранителем,
ты гнездишься
во мне,
ты, с моего же согласия,
впившись
в мой же язык,
рывком
откусило его —
свежей кровью запахло,
но все же
именно ты

дало мне
душевную силу,
именно ты
укрепило меня,
молчание.

ВИДЕНИЕ

Вдесятером
собрались
мудрецы
долго мудрили
в итоге
отнюдь не снесли
золотого яйца
но вынесли
резолюцию

ИДИ ВПЕРЕД

Лают собаки —
для тебя никакого урона.
Ворона каркает —
так на то она и ворона.
Быть колесницей:
нелегко —
но вперед,
нелегко —
но вперед!..

ИЗЪЯВЛЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Забывать о благодарности —
дурной поступок,
очень дурной.
за все хорошее, что сделано
тебе —

доколе смерть к тебе сама
не явится —
до последнего мига, —
ты,
а позже —
твои потомки —
в неоплатном долгу.
Платою за добро
служит забвение
причиненного зла.
Что сделал ты доброго?..
Что величественное
ты сотворил?
Всю эту жизнь —
даже и ненароком —
своему благодетелю
ты не должен перечить
ни единым словом.
Что есть благодарность?
На собаку мою
посмотри:
виляя хвостом,
лизет она
мою босую
подошву:
вот он,
истинный знак верности,

ОСЕЛ-ГРАМОТЕЙ

Извивается воплями
ослиная страсть,
ладит писатель для страсти своей
литературную снасть.

Нужны ли ослу
благовония?
Кто в руки берет
нож мясника —
сумеет ли он
таковым писать?

Осел, озверев от страсти,
в поле катается на песке.
Очень похоже
на занятия
литературой.

ПЕРЕПАЛКА

Размышлял по пути
Натараджан,
возвращался домой
Туккарам —
и они повстречались.
«Сволочь ты, сволочь,
предатель», —
сказал Туккарам.
«Зато не такой мерзавец,
как ты,
не такое трепло!» —
так тепло отвечал ему
Натараджан.

РАСПЛАТА

«Такие красивые
статуэтки богов —
для чего ты разбил их?
Неужели не стыдно?»

«Я сам их сделал,
так почему же
изваяние дорого вам,
и ни к чему — ваятель?»

ЗАЩИТА

Бедный мой слух
истомлен безмерно
вереницей
твоих попреков,

друг мой любезный.
Господи,
хоть бы ты защитил меня
от них.

ЧУЖАК

Те, кто знали меня —
ушли подальше.
Те, что не знали —
пришли поближе,
потом и те
и другие
собрались вместе.
Тогда я
ушел сам от себя —
подальше,
стал чужаком
самому себе.

РАСЧЛЕНИТЕЛЬСТВО

Ты зашел мне за спину,
повалил меня,
навалился всей тушей,
перерезал мне горло.
Ну, и зачем после этого
еще и кромсать мой труп?

НАГРАДЫ

Все, что могли —
поделили между собой,
с тем расчетом,
чтобы каждому
что-то досталось.
Были друзьями.
После дележки
стали врагами.

ИТОГ ТРУДОВ

В результате
литературных стараний
налицо
до крайности
преждевременная
седина в волосах

СТРАНА

Хитрецы-шакалы
воют,
бегают стаями.

В одиночестве,
с громким ревом,
шеествуют
гордые львы.

СТРАХ

Опасаясь начальства,
в ужасе перед министром,
в страхе перед клеветой
со стороны хозяев,
боясь горожан,
умеющих обругать,
опасаясь родичей,
пуще того — друзей,
жил человек:
глянул в зеркало времени,
увидел себя
и немедля
отдал концы.

Кришин Рахи

ДЕНЬ И НОЧЬ

День — удел человечества.
Ночи — людям принадлежат.
День — это война,
и я завербован,
как всякий солдат.

У ночи свой аромат,
и не надо ей ничего —
Есть лишь она сама и ее родство.
День — это чаша яда,
которую надо
выпить одним глотком.

Перед гибелью все равны,
а в наплывах ночной тишины
каждый явлен земле в совершенстве своем.

Днем, смешавшись с толпой,
забываю я облик свой,
надежда не управляет мной.

Ночь дает драгоценное право — пребыть собой
и облакает мою наготу
в соблазнительную мечту.

Мир сотворен не из реальности сплошь.
Без примеси грез он не был бы так хорош.

Суреш Бхат

Я УЛЫБАЮСЬ...

Я улыбаюсь навстречу скорби,
навестившей меня.
Мои тайные слезы
меня не выдадут.
Всякий раз, когда я говорю себе,
что мне хорошо живется,
я невольно улыбаюсь...
Сиротский мой стон отлетел далеко.
И все же мучение мое не бессмысленно.
Злодейство жизни моей завершилось
в родном кругу.
И мне не надо искать улики.
Я стал беззаботен,
когда зажег свой погребальный костер.
Зачем мне заискивать перед зрителем?..
Всюду и так поют мои песни.
Лишь на моих губах им нет места.
Жизнь просит от меня жертвы,
а я сам, — как нищий,
неспособный что-либо выпросить...

НА РАССВЕТЕ...

Я так и не понял,
когда на рассвете
ночь отошла.
Непроизвольно закрою глаза —
ночь еще рядом.
Открою — ее уже нет.
В неясности полутонов

ночь ускользает...
Миг ускользающей ночи.
Век встающего солнца!
Дышать легче, свободней..
Тени прочь убегают.
Эхо лунного звона
аукнулось в сердце.
Ночь у меня отняла, утащила с собою
небо, полное звезд.
Я забыл строчки собственной песни,
которую ночью писал.
Ночь строку обронила единственную
и скрылась.
Луна уже не спит
со мной на подушке.
Тихонько, на бок повернувшись,
ночь отошла.
На простынях остался запах жасмина.
Ночь отошла тихо-тихо,
дивный цветок мне на память оставив.

КОГДА ЗАНИМАЛАСЬ ЗАРЯ

Еще предрассветные сумерки,
ночь наплывает снова и снова.
Братья, факелы жизни зажгите —
нас утренние лучи не спасут.
Нет надежды на солнце.
Солнце скарб темноты
на плечах своих тащит.
Тот же нам уготован удар,
только нож поновее.
Та же ночью змея норовит укусить.
А газеты весь мир уверяют,
что здесь все в порядке.
Лгут распорядители жизни,
в сейфах своих небо наше замкнули.
Пыль от наших домов
у нас под ногами.
Мы, как трупы, — уже никому не опасны.
Каждый из нас надежду
зарыл глубоко.

Каждого можно купить
за бесценок..
Скорбь и та — продается.
Народ мой бесправен во всем.
Не страна, а — тюрьма.
Грех удачлив, подмял под себя добродетель.
Погребальный костер отгорел —
еле теплятся угли.
Перст указующий
виселицы — на свободу нацелен.
А у нас от свободы
осталось одно — только слезы...

МЫ ОСТАНЕМСЯ ЖИВЫ

Мы небо завтрашнего дня увидим,
мы останемся живы.
Мы не будем пресмыкаться
перед улыбкой сильного
и расшаркиваться перед властями.

Придет время,
мы сожжем их кроткое лицемерие.
Даже если не напоим толпы
сливками счастья.
Мы все равно непобедимы,
мы руки грядущего дня.

Допустим, что мы невежды,
и у нас манеры не аристократов..
Что ж, мы в самом начале,
мы — развеянный прах праха.
Мы страдали века,
потерпим мгновенье.
Мы — нищие,
которым терять уже нечего.

Мы, проклятые,
умирали с момента рождения.
И все же последнее слово — за нами.
Самое недоступное — в наших силах.

Мы зажжем погребальный костер
в их доме
и высушим наши слезы.
Поднимем на плечи и понесем
луну и солнце.

ЗАВЕТЫ ЮНОСТИ

Былую беду
назову-ка я счастьем...
Она обрушилась вероломно,
и мне ничего не осталось,
как только подшучивать над собою.
Нет-нет, я не плакал.
Сухими глазами
    процеживал жизнь.
Лишь однажды
    глаза увлажнились: не вынес
страданья других.
Слезы других мои глаза увлажнили.
Все навещали меня,
торопясь восвояси.
Мол, сам о себе побеспокоиться должен.
Но мне до несчастий моих
    не было дела...
Махнул я рукой — пусть живут без меня...
Лицо свое — я утратил...
    Помнил, кто я такой...
Жизнь развернула меня к тропе,
    ведущей к истокам.
Вернулся я к точке,
    откуда начался путь.
Я завещал свою жизнь поэзии.
    Пепел
мой — должен бы спеть эту песню.

ПРАГМАТИЗМ

Скорбь и та планируется заранее.
Все чувства скроены, как на примерке.
Каждый торгаш прячется в своей мелочной лавке.
А я среди них — банкрот.

Я — нищий,
    проклятый и безутешный.
Хитрые слезы их — общеизвестны.
Банальны — их славословия жизни.
Я не хочу слышать
    их словесные трюки.
Они — мертворожденные краснобаи.
Завели эту дурацкую дискуссию
    о моем вечном голоде.
Но разве те, кто мне подает, сыты?
Сколько ран и ударов мне нужно запомнить...
Утешительные слова
    могут быть больше удара.

МОИ СЛЕЗЫ...

Нет, слезы мои не бегут из глаз,
являя страдание всему миру.
Раны мои — распустившиеся розы,
цветут незримо.
Не надо, не будь со мной откровенна,
не говори, кто я есть.
Жизнь смеется в лицо мне.
И ты тоже? Не смейся!
    Не смейся!
Мечты мои — вдребезги,
    песня — разбита.
Так не тащи же на рынок мои страдания.

Я СПРАШИВАЛ БОГА

Не напрасно ли я пытаюсь судить
этот мир?..
Не напрасно ли изливаю любовь
этой влиятельной куче праха?..
Я, непричастный к нему,
вынужден жить в этом мире.
Чужой меж чужих,

я прохожу насквозь
эту пеструю барахолку,
где покупают и продают поношенное добро.
Здесь у меня отнимали многое —
я давал отнимать.
Цветы для меня не цвели,
холмы не зеленели.
Длилась нить дыхания жизни.
И я нанизывал на нее
бегущие дни.
Молчание обступило меня —
ни слез, ни улыбок.
И только я один, вопрошая вечность,
извинительно улыбался.
Эти цивилизованные звери
возводили коттеджи.
А я, вопрошая вечность,
поскрипывал и шатался,
как разбитая дверь.

Я УХОЖУ...

Обожествляющий свою скорбь
отличен от прочих.
Как и тот, кто по-человечески
раздаривает свои слезы.
Каждый грустит по-своему...
Но не будет разглагольствовать
на эту тему в пылающем городе.
Каждый уголь горит по-своему.
Есть великолепная нищета,
ни с чем не сравнимая...
Жалкая истина пробивается
различными путями.
Этой жизни не помешает
немного сарказма.
Один яд — может стать
противоядием другому.
Повседневную боль
пленить невозможно,
так же как удушить
бездыханную душу.

Зато возможно отличить
    воплъ страдания
    от возгласа счастья.
Рев бунта не похож ни на что другое.
Когда я бодрствовал,
    у меня не было в руках даже лампы.
Когда прощаюсь и ухожу,
    поднимается в небе звезда,
непохожая на все другие.

Шонкхо Гхош

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Все бывшее
травы и камни
ящерицы и змеи
руины храмов
все бывшее
суесловие
изгнание
одинокий закат
все бывшее
разрушение
копья и стрелы
дом и клочок земли
все разом затрепетало перед ликом Запада
и память стала рваной бумагой
брошенной пассажирами на остановке
все бескровное бездомное безногое

все настоящее
шакал
рассвет и полдень
узоры и стены
все настоящее
лозунги
тупики
монументы
все настоящее
колчан со стрелами
фонарные столбы
и красная Ганга
все пребывает в изначальной тьме
там гремит барабан

и Хаура-мост ведет в пустоту
вечность катится под ногами

все преходящее
волосы
дорога
факел
все светлое
звуки рассвета
чистое тело
уход из мира в счастливый час
все мертвое
сегодня
тысячи завтра
и день рождения
все что память держит в руках
уличный нищий сидящий во мраке
ныне и присно камнем о камень
высекает искру ежедневного возрождения.

Шокти Чоттопаддхай

ПАМЯТИ МАНИКА БОНДОПАДДХАЯ

Вечные звезды в небе горят — небесное царство.
Я их увидел
и вдруг догадался
какие лекарства
вас от тяжелой болезни спасли.
Вечные звезды безмолвно играют там далеко от земли.

Они не от мира сего — эти звезды.
А мы земные
с земными страстями
с ненавистью и прочим
мы разберемся сами.
А вечные звезды играют лучами там высоко над нами.
А помнят ли звезды море
где прежде жили
или
и море и грамоту позабыли
или школьный конвейер — ложь
и в ложках у них не еда
а пустая вода?

Или звезда прах — брошенная брошь?
Или звезды в небесной дали
лопатами небо вскопали наподобье земли?
А потом ушли в неизвестность
в неведомую местность
те что жили с нами
а с нашими грехами
с ненавистью и прочим
мы разберемся сами.

Что может быть выше чем звезды над нашими головами!
Всезнающий Орфей чью флейту люди узнали —
это был ты!

По смерти твоей наши цветы
нашу вину покрывая хранятся на крыше поныне — они
твои!

Как близко мы подошли к любви!
Как близко мы подошли к любви!

«Твоя любовь:
не мог ты бросить
даже в собаку
горсть песка»

О смерти твоей в Бенгалии
люди узнали и
утвердилась тревога разом —
сколько амброзии выпил разум
сколько яда отведал разум
но будет жива и далее
идея свободы которую ты принес издалека.
А хватит ли сил и знаний у твоего ученика?

Где ты теперь? Туда
ходят ли поезда?
Можно ли дозвониться?
Каковы там базары и магазины?
А витрины —
столица?

И носят ли там трактирщики набедренные повязки?

Не таков ты чтобы одалживаться у звезд.
Станут ли звуки свирели твоей
в моих руках вдохновеннее?
Милый Орфей.

На этом я завершу о тебе восхваление.

Я СПОКОЙНЫЙ, СЛОВНО СЛОВО МОЛИТВЫ

Пусть плачущий плачет, а я спокоен, словно слово
МОЛИТВЫ.

Я, словно полюс, я недоступен, словно
любовь, обещанная на завтра, я, словно майя,
преследующая

без тени, без смысла,
я — видимость, я — облако над головами,
подумал, что я бесплоден, и тут же излился ливнем,
я — иголка в тряпице, я — узор на дыне,
я, словно словесный пунктир нарождающихся стихов —

пусть плачущий плачет, а я спокоен, словно слово
МОЛИТВЫ.

Я стал стариком возле девушки,
сказавшей: «Сейчас же меня рассмеши!
смех я люблю и солнце люблю,
а близость губ и глаз я больше всего люблю,
любовь я люблю, и зачатъе, и детей»...
Я стал стариком возле девушки этой.

Пусть плачущий плачет, а я спокоен, словно слово
МОЛИТВЫ.

Я — апельсин у постели больного —
думаю об исцелении, думаю о священном
страдании — я, апельсину подобный, возле постели
больного
дежурю, словно встревоженный врач,
подобно врачу, я стал стариком,
возле девушки этой я — врач.

Пусть плачущий плачет, а я спокоен, словно слово
МОЛИТВЫ.

Умолкшая жизнь уснула, укрылась в листве,
как спит улитка, укрывшись в листве,
усталая, словно пиявка, суетливая, бессловесная,
нечего ей говорить, нет у нее ни слова,
ползущая одиноко, плывущая одиноко,
закрывши глаз, ибо не на что ей смотреть, ибо все, что
ей нужно,
в сердце ее бессловесном, словно слово между словами,
спит, напозавшись, словно улитка,
спит, укрывшись в листве, бессловесная, словно улитка,
словно не было слов на устах у нее и в груди,
спит и спит, словно сон —

это главное дело жизни.

Сколько в словах самоомнения!

А в чем его нет? Грязь — и та преисполнена
такой гордыни, что кладут ее в урну с прахом
бережно, как драгоценность.

Столько в словах самоомнения,
что спесь газетная возвышается,
подобно колоннам храма: ее увидев, юный самоубийца,
ничем не смущаясь, упокоил свой разум,
горло руками сдавил, чтобы сразу
уйти и от сомнений освободиться:
прощай, духовный подвиг, прощай, земля — домой!

домой! —

прощай, любимый проулок, прощайте, деревья:
здесь ванная комната мне была единственной в жизни
детской, где были игры, была любовь.

Теперь уже времени нет, кончились игры, любовь
исчезла,
теперь сокровенное исследуется под микроскопом.

Но отчего возвращенье домой — это такая мука, никогда
не понять,

но оттого, что возвращенье домой — это такая мука,
я не спеша,
укрывшись в листве, убиваю себя молчаньем.

Из гордыни явилось одно — это корень
унижения, уничтожения красоты,
подобной рассвету; громовые тучи, словно
выздоровление,

ливневые тучи, только странен ливень —
его иссушает усталый, греховный рассудок.
В листве укрылась лишь раковина улитки,
в ней же материи нет — все живое сгорело.

Я и сам не сержусь на жизнь,
от этого только больнее, и все больше потерь и боли.
Меня мучают небо и воздух, и погребальных костров
дым не зовет, но славит,
и манит запах огненного тленья, дни детства,
юности и Ганга, и чтение мантр, и то лицо
удивительно благочестивого ребенка...
Муки, которые им суждены, исчезли,
муки, которые им суждены... какая гордыня.

Алокеронджон Дашгупто

ПРОВИДЕЦ

На два голоса с двух сторон мы переводим отцу
стихотворенье.

Стар наш отец, мы оба тоже стареем —
все в этом мире преходит, — и толкованье
зависит от опыта жизни,

и каждый из нас понимает стихи по-своему
и переводит, а опыт
нашего отца-провидца

для нас непостижим, и потому
рядом с двумя прорастает — третье стихотворенье.

ТИРЕСИЯ

Он видел в купальне нагую богиню;
был ли он счастлив, кто знает; однако
богиня, его ослепивши,
собою была довольна, но,
слыша плач материнский о сыне,
призвала змею из корзины
и приказала:
«Уста и уши Тиресия ты оближи —
пусть внятен будет ему птичий щебет,
прорицающий волю богов!»

Так, ставши слепым, стал отшельником он,
сам того не желая.

Было еще: на вершине горы он увидел чету
змей в любовных объятьях; они же
тут на него напали,
и палкой
он самку убил, сам же Тиресий
обернулся гетерой
прекраснейшей в мире. Семь лет миновало,
и то же случилось опять: самца он убил,
но, ставши мужчиной,
был проклят.

Еще: всевидящий, был он обязан виду
не подавать, что все видит,
но нарушил — и потому был проклят Тиресий.
Три богини спорили о красоте;
он отдал одной предпочтенье, за это
старуху в обличии Афродиты он получил, и хотя
она принесла ему в дар красоту, — о, волосы,
заплетенные в косу! —
не смог Тиресий принять этот дар —
был он бессилен.

К тому же однажды
поспорили Гера и Зевс:
жене или мужу
приятней объятья любви.
Спросили Тиресия, ибо ему
это было известно.
Конечно, все мы кое-что знаем,
но незнанию нет предела, и что может быть хуже,
чем судьбу свою знать наперед:
что ни скажи, а кому-нибудь будет обида.
Тиресий, помыслив, так рассудил:
«Наслаждение женщины десятикратно,
а мужу — умножьте три на три —
останется лишь единица».
Тут разгневалась Гера,
и Тиресия ослепила, но Зевс был доволен ответом:
всемогущего мужа
наказать не смогла бы жена,
и от ярости Геры пострадал лишь Тиресий.
Справедливо ли это?
Зевс, конечно, не остался в долгу:
дар провиденья дал

и семь жизней ему. Но к чему
знать грядущее нищему,
да и то только в ночь полнолуныя? И зачем
быть отцом, коль ребенка не можешь
прокормить и отдать в ученье.

Я же ему сказал: роль очевидца — прекрасна,
очевидец в гуще событий; в южной Индии и сегодня
видевший свадьбу зменную отмечен проклятьем;

и еще говорится в «Шветашватаре упанишаде»:
ты — мужчина, ты — женщина, ты — молод, ты —
юна, но прогнется под грузом палка:
и вот ты стар, ты стара, вы согбенны, однако
вот синяя птица, юная, о красноглазый, — это ты.

У тебя
выбора нет, ты несвободен.

По завершении представления «Антигоны»
во дворе собора Святого Павла под полотняным
навесом,
так рассказ свой он кончил и, расправив крыла,
произнес заклинанье из «Атхарваведы» — и сгинул
Тиресий.

Нирмал Прабха Бардолои

НЕПОБЕЖДЕННАЯ

Я завтра умру.
Но дайте побыть мне живой сегодня!
О быстротечная речка печали моей,
Хочу, чтоб по-прежнему ты бежала
Сквозь этот густой, сомкнувшийся лес.
Я еще не устала.

ГОРЕСТНОЕ

Я смотрела, как он уходил
Вдоль рисовых пожелтевших полей,
Когда уже солнце плавно спускалось.
Тени заката сплелись на его голове,
А на плечах
Поскрипывали при каждом шаге
Два тяжелых снопа свежесрезанного
Спелого риса.
Он уходил, — а за ним оставалось
Золотое осеннее солнце,
Соломой крытые хижины,
Тропинка песчаная вдоль кустов
И щебет птиц.
Он уходил, — куда уводил его путь?
Кто знает, вернется ли он
В эту жизнь
когда-нибудь?

РАССВЕТ

Разве день врывается
Звуками выстрелов?
Вовсе нет.
Ему проклевывают проход
Возгласы птахи —
Она по кусочкам
Выщипывает темноту ночную,
Не торопясь.

Раджагопал Партасарати

ГОРЬКИЙ ОПЫТ

(Фрагменты)

ИЗГНАНИЕ

1

Ты мужчина, тебе тридцать.
Ну что ж, подведем итоги.
Нет, ничего не случилось.

Но к тридцати муть обычно оседает.
Ты смотришься в зеркало —
и по-моему не в восторге.

Ерунда, покуда
ты не дорос до себя. Успокойся.
Время рисует перспективу: можно еще кое-что понять.

Ты пошевелился — и отражение расплывается.
Опыт, ей-богу, не все:
ты повторяешь собственные ошибки.

Начнем по новой.
Женщина, которую любил, —
ты так и не женился на ней. Все эти годы

ты грелся возле нее.
Ее светящееся тело
служило опорой, даже когда тебя вышвыривало

на отмели, а берег был далеко.
Земля вздымается
от легчайшего касания ее ступней.

Ночь напролет твоя рука дремлет
у нее на левой груди.
Утром, когда она уйдет,

ты будешь одинок, как каменные скамейки
в парке, и шепот ее позабудется
в шумах большого города.

4

Чистейший, пепел древних городов
(взвихренный, охряный по краям,
здесь, на фотографии)

жжет мне подошвы, я возвращаюсь
в город, с которым был в ссоре, —
островок радости, —

в грубые объятия улиц,
к привычному гулу
машин, — ко всему будничному и дорогому.

8

Серое небо давит на глаза:
носильщики, рикши, парикмахеры, уличные торговцы,
гадалки, зеваки — составляют панораму.

Над ними висится мост,
бледный адамант на водах.
Грузные от тени дерева приседают на площади,

когда я прохожу мимо; язык сгибается
под тяжестью слов, которые шепчу — в Джайпур,
в твои объятия. Ты пахнешь джином

и табачным пеплом. Твои груди,
острые от желаний, ранят мне пальцы.
Чувства просят милостыню у слов,

вздрагивая в темных закоулках сознания,
голодные и одинокие. Этим
не пренебречь. Сердце жаждет всего сразу.

Прожитое мало чему меня научило,
и я перекроил себя, чтобы обрести мудрость.
Здесь, на берегу Хугли,

в городе, выстроенном Джобом Чарноком.
Я пронесу этот груз в другой город
в костяной гробнице мозга.

Прах — это все, что остается
от чувственного великолепия юности.
Я завершил круг: мне тридцать.

Я должен наполнить смыслом другую половину.
Я заплатил постыдным даром
невинности за право быть мужчиной.

ИСПЫТАНИЕ

1

Смертный, приветствую смерть
с несказанным облегчением,
зная, как бы вел себя,

если бы меня внезапно изъяли из жизни.
Нет, не цеплялся бы за воздух,
как за последнюю соломинку,

удержался бы от крика —
«Неужели меня уже нет?».
Впрочем, никто не обратил бы внимания.

Любовь моя, у меня нет ключей,
чтобы отомкнуть Его врата.
Ночь надвигается.

Сжимаю твою руку,
радуга, рукопожатье. О мертвых
я говорю только хорошо.

Посмотри на город в мареве зноя.
 Под тяжкими линзами полдня
 быстрее, чем свеча, сгорает

страсть, окуривая глянec наших тел.
 Знойное марево рассеивается.
 Вечер размывает очертания:

камни становятся призрачными.
 В темноте руки и губы —
 неясные следы

прикосновений. Сейчас мы недвижны,
 как глиняные миски,
 которые убрали в шкаф
 до завтра.

Надвигается ночь: я чувствую
 слабость в коленях, думая о тебе,
 Анупамá, богиня Белура.

Медленно мои ладони
 принимают форму твоих грудей,
 изгибаясь под тяжестью двух полушарий.

Твои волосы рушатся в темноту,
 неудержимо собирая
 пространство в узел.

Наши тела очищают дом
 для страсти, которая старше,
 чем камни Конарка.

Стук в дверь:
 ты вошла.
 Тихо разделась перед зеркалом

моих ладоней. Глаза
тяжело опустились на дно,
как внезапно окаменевшая плоть.

Прошлое я задвинул
в угол, ширма —
убогие отрепья на остоле. Твоя грудь

созревает у меня
в руках. Она делает ненужными глаза
своими тугими золотыми параболами.

Ты сегодня — мой праздник.
Сладкую влагу
твоего тела пью полными

пригоршнями, как воду из родника.
Вкус ее вечен, словно
канун Козерога.

Два часа ночи.
Мысли возвращаются к тебе. Включая лампу,
заправляю ручку и сдуваю пыль с прошлого.

Входи же, и будь как дома.
Мне понадобилось тридцать лет
на то, что под силу твоей крохотной руке.

10

Августовский зной
вскипятил звезды.
Ты просила рассказать про созвездия,

меж тем как твоя рука сама была Млечным Путем,
который я мог потрогать, едва коснувшись
песка полудюймовыми

телескопами пальцев. Преодолеть
пустоту человеческой речи. И отпраздновать
ничто: преходящее, тленное, прстое.

В эти дни часто думаю о смерти,
мысль скользит
по тонкому слою льда, — по испарине,
выступающего на лбу.

Меня обвивают
не родные руки, —
спрут прошлого, он замутняет

зеркало моей жизни.
Уснуть невозможно:
глаза закрываются с мольбой о пощаде —

шарниры, на которых держится
хрупкая дверь сознания,
когда говорю смерти: «Ваше здоровье!»

То, что было меж нами, поросло быльем.
Во мне оно еще живо:
привычка к боли — не лечит.

Не я — другой
существует в настоящем. Я лишь
отражение былого.

Улица висит в петле лунного света.
По тяжелым ступеням воздуха
карабкаюсь в сон. Тугой комок

в горле пропитан потом
слов: только их невыразимый
привкус и держит меня.

Мое прошлое — грубый камень,
весь в изъянах. Шлифую
его грани до совершенства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Мой язык — в оковах английского.
Возвращаюсь, спустя тридцать лет, к тебе.
Наконец-то

в объятиях земли дравидов,
жаждущий, неутоленный.
Запинаюсь в растерянности.

Говорить на древнем языке,
извлеченном из глубокого сна «Курала»;
зубы, небо, губы до сих пор чувствуют свежесть
его переливов.
Ныне, отснятый на пленку, ты отступаешь
в бархат коридоров.

4

Прощаться — стало
профессней. Налетевший ноябрь
ударил меня дверью по лицу:

Я рухнул, — теплица,
разбитая вдребезги смертью отца.
На пылающем гхате

восклицательными знаками столпилась родня.
Огонь очищал его бесприютное тело
от последних обрывков семейного сходства.

Отныне мой отец — я сам.
Линии ладони
четко показывают направление его ухода:

мне идти той же дорогой. А следом —
нерожденному сыну, сквозь игольное ушко
забвения.

10

Вечером улица наваливается на дом,
перегруженная транспортом.
Становится тревожно.

Встаю из-за стола, протираю
глаза. Надеваю
очки; ищу себя

в каждом уголке и закоулке
ночи. Мостовая — чуткое ухо шпиона —
слушает мои шаги. Бездомный пес

ошарашивает пустынностью переулка.
Я пожертвовал миром
ради собственного угла. Мне не пристало
жаловаться.

11

Стиснутый чередованием дней,
задыхаюсь.
Солнце без умолку ударяет в колокол:

воздушный шлейф дрожит и переливается.
Беспрерывная свара
со всех сторон. Шумы, шумы.

Автобус выплевывает меня к порогу.
Неловко вхожу: день,
комочек, застрявший в горле.

13

Сегодня стер пыль со стола.
Привел все в порядок
в отчаянной попытке совладать с собой.

Потом следил за тем, как мои сорок лет
легко прибиваются к берегу в стакане пива.
Однако это далеко не конец

в цепи самообманов:
так, я растерял друзей.
Врал,

не моргнув глазом.
Я сжег все бумаги из страха
погибнуть под ними.

По многу дней оставлял нераспечатанными
письма.
Не хочется ничего завершать.
Большую часть дня

я занят выдергиванием седых волос.
В смятении закуриваю сигарету. Иду
за дымом, словно отправляюсь в частную
поездку.

14

Перестаю быть собой, когда вижу,
как вечер заглатывает машины,
превращая их в размытые фары.

Иду домой, усталый,
и лицо мое расплющивается о стекло
ожидания. Тяжело взбираюсь по лестнице,

к себе, только бы переступить коврик
перед дверью. Ключ
спит в ладони.

Боюсь, я опять все испортил.
Приторная высокопарность речи
омерзительна. Мыльный пузырь

поэзии покраснел, в ужасе,
что его снова наполнят воздухом. Взамен
священных текстов
посоветовал бы

простенькую газетенку: там
случайно нахожу ответы на мои молитвы.
Пожалуй, надо продолжать

в том же духе; забыв о дне,
слиться с ночью.
Я вывернул сердце наизнанку.

Придется смириться с тем,
что мне и дальше жить
в тошнотворной смене безвестностей.

Сугата Кумари

ДОЖДЬ

1

Отодвинься немного... Все больше
брызжет с неба дрожащих жемчужин!
И дрожат они, и сверкают
на чудесных кудрях твоих влажных.
Так идем же! Не то промокнешь,
мой любимый, мой стройный лотос.
Что ты ищешь, лицо запрокинув,
взором пристальным в небе мрачном?

Дико в небе взыграла буря,
тучи морем тьмы набегают
и ревут, как раскаты прибоя,
и сквозь их буруны, сверкая,
вкось врезается чистый и яркий
грозовой клинок — и, сломавшись,
гаснет с громом... И все страшнее
туч морские валы громоздятся.

Мы всего лишь как две песчинки,
что глядят на величье природы,
но цветет восторг в нашем сердце,
в наших душах — яркость павлинья,
и как листья, цветы, травинки,
так и наши счастливые души
под дождем в ликующем танце
под единый мотив закружились!..

Но пора нам в дом возвращаться, —
волны бури стихать начинают,
лишь вздымают еще грудь неба

мягких ветров усталые вздохи.
Видишь: туч угрюмые тени
прочь спешат, и храброй малюткой
всходит первая звездочка — смотрит
нам в глаза, блестит, расцветает.

В дом идем — идем поскорее:
мы изрядно под ливнем промокли!
Как красива влажная прядка,
что к виску твоему прилипла,
а в глазах улыбаются звезды,
и румянятся твои щеки,
как окрашенные восходом
и дождем омытое небо.

Жизнь вперед идет... И быть может,
мы не раз еще жарким летом
задыхаться и мучиться будем
среди песков, иссушенных зноем.
Пусть же этот прохладный и яркий,
бурный дождь, что сегодня так дружно,
так чудесно мы пили сердцами,
нашу жажду всегда утоляет.

2

Дождь среди ночи —
он как молодая безумица,
что в полутьме сидит с распущенными волосами,
склонилась — то плачет,
то захохочет,
то всхлипнет
и, прядями, низко свисающими, тряся,
без конца бормочет, бормочет,
не зная, о чем..

Дождь среди ночи —
песня его похожа на тихий плач
несчастной дочери темноты
или на долгий стон в больничной палате:
медленно он скользит ко мне
и вот коснулся меня
ледяными концами пальцев,
просунутых сквозь замкнутую дверь.

Дождь среди ночи —
он как возлюбленный, что тайком приходит,
шепча в темноте слова утешенья...
Но вдруг — стон боли, все затряслось, и режут слова,
и крик — неожиданный плачущий выкрик матери —
швыряет меня, дрожащую, в смрад постели,
заставляет ладонями уши зажать.
И чей-то голос: «Что ж, мыотрежем и удалим
все, что уже разъело болезнью,
но как быть с бедным ее рассудком, таким больным?..»

Дождь среди ночи —
ты был очевидцем счастливой моей любви
в те чудесные прежние полночи,
когда я тихонько смеялась от радости,
а ты надо мною прохладу приятную расстилал
и сны мне дарил — еще удивительней,
чем серебристые сказки луны.

Дождь среди ночи —
сегодня ты очевидец
отчаянья моего: в темноте бессонной
я то мечусь в лихорадке по жаркой постели,
то застываю, подобно замерзшему камню,
и забываю, что надо уснуть, уснуть...

Дождь среди ночи —
тебе я скажу откровенно:
— О, мне отлично знакомы все твои добрые песни,
твое состраданье, подавленное озлобленье,
твое внезапное появление среди ночи,
твои одинокие, безутешные стоны,
а на рассвете — твоя поспешность, твои улыбки,
твои притворно-веселые представленья —
все мне понятно в тебе...
А знаешь ли, почему?
Потому что, мой друг, я такая же, как и ты,
как дождь среди ночи.

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Медлящий свет,
Пыланье пожара на красном небе.
Хотя уже надвигалась тьма,
Но ленивый вечерний час
Словно дремал, уходить домой не желая.

С челом, на которое знак был поставлен
Сандаловой мазью лунного света,
Меж тем, держа цветы и бутоны,
Сумрак спешил спуститься.

Я вспоминаю:
В час вот таких же сумерек,
Когда вся жизнь погружается в тьму,
Сюда мы пришли — вот этим путем,
Тяжело, устало шагая.

Люди, а с ними в громадное стадо
Смешавшийся скот, вьюки и повозки —
Все это пестрым и пыльным потоком
Текло по этой дороге.

Из чутких скважин бамбуковой флейты
В руках одного из крестьян, измученно
К дому тащившихся, грустная песня лилась.

А жгучий ветер,
Летний ветер,
Несущий клубы жары, и пыли, и тьмы,
Бил безжалостно все живое,
И оно отшатывалось, поникало, сохло,
Словно тонуло в скорби.

Вот в такой же вечер
Мы сюда пришли — вот таким же путем,
Мы были сломлены горьким бременем жизни,
Мы не могли найти облегчения
Даже в слезах.

По земле ползущая темнота
Подкрадывалась все ближе и ближе,
А в стороне, на иссохшем лугу, в полумраке
Башня разрушенная дрожала.

Помню, с другой стороны был пустой водоем,
И скелет громадного дерева
Гнулся над ним, скрючась в жестокой агонии,
И черный гриф торчал на черном суку.

Путь перед нами протянут был в бесконечность,
И тяжек был груз на наших плечах,
Измучились ноги, глаза озлобленно тлели,
И в горьком отчаянье мы взирали
В беззвездное небо, — яростные проклятья
Уже подступали к нашим губам.

Ах, что же случилось? Все взоры вдруг устремились
Туда, где у края дороги, будто на страже,
Вздымался громадный скелет колючего дерева
И где сейчас серебрилась весенняя, пышная крона—
Вся в белых цветах!

Словно богиня,
Она разгоралась зарей перед нами,
Яркая в этом узорном, ярком наряде
И ослепляющая чистотой.

И сами собою остановились тяжелые наши ноги,
И сами собою слезы в увядших глазах родились —
Слезы восторга пред этим радостным чудом
И его божественной красотой.

Наземь мы сбросили груз, отягчавший плечи,
И, облегченно вздыхая, молча столпились,
Радостно глядя в глаза цветам белоснежным:
«Могут ли быть цветы такой белизны?»

Белыми, нет, белейшими лепестками
Мягко смеясь, как тысячи нежных глаз,
Они ласкали и освежали нас.

И каждый в тот миг позабыл о тяжелой ноше,
Которую дальше ему предстояло нести,
Забыл о безжалостно длинной, жгучей дороге,
О муках голода и о палящей жаре.
Мы позабыли о днях, ожидавших рожденья,
Завтрашних днях, горьких от мертвых надежд.

И с изумлением, и с восторгом, и с любопытством,
Будто в давно миновавшие детские годы,
Долго на вас мы смотрели, о чудо-цветы,
Покуда ночь не окутала вас темнотою.

Хрипло дыша, мы тащились дальше и дальше,
Все позабыв, друг на друга уже не глядя,
Наши сердца словно мертвым песком забивало.
И словно жгучею гарью слепило глаза.

Хоть и твердила нам память: все миновало,
Хоть и сверлила мысль: больше нет надежды,
Мы несмотря ни на что все дальше шагали,
Цепляясь за плечи тяжко дышавших мгновений.

Ах, до чего же вовремя
Вы расцвели для нас
На той колючей, уродливой, голой кроне,
Белые-белые, яркие в сумерках мрачных,
Вы лишь для нас, о чудо-цветы, расцвели!

И в вас мы смогли увидеть
Всю доброту небес,
Всю бесценность священную наших слез
И даже черты прекрасного в этой брэнной жизни.

На лепестках ваших белых смогли мы увидеть
И чистые росы нашей любви,
И смех наших резвых детей,
И матерей наших старых благословенья.

Так радостно и изумленно, как в нашем детстве,
Стояли мы, глядя на вас, о чудо-цветы,
Пока не скрыла вас темнота ночная.

А что потом? Но какое значенье имеет
Приход темноты, если поздний час наступил?
Потом мы продолжили трудное наше скитанье
С тяжелыми грузами на плечах.
Но в сердце уже не осталось песка и пепла, —
Наши сердца казались ветками в белых цветах,
Ветками в чистых, белых цветах.

Кедарнатх Синх

СОЛНЦЕ

Солнце как соль которой посыпан хлеб.

С солью горбушка черного хлеба кажется мягче
такой хлеб вызывает радость
и снится голодному человеку.

Ни свет ни заря просыпается мальчик
бежит сквозь туман в молочную лавку —
отец любит чай с молоком.

Вскипает молоко в котелке
красноватый отсвет костра ложится на лицо
тяжелые испарения поднимаются
с табачных полей
и отравляют кровь человека.

Убежден
что солнце восходит не с восточного края неба
а выходит как тигр из пещеры
а к вечеру проваливается за горизонт
его засасывает рутинная жизнь
толстого лысого господина
Исчезает солнце в одиноком величье.

Солнце — настоящая пытка
для человека с мотыгой
оно испепеляет
оно как топор
который крестьянин несет на плече
направляясь в джунгли.

Жаль
что хлеб не выпечь на солнце.

Братья и сестры!
Завершается день
так почти минутой молчанья
взлетевшую птицу
стоячую воду
приходящую ночь
почти минутой молчанья
чем обладаем
чего не имеем
и что хотим получить
почти минутой молчанья
апельсиновую корку
скошенные травы
смелые планы
эволюцию жизни
почти минутой молчанья
этот великий век
его идеалы и цели
великие обещания и надежды
почти минутой молчанья
слово «великий».

ЛАДОНЬ

Взял ее ладошку в свою руку
и подумал:
вот таким же красивым и теплым
должен быть мир.

В КАКОЙ СТОРОНЕ ГИМАЛАИ?

В какой стороне Гималаи?
я спросил у мальчишки
запустившего змея,

Вот там! Там! — он показал
на змея, взмывшего в небо.
Я поверил
так я впервые узнал
где Гималаи.

РАЗБИТЫЙ ГРУЗОВИК

Я не видел его после долгих дождей
Он все еще здесь
ошарашенный и разбитый
зарастает травой.

Вижу
как его оплетает молоденький вьюн
подбираясь к рулю
почти припадает к клаксону
листочек
вот-вот грузовик загудит
Но беззвучный и слабый он стоит на отшибе
слышно как идет полным ходом в его теле ремонт
меняют болты и гайки
налаживают трансмиссию
Грузовик
полностью отдает себя
в умелые руки травы
трава озабочена тем
как колеса ему заменить.

Я радуюсь мысли
что завтра к утру он будет в порядке
проснусь и услышу
его внезапный гудок
И грузовик набирая скорость
покатит по дороге в Бакаджан, а может быть
в Тинсукию...

Вечер
грузовик все еще здесь
установился на меня.

И вдруг меня осенит:
не будь его здесь
как узнал бы
что этот дом
этот город
эти люди —
мои?

НИТЬ

Ма грустит обо мне, одиноком,
силится не плакать,
но слезы хлынут с минуты на минуту.
Мне пора уходить,
а Ма об этом — ни слова.

Решено.
Я уйду и забуду про Ма,
забуду ее чашки и плошки,
забуду
белое сари с черной каймой,
какое в целом мире
носит одна лишь Ма.

А потом наступят холода.
Я-то знаю, что с приходом зимы
Ма становится сгорбленной и маленькой,
похожей на свою тень.
Ее думы о пряже —
вечно суровы.
О смерти — безмерно нежны.
О птицах она вовсе не говорит,
хотя во сне
сама бывает похожа на птицу.

Когда совсем устает,
она берет иголку с ниткой.
Я вижу: в доме все спят,
только Ма до глубокой ночи
латает потихоньку время,
словно мою старую рубашку.

Шестьдесят долгих лет
вдела в игольное ушко Ма, —
как ткацкий станок, на котором
медленно-медленно
соткано шестьдесят лет,
грубых, плотных, шершавых
шестьдесят лет.

ПОЭТ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

В этом огромном городе
живет один поэт,
как в колодце живет тишина,
в тишине таятся слова,
в словах — трепетанье крыльев.
Так живет он в огромном городе,
вечный молчальник.

И лишь изредка,
без причины
охваченный беспокойством,
он встает,
выходит из дома,
поднимает с земли мелок
и на чистой стене напротив
выводит букву «у»,
крошечную, незатейливую «у».

Долго гудит весь город.
Что означает «у»,
спросит старушка солдата,
солдат — учителя,
учитель спросит
самого молчаливого ученика в классе.
Что означает «у»,
спрашивает весь город.

И в этом огромном городе
никому не известно,
что всякий раз, когда
поэт поднимает руку
и на чистой стене
рисует букву «у»,
где-то совершается убийство.

Вот вам и вся правда.
Остальные — рифмы,
стили,
поэтические завитушки.
Более о нем я ничего не знаю.
А жаль...

КАМЕНЬ

Ударь, что есть силы, по камню —
станет лишь крепче.
Ударь еще раз, посильнее, —
ему все нипочем.

Поднатужься,
взвали его на плечо.
отнеси в деревню или в город
и оставь на солнцепеке
на самом людном перекрестке.

Скоро сбегутся дети —
то-то им будет радость!

Забери свой камень,
отнеси к реке или к морю,
напиши на нем имя,
милое твоему сердцу,
и смело швырни в воду, —
отныне он — лодка.

Вылови, снова ударь,
оттащи на прежнее место.
Уложи
в фундамент нового дома.
Укрепи им
полуразрушенный мостик.
Пусть послужит изголовьем
утомленному путнику.

Теперь можно и вернуться.
Ты исполнил свой долг.
Не беда,
что болят плечи.
Уверуй в их силу.
Гордись заслуженной болью.

Уверуй
и поспеши
на поиски нового камня!

Кайлаш Ваджпей

ДЕРЕВЬЯ ИЗ ПЛОТИ

Живя среди этих дешевых и праздных людей
которые жуют деньги
и липки как потеки смолы
я думаю
какая боль пришла в голову богу
что он от нечего делать
вырастил деревья из плоти?

ИНФЕКЦИЯ

Женщина сказала
потом женщины сказали
после чего женщины сказали женщинам
чтобы те женщины сказали другим женщинам
А уж эти другие женщины сказали другим женщинам
чтобы в свою очередь другие женщины сказали еще
другим женщинам
что во всем городе с необыкновенной силой
распространяется холера.

СТОЛИЦА

Я живу в этом городе
в нем не пробиться сквозь ряды
безликих ответственных лиц
не продохнуть от смердящих заражающих алчным духом
торгашей

Но я живу в этом городе
это не жизнь а ее поношение.

По Джанпатху круглый год ездят повозки
прогибаясь от тяжести транспарантов
на которых наляпаны пустые обещания
и нарисованы воздушные замки
Мои братья по духу которым все это обрыдло
покончили счета с жизнью.

Далеко-далеко
в крошечной тьме домообразного гнезда
теломоей матери напряглось как лук
моя мать неприкаянно ждет
когда ее стрела опять возвратится
ляжет на тетиву
когда назовут ее лоно
как прежде
«приносящим драгоценность».

Из года в год
облачившись в истлевшие одежды Будды Ницше
Маркса Бхартрихари
Кришны и Киркегора

я брожу по цементным далям столицы
и вижу закрытыми глазами
раздавленных толпой детей
заваленные фонарные столбы
брюхатых раздутых как воздушные шары женщин
разорванные гандистские шапки — белые лодки
повсюду разъезжают автобусы
вижу погребальные и свадебные процессии
море людей
толпу без конца и края
в которой холод молчанье и равнодушие.

Накачавшись виски
женоподобные алкаши распевают песни
из кинофильмов
а там где был погребальный костер Махатмы Ганди—
место любовных свиданий
Из года в год посольства
заплывают город культурой

тонкое покрывало ткача —
воплощение жизни —
еще больше заляпали грязью
Как жернов упала свобода
и расплющила нашу страну.

Шулера́
нет нет...
представители власть имущих
забавляются азартной игрою
играют в «змеи и лестницы»
захватили все ступеньки — некуда сесть.

Любители мертвечины
дыры голода затыкают
камнями истории
и латают штукатуркой планирования
Ежедневно рождается
и ежедневно умирает
внутри этого города
другой разрушенный город —
громогласный грязный и ослабевший
А получившие полную власть
над плодородной землей —
сеятели бессмысленных слов
рифмоплеты
знатоки изящных искусств
версификаторы и чародеи
здесь и сейчас
пожинают свой урожай
для них все едино:
что грязь что черви что лотос
они подобны часам
тикающим в пустоте
и слезы тут бесполезны.

Мне мнится: я одинокий свидетель
этого расширяющегося геноцида
свидетель массовых казней
Мне мнится: я стою на вершине Кутб-минара
над моей головой
кружит дух умерших братьев
а под самым сердцем
всхлипывает загубленное дитя

Минарет увяз
в небе
Но я не могу прыгнуть
потому что моя мать ожидает меня
Я вернусь обязательно вернусь
когда-нибудь я вернусь
к тебе мама!

В ЭТОЙ ИСТОМЛЕННОЙ ЖАЖДОЙ СТРАНЕ

Там где вчера и поныне с великой неохотой
рождаются дети
где подростки не надеясь на завтрашний день
сжигают тетрадки и книги
и облачаются в одежду из пепла
Там где юнцы с перебитым хребтом и ослепшей душой
выбиваются в люди
алчно скупают холодильники радиоприемники
и автомобили
напоследок обзаводятся женами — по сходной цене
там где изможденные руки
желтеют не от халди — растительной краски
а от чахотки
где над колыбелью ребенка
матери поют песни печали
где люди ради куска заплесневелого хлеба
продают свою кровь
где ежеутренне
солнце
пересчитывает новые трупы самоубийц:
на деревьях
на прибрежном песке
на рельсах и насыпях железных дорог
там где пускаешься в путь
навстречу крушенью
где больница —
прибежище смерти
где быть хитровредным —
высшая добродетель
где обман —
всеобщее правило жизни
где в постоянном ходу

двуличие лицемерная лесь
пропаганда интриги
там где слово «истина»
звучит лишь однажды у погребальных костров
где на песке строят дома
и за минуты выращивают урожай на бумаге
где часы идут в соответствии с волей
их владельца
где в родниках и колодцах
вода становится затхлой
где киноартисты
сохраняют культуру
где интеллигенты —
гуляки и выпивохи
где сочиняют законы
идиоты из идиотов
а управляют всеми шуты
В этой выморочной стране
из руин рухнувшего дома
бестелое горло
вещает как рупор:
«Слушайте! Слушайте люди из далеких стран и земель
Мне стыдно... стыдно сказать что я...
что я не кто иной как индеец!»

Кумар Паши

В МИРЕ СНОВИДЕНИЙ

Дремучие джунгли, ручьи, водопады,
Что — с гор низвергаясь — грохочут, хохочут,
Меня ожидают сейчас в нетерпенье
И отзвук шагов моих ловят, как песню.
Когда появлюсь я,
Пусть грозные боги,
Которых сжигает огонь любопытства,
Возникнут из бездны
И смертному милость окажут.
И я, опоенный земною печалью,
Средь джунглей дремучих, вблизи водопадов,
Что — с гор низвергаясь — грохочут, хохочут,
Паду и закончу рассказ мой
О новом — о всесокрушающем — боге.

НИРВАНА

Слился сегодня я с вечным покоем...
Слившись с покоем, я понял:
Кровь необъятной вселенной
Будет отныне пульсировать в венах.

Многие тайны сейчас мне открылись —
Тайны планет и миров бесконечных.
Где-то в глубинах пространства хранится
Повесть о том, как рождался я снова и снова,
И на губах у ветров перелетных
Ныне трепещет душа моей песни.

Слился я с вечным покоем
И растворился в безбрежной печали,

И в моем теле, лишившемся формы, —
В теле, которому нету предела,
Вдруг ощутил я холодную ярость прибоя.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В бескрайних небесах
Затеряно прекрасное былое,
Его мы ищем неустанно,
Но чередой облаков скользят воспоминанья
И тают на глазах.

Я знаю: я пришел оттуда — из бывшего.
Вверху мой саван облачный проплыл...
Со дня предвечности меня запомнила земля,
И я запомнил день рожденья:
Взъярился вдруг безбрежный океан
И вышвырнул меня на берег...

Спустя века ко мне вернулась память.
И я прозрел:
Я был рожден в былые времена.

Зубейр Ризви

АЛИ БИН МУТАКИ ЗАПЛАКАЛ

Сказание старо
И верится едва...
Али бин Мутаки в мечети на мимбаре
С благоговением аяты повторял.
Но в эту пятницу
Был двор мечети пуст.
Молиться не пришли рабы Аллаха.
Впервые
Все правоверные забыли путь в мечеть.
Али бин Мутаки заплакал,
Вложил аяты в бархатный футляр.
Имам с влюбленным сердцем
Сошел с мимбара,
Печально, одиноко огляделся;
Как плесенью туманной дымкой
Подернут был мечети двор.
И вдруг — что это?
На карнизах, куполах
Затрепетали сотни легких крыльев.
Большая стая сизых голубей
Спустилась с высоты во двор мечети.
Расселись птицы на кувшинах
С водой для омовенья.
Имам с влюбленным сердцем
Походкой быстрой на мимбар взбежал,
Раскрыл футляр с аятами святыми.
Впервые
Бассейн мечети,
Заполненный водой для омовенья,
Пуст оказался.
Не было ни места
Свободного в молитвенных рядах.

ВЕЩИЙ СОН О ВОДЕ

Сказание старо
И верится едва...
Был долог путь.
Измученные жаждой,
Куда ни шли они,
Везде встречались
Лишь высохшие русла рек.
Пустынный край.
Нигде ни капли влаги.
Верблюдов к пальмам привязав,
Заснули все
И видят сон:
Остались позади
Пальм бесконечные ряды,
Невдалеке сверкает гладь воды...
Проснувшись разом,
В волнении оглядываться стали,
Затем схватили под уздцы верблюдов
И зашагали вновь...
За горизонт, как прежде.
Ряды деревьев убежали.
От жажды пересохло горло.
Тогда в отчаянье вскричали:
«О ты, пославший вещий сон,
Как смеешь отбирать надежду?!»
Вновь огляделись беспокойно:
Окончились ряды деревьев,
Невдалеке сверкает гладь воды!

О НИЗКОРОСЛЫХ

Сказание старо
И верится едва...
Они все были низкорослы, некрасивы.
Увидев в зеркале себя,
Всегда сердились.
А ведь их предки обладали
Завидным ростом, статью.
Умом, отвагой славились они.
Куда бы ни пошли,

К себе приковывали взоры,
И люди долго вслед глядели им.
Однажды
Низкорослые потомки
Решили наконец поправить дело.
Далеких предков раздобыли гороскопы,
Припомнили старинные преданья,
Отстроили, покрасили дома,
В которых их отцы и деды жили,
С большим умением расставили кругом
Все сохранившиеся вещи
И для народного открыли обозренья.
В просторных галереях
Поставили скульптурные портреты,
В газетах и журналах написали
О подвигах отцов.
И загремела слава предков низкорослых!
Я слышал, что с тех пор
Их больше зеркала не огорчают.
Ведь в блеске славы доблестных отцов
Заметят разве низкорослость сыновей?!

ПРАВЕДНЫЕ СТАРЦЫ

Предание старо
И верится едва...
Они были добры,
Чисты душой и телом;
Султаны целовали их порог,
В молитвах их была такая сила,
Что не услышать их не мог Всевышний.
Все странники, пускаясь в путь,
Свое имущество им оставляли,
Вернувшись, получали всё
В сохранности и целости.
Из дальних мест
Пешком
Им поклониться приходили люди,
Наречь новорожденных,
Благословить просили.
Святыми почитали их.
Нередко к ним слетались птицы
И щебетали свой привет.

Но вот однажды их ученики
В молельне старой старцев погубили.
Сняв с них халаты и чалмы,
Надели на себя.
Поставили надгробья на могилах
И новую построили молельню,
Покойных старцев мудрыми словами
Покрыли стены келий...
Говорят,
Что много лет ученики,
Скрывая правду о молельне старой,
Привлечь пытались к новой всех,
Но люди
Из отдаленных мест не приходили больше
Святой поцеловать порог.

РОМАНТИКИ

Довольно любопытное явление! —
Когда весна
на бубне ветра отбивает ритмы
и, прихватив отряды облаков,
исподтишка, внезапно
врывается в сады, во дворики домов,
то сразу — взор запляшет
и встрепенутся томные желанья,
едва крыло прохлады
коснется тела.
Наши губы
начнут касыды петь
в честь этой благодати,
шептать о страстном зове
благоухающей, хмельной весны...
Но прочны крепостные стены плоти.
Не разорвать придуманные пути.

ОТВЕТ

Я был уверен:
— только начну говорить,
каким мне предстал этот город в объятиях ночи, —
они обступят меня толпой,

с чаем душистым выпадут пьялы из рук,
туманом печали подернутся взоры людей;
пороки, которые прячет город во тьме,
осудят сурово.

Но пьялы не выпали — так и остались в руках;
ни тени печали, ни боли во взорах людей,
ни слова сурового, разящего камнем.

В ответ лишь:

«Какой ты простак!»

Лабхашанкар Тхсикар

* * *

На дороге
Бился голубь с надломленным
Крылом.

На дороге
Содрогалась пустота,
Как женщины бесплодной
Лоно.

На дороге
В капле влаги снова
Множились и зарождались
Жизни.

Светлокожий старец,
Шедший к западу, упал
На дороге.

Бабочка «павлиний глаз»
Смотрит со стены,
Редко смаргивая крыльями.

Первый стих пишу
В начале ночи:
«На дороге...»

Дхумил

ЛЕЖА РЯДОМ С ЖЕНЩИНОЙ

Впервые я осознал:
быть голым — единственное что спасает
от неминуемой слепоты.

Я прочувствовал это лежа рядом с женщиной
мои стихи начинают жить
темнотой грязью и плотью
в то время как оплывшие злоба и свечи
подтвердили свою бесполезность
а призраки оплывших слов возникают как морды
чудовищ.

Чтобы выпасть из времени
мало судорожно сотрясаться телом
лицом повернувшись к кухне
где убожество битых горшков
ночь не станет нашей дорогой
пока внутри нас грубо кромсают арбузы а наши головы
каменеют на мягких подушках.

Лежа рядом с женщиной я наконец-то понял
что дом в котором у порога снимаешь обувь —
тирания мелких удобств
а трава на лужайке — зеленый необузданный страх
Этот страх напитал мои размышленья
и радость вселил что соседи порастеряли зубы
что у них поубавилось резвости в бедрах
что сморщилась кожа как высохший старый горох
что стены выели цвет их прежде лучистых глаз.

Лежа рядом с женщиной (в то мгновенье
— когда
пожарный колокол внезапно прозвенел у пепелища)

я прочувствовал это:
не для меня быть диким и мрачным лесом у самого края
дышащей тяжело трясины — на это идешь когда
опускаются руки
но искушенность спасает
мою обнаженную душу
а я предстаю вот таким перед тем как застегнуться
на все пуговицы до одной.

ПОЭТ 1970

Уши не слушают стихи и тогда
их воспринимают нутром
Люди газель по слогам не поют
воспевает людей газель.

Стихи человека сожрут целиком
для них нет пищи другой
Из плотоядных жадных ртов
крови исходит смрад.

Чтобы самого себя спасти —
идти против себя?
Иного решенья нет? —
я себе задаю вопрос.

Резкий пот сшибает с ног
оглушает сильнее чем грех —
это однорукий трубочист
протирает
мой дымоход
Так что мне делать с ним
перед тем как пустить в стихи? —
я спрашиваю себя.

Из такой поэзии рубашку себе не сошьешь
не сделаешь ничего
Скажите —
что будет когда
тещу-поэзию переселю
из джунглей в городскую толпу?

Ответьте
что станет с поэзией
когда к трепетным крыльям бабочки
прилажу зажженную шутиху —
мою огненногрубую речь?
Вот будет забава!

Когда гнев сбившихся в кучу друзей
обернется
смешным анекдотом
рассказанным между прочим.

Ответьте: рифмовать ли мне
веру с экскрементами
а нос грамматике
затыкать платком?

Ответьте:
что делать в конце концов?
Входя в поэзию
средний класс
снимает свои башмаки
Культурки ему не занимать.

Там же
ненависти перепуганный ноль
как дитя разметался во сне
растолкайте его
он проснется и закричит.

Но ничего не будет
кроме просящего заморенного лица
Это уже не Дхумил
а перепуганный кем-то индус.

У него жена
дети
и дом.

Какая-то часть страны
и в то же время нет ни рожна
(здесь не рифмуются страна и рожна)
остается страх правдивое слово найти.
Я выбираю страх

Льются из вашего рта
медоточивые речи
реки слюны.

Я стерплю
несмотря ни на что.

С корыстолюбием ваших посулов
смирюсь
сделаю все что велите.

Но когда проиграю
сам себя я разрушу в борьбе против вас
чувствуя смрадный дух моего языка
выхаркивая остервенелую злобу.

И напоследок скажу
только это скажу:
я поэт согласен поэт
то есть уродец
в родном языке.

И такой же поганый трус
как штат Уттар Прадеш.

Шахрияр

ВСЛЕД ЗА ТОБОЮ

Довольно бродить по дорогам,
Пустуют дома в городах,
И каждый пустующий дом
Приветливо дверь распахнет.
Иди же, отважный, вперед,
Мы вслед за тобою пойдем.

О НОЧЬ!

Под пологом души
Таится одиночество мое.
О ночь! Хоть намекни,
Что ты жива,
Что неземные существа
Скрываются в твоей тени.
И если я горю в огне,
Омой росой тело мне.

ВРАГ РАВНОВЕСИЯ

Когда — не сгибаясь под шквалом —
Я прочь уйду от провала,
Меня ты клянешь: — Пропади!
Но стоит шагнуть мне к провалу,
Ты молишь меня: — Отойди!

ПРИЗНАНИЕ БЕССИЛИЯ

В ночи из джунглей выскользнули тени —
Зверье походом шло на город.
Но не проснулась сонная земля.
Поля сторожевые присмирели,
Под лапами не плакали растенья,
И город предали поля.
Мы в пустоту беспомощно глядим.
Зачем дано нам зренье,
Когда мы ничего не зрим?

БУДЬ РЯДОМ

Окончилась зеленая тропа,
Пустыня предо мной
Лежит песчаным океаном,
А за барханами — нагроможденье скал.
И страшно мне идти туда —
Навстречу смерти.
О, если б рядом ты была
И за руку меня держала!
Покрылись губы коркой ледяной,
Клубится вдалеке фантомов рой,
И выедает мне глаза соленая роса.
И нет тебя — иссякло волшебство.
С тобой в разлуке, разлучусь с самим собой.
О, если б рядом ты была
И за руку меня держала,
Не кончилась бы вдруг зеленая тропа
И не шагнул бы я навстречу смерти.

ДАЙТЕ ВЫСКАЗАТЬСЯ

Дайте окна распахнуть,
Дайте распахнуть для доброй вести.
Дайте взвесить,
Надо ль птицу-душу отпустить за море,
Дайте поразмыслить, взвесить.
Дайте крови закипеть,

Дайте закипеть в темнице тела.
Тишина за шторой золотой,
Тишина, без края, без предела.
Помолчите, не мешайте —
Дайте высказаться мне.

* * *

Немало на моей дороге вех,
Но столько же, пожалуй, и помех.

Самопознанию зеркалá вредят:
Одно покажет плач, другое — смех.

Порой я ураганом становлюсь,
Бесчинствую, ярюсь, терзая всех.

В дырявом доме я не одинок:
Всегда сочится ветер из прорех.

Я по законам божеским живу,
Но все ж мой путь петляет, как на грех.

Джогоннатх Просад Дас

ПОПРОШАЙКА

С первого дома улицы
до последнего дома —
весь мир его страданий и скорби.
Тень разбитой стены,
канал и бродячий пес...
Весь его мир — мечта счастливого.
Больная рука обмотана тряпкой,
грядущий день —
в алюминиевой коробке,
в открытой консервной банке —
непостижимость судьбы.

Нилочокро закрыт от взора,
вход в Сингходвар заказан ему,
колесят мимо колеса колесниц,
и не будешь сыт одними маштвани,
и не родится бог
из твоего дыханья...

И все-таки он признателен
своему жалкому существованию,
ибо оно — плод благородных дел.
Глоток пищи для него рай,
проснуться живым утром — возрождение,
и новый день — чудо,
и в голодные дни
не напрасно он воссылает молитвы.

Вот он помолится вечером,
остановится машина — и выйдет из нее бог,
вытащит из кармана
кошелек с мелочью
и, начитанный о благородстве,
бросит в оловянную посуду
несколько монет.

Дакшман Бхатъя Комал

ОТРУБЛЕННАЯ РУКА УЛУГБЕКА

Взыскуют руки факельного света
Целующие губы над цветком.
Взгляд ищет в мертвом воздухе ответа...
Под сломанным крестом
Отъятая рука.
Земля рыжа от крови и липка.
Кулак упрямо сжался, как живой,
И между пальцами безумный вой
Сочится в воздух, залитый тоской.
Тщета пробуждена от каменного сна.
Свидетелей тупые визги.
На зеркале пурпуровые брызги,
И мертвая рука отражена.
Наследник в зеркало вперяет взор —
И кат втыкает в каменную кисть топор.

Сирпи Баласубраманьян

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

скоро осень придет к небесам
но пока что пронизаны иглами солнца они

асфальт мостовой
размягчен будто тело больного проказой
вдоль улицы всей
черные шляпки грибов

тени с утра указуют на запад
потом исчезают почти чтобы позже тянуться к востоку

сучьязданий бетонных
без листвы без малейших побегов
а под ними бутылки
из-под пепси и прочих напитков
урожай на лимоны велик

гадатель
пристроился в тень
попугай вынимает билетки но можно и по руке
обессилевший ворон
справляет нужду на лету

словно битва случилась кровавая
алеет ломтями
дынь рассеченных нутро
семена подсыхают
всюду сплошные мухи
сплошные мухи всюду везде

возле тачки расстелив афишу с толстой танцовщицей
Трудяга уселся ей прямо на грудь

весь в поту и в пыли
жестяную коробку открыв хочет поестъ
смотрят со дна коробки как верные очень старые жены
зерна размокшего риса

затаясь под прикрытием киоска
школьник курит впервые в жизни
от страха дрожит
    поспешая
    задравши хвост
    как пушистый цветок тростника
    белка по дереву мчится пугая мальчишку

на многолюдной улице
как рыбак ожидая клонет не клонет
(если точно то улица Метту один дробь девяносто семь)
за оконной рамой
как всегда
скачует местная Мона Лиза

зной кипит
словно масло
в нем трескаются рассыпаются пылью
человеческие существа как горчичные семена
человек на жаре
и она превращает его в нереальность
всюду мелькают
овальные прямоугольные
голубые красноватые
стекла защитных очков

вдалеке
заливается криком голодным
огнеглавец
только что ловким рывком наглотавшись добычи
этот змей называется поезд
исчезая ползет
в червячка превращается
в пятнышко
вовсе в ничто
уходит за горизонт
так полагается

КОМПАНИЯ

танцующий берег
на нем разросся покров тростника
в половодье тьмы
мечется пена
то прибьется к земле
то уходит в просторы

одинокая лодка
душистый пандан похож на распорки
в которые сабли вставляют
предварительно в ножны вложив

как седая прядь среди черных волос
меж веток терновника
прячась но благоухая
распялился томно
длинный пальмовый лист

волна разлетается пылью
снова вздымается темной горой

на прибрежном песке
там, где дремлют рыбацкие сети
головою вертя
сидит одинокая
птица морская

там же и я
одинокий
гребец
приведенный в компанию птице морской и листу
мыслью о море и рыбе

СВЕТОФОР, ДИТЯ ПОЛИЦИИ

грохот
улицы
гибкие как мышцы лица
все бегут все бегут

руки сцепляются
на перекрестках
в самом центре
мигает цветными глазами
светофор
с молчаливым изяществом
говорит одними глазами
радуясь встрече
веселясь
на скрещении уличных рек
потоков машин
ибо все интересно ему

потоки машин замерев
ждут чтоб он
подмигнул
тилак бывает красным
тилак бывает желтым
тилак бывает зеленым
их регулярно меняет на лбу
дитя полиции
украшеньям нужна перемена
дорогою дальней спешат
идеалисты
а сейчас
поневоле
мгновение отдыха
замирает политика
в дебрях автомобилей
на улице схожей с ущельем в горах
от короткого взгляда
меняется скорость
но пока что стоят как живые картины
ждут удивительной речи
странного бога
трех слов
трех заклинаний исполненных смысла

**СТОИ
ПРИГОТОВЬСЯ
ВПЕРЕД**

ГРИБ

все еще поднимается
все еще поднимается
дьявольский
гриб

крупницы пепла Хиросимы
впиваются в мирный дождь
над морями крови людской
над клокастой прическою скорби
ветер ядом питая
отравляя смертельными иглами воду

все еще поднимается
все еще поднимается
дьявольский
гриб

земля в кандалах радиации
расщепленный мир порождает проблему

предательские ножи негодяев
в сердце земли моей вонзены
с улыбкой чудовищной мир убиваем
при помощи демона дьявольской жертвы

все еще поднимается
все еще поднимается
дьявольский
гриб

Остались одни опаленные горы
остались вскипевшие реки
солнце всходит лишь по привычке
планеты смеются: земля — лепрозорий
все живое растоптано и сожжено
ничего не осталось гремит барабан погребальный

все еще поднимается
все еще поднимается
дьявольский
гриб

помогите волшебники! глупцы чье оружие огонь
в свадебной лампе грозят погасить фитилек
прежде чем до безумья от гнева дойдем
прежде чем наши дети
станут рождаться калеками
прежде чем юные травы
покроются ядовитой росой
прежде чем вымя священной коровы
станет дарить неизбежную смерть:
во дворе зеленой земли где блистают бутоны
цветов
слуги атомной смерти нарисуют черный узор.

пусть не возрастет никогда
пусть не возрастет никогда
новый
дьявольский гриб

ЗАЛ БАРА В ЛУННОМ ОСВЕЩЕНИИ

красноватые пальцы сумрака
в них золотая
монета
изящная
стеклянная
чаша
до края полна
белым
вином

мелочь разменная звезды
сверкают
на черном столе

Шив Кумар Баталви

ГАЗЕЛЬ

Я привык сокрушаться и ночью и днем,
находить утешение, плача тайком.

Хорошо, что мою ты отвергла любовь,
и не надо мне печься о счастье моем.

Я бы умер, да только накладно друзьям
хоронить бедолагу с пустым кошельком.

Не давайте мне, люди, дыханья взаймы:
я свой долг уплатить не сумею потом.

Не лечите недуг, что снедает меня.
Я умру обесчещенный — и поделом.

СУДЬБА

Как случиться такое могло,
что за тайна у песен моих?
В доме песен — крошечная тьма,
а на улице — солнечный свет.

У меня в этом городе нет
ни друзей, ни врагов — никого,
но в любом переулке поют —
ну не чудо ли? — песни мои.

Люди мне говорят, у тебя
в каждой песне есть свой аромат.

Ах, не чувствуют, видно, они,
сколько горечи в песнях моих.

Сколько мук испытал я, не счесть,
сколько слез я пролил. И всегда
песни были со мной, их судьба
и мою судьбою была.

Вместе мы — я и песни мои —
коротали, бывало, без сна
ночь за ночью, до самой зари.
И была у нас общая боль.

Пригласило на праздничный пир
солнце песни мои, но они
подавились лучами: для них
свет и радость, похоже, во вред.

Мне — и песням моим заодно —
уготован печальный конец:
на носилках бок о бок возлечь
и в последний отправиться путь.

ТЕНЬ МОЯ ТАЕТ

Черное солнце над головой,
тает тень моя в свете дня.
Как заблудшего сына — мать,
ожидает могила меня.

Словно песок раскаленный — жизнь,
жар, иссушающий все вокруг.
Жизнь — одинокое деревцо,
сгибающееся под ветром мук.

Ветер мук все сильней и сильней.
Пышет жар все сильней от огня.
Как заблудшего сына — мать,
ожидает могила меня.

Будет ли долгой разлуке конец?
Сохнут чури и хлеб на столе.

Ты далеко-далеко. Без тебя
радости нет никакой на земле.

Каркает бед моих воронье,
Будто скоро меня хороня.
Как заблудшего сына — мать,
ожидает могила меня.

Люди слушали песни мои,
полные — им непонятной — тоской.
Многие целовали меня,
даже не зная, кто я такой.

Это и сам от себя я таю.
Ожидает могила меня.
Черное солнце над головой.
Тает тень моя в свете дня.

ГАЗЕЛЬ

В сердце моем одиноком тоска.
Я — разлученная с песней строка,

хижина, бурей снесенная, — я,
куча обломков под грудой песка,

лампа, которую ветер задул,
слово, сорвавшееся с языка.

Смерть всем мученьям положит конец,
в том и спасенье, что жизнь коротка.

Смотришь — и будто не видишь меня:
сгинул бесследно во мраке зрачка.

Жалко глядеть на себя самого:
видно, и вправду кончина близка.

Шив ошибался, сказав, что любовь,
если в ней горечи много, сладка.

ГАЗЕЛЬ

Я влюбился в твой город,
и любовь стала болью.
И в тебе, как в мечети,
сердце ищет спасенье.

Эти улочки съели
мои лучшие годы.
О мой друг, почему бы
не любить мне твой город?

Кто воистину любит,
тем заветные тайны
по ночам открывает
бессердечный твой город.

Не приблизился к счастью
ни на шаг я, однако.
Но колючку под сердце
он вонзил мне, твой город.

Кто меня после смерти
саваном удостоит?
Нет, меня не посмеет
одурачить твой город.

Если с аукциона
продадут мои мощи,
все долги с меня все же
вряд ли взыщет твой город.

ЗАЧЕМ ТЫ СПРАШИВАЕШЬ, ФАКИР?

Ты зачем о бездомных спросил, о факир,
о ручьях, навсегда отлученных от рек,
о несчастных, как слезы скатившихся в мир,
о влюбленных, чье сердце сгорело дотла?

В одиночку картины любви создают,
и для них каждый сам подбирает цвета.

Но, увы, в магазинах теперь продают,
нет, не краски, а груды готовых картин.

Предлагают и сотни, и тысячи тел;
душу там не ищи, все равно не найдешь.
И каждой судьбе предрекан предел —
на скрещении линий ладони твоей.

Не угодны судьбе ни порывы, ни пыл,
и валяются замыслы наши в пыли,
и никто из истока любви не испил,
и отвергли прекрасные женщины нас.

Не дыша, люди песне внимают моей,
а потом обзывают меня, как хотят:
Я Каабой назвал мою боль, о злодей,
мою боль, нечестивец, я Богом назвал.

Слышал я мудрецов и не раз, и не пять
и при людях с горячностью им возражал:
я любовь, лишь ее, продолжал восхвалять,
свою дерзость оправдывал болью моей.

Ты, кичась, называешь себя мудрецом,
я — влюбленный бродяга, и больше никто.
Пусть рассудят нас люди, раскинут умом
и решат, кто из нас в самом деле — святой.

НОЧЬ ПЕЧАЛИ

Ночь печали! Как песня моя,
ты долга. Жду, измученный, я —
но никак не кончаешься ты,
не кончается песня моя.

Прячу тайну мою от людей
глубоко — не притронуться к ней,
не зальет ее дождь проливной,
не иссушит ее суховей.

Не горел я в огне до сих пор,
не пылал на ветру до сих пор,

но — о диво! — от вздохов своих
жарко вспыхиваю, как костер.

Эти раны любви — всё горят.
Нет лекарства от них, говорят.
Зажимаешь ладонью — болят,
и повязку наложишь — болят.

Если белая ночь — ночь луны,
чьи же ночи тогда так черны?
Звезд не скроет луна, хоть ярка.
Так и звезды не скроют луны.

ДАЙ МНЕ ПЕСНЮ ВЗАИМЫ

О Господи, дай мне взаймы
хотя бы еще полпесни,
моему угасающему огню
дай хотя бы пол-уголька,
Смолоду я сполна
всяческих мук натерпелся,
мольба у меня одна —
ниспошли мне терпенья!

Господи, дай мне песню,
прекрасную, словно рассвет,
весь в золоте, в дымке сквозистой,
в озерной воде повторенный,
Господи, дай мне песню,
прекрасную, словно звезда
над наготою пустыни.

И в пустыне моей вечерет,
ниспошли же и мне ползвезды,
ниспошли рассвет,
повторенный в озерной воде.

Этот день я провел без друзей,
но без песни и дня не прожить.
Кто не знает, как жизнь коротка.
Масло сякнет — и гаснет светильник.

В ткань судьбы вплетены
нити боли и муки.

Сколько газелей толпятся
у водопоя.
Господи, хоть полглотка
чистой воды
ниспошли.
Или хоть песню былую
верни.

О Господи! Как восхищаться
глазами без слез,
очагом без огня?
Песня без боли не песня.
Без благоуханья
с ветки сорви строку,
или прекрасную, словно рассвет,
песню, о Господи, дай мне взаймы.

Боли маленькой жизни
осели в костях у меня.
Еще одну боль напоследок —
боль одиночества дай!

МОЛЬБА

Свет, который ты унесла,
Еще вчера был со мной.
Дом, который ты не спасла,
Нынче окутан тьмой.

Солнечный лучик смеялся, с ним
Вместе смеялись мы.
Я, одинокой печалью томим,
Твой свет считаю своим.

Я его одинокий отец,
Лишенный твоих лучей.
В гибели света — гибель сердец;
Чей я теперь? — Ничей.

Солнце мое унесли, когда
Всех ярче светило оно.
Холодная в небе зажглась звезда,
Но от нее темно.

Я, от луча отлученный, молю,
Я, превратившийся в тень:
— Частичку света отдайте мою,
Верните мой светлый день!

Грешный, имени даже лишен,
Имя теперь мне — мрак,
Солнцем не буду я воскрешен, —
Погасший пустой маяк.

Солнце, светило — небесный царь,
Владыка светлого дня!
Твой свет вернулся к тебе, как встарь, —
Мой свет — ушел от меня.

Свет, который ты унесла, —
Он был только тобой.
Дом, в котором нету тепла,
Стал, видно, моей судьбой.

СОБЕСЕДНИК

Каждую ночь, покуда заря
Не начинается гореть,
Я провожу, свой обряд творя, —
Чтоб солнцем тебя согреть.

Тихо вокруг, пустынно вокруг, —
Разве листва шелестит.
Первой утренней песни звук
Солнцу навстречу летит.

Солнце заходит за поворот.
Стоя на ветерке,
Я встречаю его у ворот,
Мы вместе идем к реке.

Купаемся, вот уже надо домой;
На скамейке под деревом ним
Солнце прошу посидеть со мной, —
И мы беседуем с ним.

Солнцу пора уже за косогор,
Но оно не спешит пока.
О тени твоей ведем разговор,
И слушают нас облака.

Но только вспомню тебя опять,
Тоска закипает в груди.
Я солнце за шею хочу обнять,
Говорю ему: «Не уходи!»

Но солнце все же идет по делам,
И я один остаюсь.
Привыкнув с тобой все делить пополам,
Я тени своей — боюсь.

Вернулось солнце, его отвожу,
Туда, где ты жила.
Не от прохлады вечерней дрожу:
Нет в доме моем тепла.

Солнце берется меня утешать,
Да кто же поможет мне!
Я прошу его помолчать,
И мы стоим в тишине.

Потом дорогой знакомой бредем,
К могиле подходим твоей.
Я да солнце, — лишь мы вдвоем.
Становится чуть темней.

Вечером, после краткой заминки,
Светило уходит ко дну.
И я один справляю поминки
По минувшему дню.

Анируда Брахмабхатт

О СОЛНЦЕ!

Солнце, явись!
Пусть в сонной крови
Отзовется звонкое ржанье коней твоих семерых.

Полночь устала стоять на страже,
Но и усталая — мир сторожит.
Машет совиными крыльями боль,
Ухая глухо:
«Ночь-прочь, ночь-прочь, ночь-прочь!»

Солнце, явись!
Веки мои тяжелы,
Словно сомкнутые уста лотосного цветка, —
Но где отдохнуть пчеле, тяжкой от меда?
Мне снятся тысячи солнц.

Явись,
Все сложу к твоим стопам:
Дыхание белых лотосов,
Серебро лунного света,
Свежесть рассветную,
Победное шипенье змеи, живущей в моем саду.
Мерцанье созвездий:
Отрешенный,
Бесплотный,
Словно достигший самадхи,
Я очутился
У подножья какой-то горы незнакомой.
Солнце, факелов я не хочу!
Протяни руку —
Отзовется каждый мой волосок,
Улыбка волной пробежит по телу.

Твои лучи даруют покой.
Излейся на землю,
Принеси известья иных миров,
Явись, пресветлейшее!
Солнце, явись!

МОЖЕТ БЫТЬ

Глаза,
Не теряйте живого огня,
Может быть, солнце зажжет в вас новое пламя.

Уши,
Пребудьте отверсты —
Может быть, доведется услышать вам песню неведомой
птицы.

Нос,
Чутко ветер вдыхай,
Может быть, доведется изведать неведомый аромат.

Ноги, ступайте твердо:
Может быть, к незнакомому другу приводит эта тропа.

Пальцы,
Слушайте, не упустите
Миг, когда вас пронзит трепетное прикосанье.

Голос,
Мелодию чище веди:
Может быть, слово мое песнью однажды станет.

ОДИН ВОПРОС

Заметив волнение в моей душе,
Ты жаждешь ринуться туда,
Но я не море.

Решила, что я достиг вершин,
И тоже хочешь добраться до них —
Но я не гора.

Твой корабль
Держит курс на меня —
Но я не гавань.

Хочешь утишить свою
Жгучую боль,
Но разве я — лекарство?

Хочешь погреться,
Но я —
Не солнечный берег.

Ждешь впечатлений
Новых —
Разве похож я на джунгли?

Задам лишь один вопрос:
Неужели
Ты видишь во мне
Только
Море, гору, гавань,
Лекарство, берег, джунгли?

СОЛНЦЕ

Солнце взошло;
Играя, превратилось в море.
Потом с улыбкой
Вплелось в косу девы лесной.

Притворилось ветром, слетело с цветка,
Зазвучало
В песне проснувшейся птицы.

Качнулось на ветке,
Прикинувшись гнездом.

Закатилось
В желтые совиные глаза,

Но его достали оттуда
И вложили поэту во взор.

Наконец, обернувшись луной,
Склонилось над ложем новобрачных.

РАССКАЗ О ХУДОЖНИКАХ

Некий скульптор
Однажды,
Мучим творческой жаждой,
Девушку-статую высек из камня:
Была она так хороша,
Что скульптор влюбился в творенье свое.

Другой
Ваятель,
Увидев живую девушку,
Решил оставить
Образ ее на века:
Задача была высока;
Девушка стала камнем —
Окаменевшей мечтой!

В СТИЛЕ ХОККУ

Плачешь от радости,
Плачешь от горя —
Слезы-то все равно соленые.

Светильник погас:
Темно.
Но за окном-то — луна!

Пыльная тропка.
Откуда здесь забор?
Ах, да это лиана-колючка!

Кругом вода,
Водопады сплошные.
Но птице анал — для чего они?

НОЧЬ НАПРОЛЕТ

Ночь напролет

За окном моим цвел париджат.
О, как сказочно цвел париджат,
Будто на озере благоуханном
Из журавлиных голосов он ткал ковры!
Это цвел париджат!

Расцветает лотос, смеясь, цветет,

На его лепестках

Играют блики луны.

В нем примчалась к подножию мрака

Незнакомая музыка —

С лунным светом она неразлучна,

Но тайны свои открывает цветок!

Нет, о, нет, ведь расцвел

париджат!

Я не сплю до утра,

О, я не сплю до утра,

Только веки слегка опущу — и не сплю до утра!

Я рыданий сдержать не могу,

Слезы капают из глаз...

Слезы счастья мое увлажнили лицо!

Это — цвел париджат!

Двери распахнуты —

Медлить к чему?

На пороге заря,

Играют лучи —

Значит, кончилась ночь?

О, не надо —

За окном моим цвел париджат!

Ночь напролет —

Но и нежное утро — благоуханно!

Ситаканта Мохопатро

ШУТ

Плевать ему
На дважды два.
Кратчайшее расстояние между двумя точками есть
Острота.

Ему больно
От смеха, смешно от боли,
Бабочку
Он обзывает тигром —
И наоборот.

Его головной убор изготовлен по специальному заказу.
Он называется дурацкий колпак.
Ширина у него на брюках
Сзади.
С башмаков удалены подметки.
Лицо размалевано
Под оплеванное.

Ударные волны смеха,
Одна за другой,
Сотрясают и рушат и без того шаткие
Устои его души;
Иглоукалыванием остроумия
Ищет болевые точки в своей и без того израненной
Плоти;
Лепестки губ постоянно трепещут.
Мастер высмеивать семейные воспоминания.
Маэстро — осквернитель всего святого.
Неутомимый пародист троицы.
Шутит по любому поводу.

Без повода шутит еще забористей.
Любое событие становится его шуткой.
Любая его шутка становится событием.
Миллионы солнц подключены к его краснобайству,
Миллионы солнц, в холоде вселенной
Давно слипшиеся в один ледяной комок.

Проверяльщик на зуб не только золота,
Не худо бы тебе почистить зубы.
Первопроходец, всепролаз, чувствилище,
Гноилище и вместилище всех пороков!

А, тебе уже все равно,
На западе или на востоке восходит солнце?
Ты ищешь росу на песке
И человеческий след на камне?
Ты все забыл...

Я прощаю тебя, отец, ибо ты все забыл.
Все, кроме судороги двух слов, спаренных в остроте,
Все, кроме хохота, на который даже не ждешь ответа.
Я прощаю тебя, отец, я прощаю тебе
Твой исполинский парик и твою сатанинскую маску.

ЛЕС

Глубоко задумался лес.
Никого, ничего...
На темной постели
Влюбленный ветер
Грустит о солнце.

Сердце тоскует... Пришел бы кто...
Постоял бы минутку —
и шел бы своей дорогой,
во мне пустота...

Без единого слова,
без улыбки в глазах и на губах,
раненная печалью,
придет темнота.

День и ночь
в завываньях муссона
болит одинокое сердце...
Безграничье, безлюдье.

Лес беспокоен.
Отчаянье плещется
в волнах водопада.

В битых горшках,
в птичьих трелях,
в гуще лесов
темные призывные вечерние разговоры.

Ты — простосердечная чаща,
безгрешна твоя алчба.
В каждой капле моей крови
слышно твое незамысловатое
бормотание.
О ночь, ты алчба
растревоженного леса.

О бессловесная чаща,
раздвигаются недра —
и в темном густом завыванье,
во чреве матери
деревья и травы...

Темное беспамятство машет рукой...
Кровоточит разбитое сердце...
Девственный лес молчит,
сжимая в лапах ветвей
твою память...

ПТИЦА

В синем небе —
точка,
плывущая вдаль;
солнце томит глаза;
я возвращаюсь домой
в тени облака.

А потом иногда слабый намек на образ, движение,
колыхание пустоты — невозмутимо-синей,
крылья трепещут, потом лежат неподвижно и снова
трепещут,

ялик макает и макает весла
в нарисованное озеро.

В другие времена
точка, линия, вектор — все меняется.
Тело — грудa костей и мяса.
Громоздящаяся жизнь
украшает его тяжелыми драгоценностями,
повсюду наугад размазывает краски
и смотрит на меня в упор,
точно клоун из уголка клетки.

Я раздражен.
И все же как изумительно,
когда в ушах эхо небесной музыки,
светильники Дивали в русле моей крови,
цвета Холи в жизненном семени,
в темной пещере сознания...
Но там, где святая святых сокровенной
бессознательности, —
божественные, высшие силы ничего не стоят.

Однажды в году праздник моего разума сокрушает
город в половодье песни
дерево мое зацветает навстречу весеннему зову,
крик ли это моей бесплотной души?
трепет солнца в моей грязи и тине?

* * *

В иные времена все другое исчезает:
скорость и тело,
песня весел-крыльев...
Забудутся богатства глаз,
пропадут глаза и нос клоуна,
пропадет голос жильца клетки.

И вот после всех потерь
почему сознание чертит эскизы
на песочно-желтой бумаге сердца?
Кто наигрывает свою мелодию
на флейте моих костей?

И говорит:
«В сиянье небес —
точка,
плывущая вдаль,
а может быть, тень
в пустынных морях смерти.

Что ты тогда усвоил,
если не понял, зачем птица в небе,
куда она держит путь, к чьему дому
и как далеко, к чьей клетке
она все приближается, распластав крылья?
И почему она поет в клетке из мяса
и костей,
болтает с детьми в книжках с картинками —
и все смотрит, смотрит на вас,
будто одураченный простофиля?»

Кешав (Танаджи) Мешрам

РОЛЬ

Я не кроткий слушатель боле;
Я исчерпал себя в этой роли.
Солнце скрывается за домами —
Тени вытянулись под ногами.
Коровы жуют уже еле-еле,
И сузились глазок блестящих щели.
Я все себе уяснил, и ныне я говорю:

То дело, которое я творю,
Расщепили вашей отваги стрелы.
Напрасно разума древо в цвету шумело.
Сарказма крепкий настой
В моих венах бежит рекой.
На вашем тюрбане, так говорю вам я,
Есть складочка и моего бытия.
Вы смеетесь над брэнностью мира, а сами
Продолжаете быть льстецами.
Вы, как шуты, затвердили слова,
Отказываясь от своего существа.
В каждом дружестве зреет измена.
Я этой лояльности знаю цену.
Но я не из ряда шутов бессловесных боле —
Я исчерпал себя в этой роли.

В НАШЕМ ПОСЕЛКЕ

В нашем поселке
Почтальона обманывают
Учения путаются
Цивилизация спотыкается

Солнце — и то помрачается
Наши жилища
Как следы копыт на грязи
И в центре всего душа
Согласная плыть по течению

Наш поселок —
Шумное пенное разгульное море
ЧЕРНЫХ ТЕЛ и ЧЕРНЫХ ВОЛОС
Которые пропадают в рутине традиций
Тонут в грязи

Народ поселка
Таскает на спинах тюки хлопка
Их руки грубы но слабы
И поддельная лазурь на запястьях
Их дети от зноя в испарине
А у тех кто работает на грузовиках
Вспухли вены и полуслепы глаза

Поселок
Хлещет пальмовое вино
Глотает в жару наперченное мясо
Плавающее в пряном горячем соусе
И все-таки после полного рабочего дня
он обсуждает при мягком свете свечи
каким будет грядущий день
Наш поселок напряженно слушает шаги
почтальона

А почтальон —
Он просто не может
Разобрать имя и адрес
Нацарапанные лиловатым
Слюнявым химическим карандашом
Почтальон никак не разыщет
Рану Нарайяна
Окруженный голыми проводниками
Стеная как от невыносимой боли
Мечется он в поисках
Рану Нарайяна
Он шастает по грязи по болотам
Потая в тяжеловесной форме
Поиск наконец завершен

«Бабушка Рану скончалась»
Поселок набрасывается на весть
Словно орел на добычу

В нашем поселке
Реформы проваливаются
На дорогах выбоины и в чертежах ошибки
Теперь ведь учатся одни мальчишки
Они пишут стихи и рассказы
Топорики острых слов
Обрушиваются на деревья традиций
Жаркие случайные градины
Реальных событий
Падают с неба на мечты литературы
Опять бегодня по кругу
Полиция — почта
Тьма кипит поглощая Солнце
Почтальона у нас и теперь обманывают

Кеки Н. Дарувалла

МЕХАР АЛИ, СТРАЖ МЕРТВЕЦОВ

В год Огненной Змеи —
так гласит пророчество —
молния разрубит облака,
точно огромные куски мяса,
и падает кровавый дождь,
и сойдет на землю богиня
с пылающими волосами,
развеваемыми ветром,
чтобы укрыть всех мертвых
мантией вечной мглы.

Мы — на кладбище древних моголов.
После долгого пути через горы,
через осени и ледники
они нашли этот уголок —
и упали на землю, обессиленные,
с отмороженными до колен ногами.

Выжило из них двое. Это они
вырубили в известняке катакомбы и
взяли в жены девушек бхоти; это их дети
чахли здесь поколение за поколением,
точно дыни в заброшенном саду.
Ныне из них остался
один Мехар Али, страж мертвецов —
с лицом морщинистым, как кора,
со взором, точно подернутым тиной.
Он угасает, как искорка в горсти пепла.

Речь его скрипит монотонно,
как тележка на каменистой тропе:
«В этой гробнице лежит

наш баркандаз, охотник.
Здесь лежат двое выживших,
здесь — их тибетские жены».
Под сводами замигал огонек спички:
«Вот на свете миниатюра — взгляните,
на лица видны морщины,
тонкие, как трещины на кости,
а ведь лица меньше спичечной головки:
фигурки они писали растительной краской,
а лица — маслом (оно трескается),
чтобы показать, как потрескались
их лица от холодного ветра в горах».
Дамы из Калифорнии оживились:
«Охотник? На кого же он охотился?»
«Мистер Мехар Али, вы
не родственник Чингисхана?»
«Кругом одни ламы, и вдруг —
мусульманское кладбище. Чудеса!»
«А это ваше пророчество — вы
и вправду ждете богиню?»
Он не отвечает...
Говорят, что в прошлом году
он улыбнулся однажды —
когда принял расцветший куст
за ребенка
и благословил его.

Но когда с гор прилетают ветры,
осыпая гробницы колючим дождем,
а в небе сверкают молнии —
в душе у Мехара Али рождаются слова,
они вырываются наружу,
как пчела из улья:
ты беседуешь со своими мертвецами,
Мехар Али, и твои глаза
ощупывают туман, складку за складкой,
ожидая небесную гостью
в ореоле пылающих волос,
которые озарят твою морщинистую
серую кожу, твою последнюю оболочку —
о Мехар Али, страж мертвецов!

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ СНОВИДЕНИИ

Наша дочь возвращается к своей новой родине, как мы ежедневно возвращаемся к богу в молитве, смиряясь и примиряясь. Если они и ссорятся, то не зло и не надолго. На свадьбу мы не припасли ей ни жемчуга, ни аметистов, и она не корила нас за это. Красота — вот ее богатство.

Когда меня спрашивают о детях, я отвечаю: «У меня дочь, гордость зенаны», — «А сына нет?» — спрашивают. — «Нет, — отвечаю, — нет и не было. А если и есть, то он мне не сын!» — Слыша это, мать всегда кричит: «Боже, боже!», бежит к себе и принимается рыдать, как если бы я уколол ее колючкой.

А все из-за того сна, который приснился ей в день его пятнадцатилетия. Она видела пар над купальней и сына, читающего Коран.

Я твердил ей, что снам не следует верить. Но она повторяла: он будет ученым, будет первым имамом в мечети! Он первым из всех будет возносить молитву после заклятия омов в праздник Жертвоприношений!

Нет, женщин нужно держать в зенане, как перепелок в клетке! Зачем я ее слушал? — «Хочу быть летчиком!» — повторял нам сын на дню раз по двадцать. А мы заставляли его зубрить арабский, пока он не озверел, как цепной пес. Летчика из него не вышло, и он стал автослесарем. А однажды к нам явился полицейский: «Ваш сын угнал дюжину мотороллеров!»

Я взял денег и помчался к гадальщику.
Он выслушал меня и спросил:
«Ваш сын, вероятно,
общается с блудницами
и творит мерзкое пред очами Господа?»
В ужасе я ответил: «Нет, слава Аллаху!
Он всего лишь ворует мотороллеры!»

«Вам повезло, — сказал он, — я думал,
будет хуже. Баня снится к мерзости.
В бане обнажается срам; ангелы
избегают их, как дьявол — мечети.
А чтение Корана в бане
означает злоумышленное попрание
священного писания! Да, —
покачал он головой, — могло быть и хуже».

Сны — точно змеи с раздвоенным жалом,
поджидающие нас во тьме
между сном и явью.
Старику Рушду — знаете, да? — однажды
приснилось, что он мочится в михрабе.
Он проснулся в страхе, но ему объяснили:
«У тебя родится сын,
он станет великим ученым!»
А моей жене привиделись бани и Коран,
и гадальщик сказал тут же:
«Значит, ваш сын общается с блудницами!..»

Рагхувир Чоудхури

РЕКА

Сквозь пространства,
Открывающиеся за моим отражением
В зеркале,
Снова струится река
По имени Сабармати.

Мрачно
И вольно
Течет она сквозь мой сон.

И вдруг исчезает,
Изогнувшись,
Под мостом,
Пойманная в ловушку
Утренними туманами.
Шум ее давно знакомого течения
Теряется
В пробуждающихся
Звуках,
Слышимых
Всюду.

То
Возносится она
К небесам,
Древним, как город,
И растворяется в них;
То снова

Ниспадает
К подножию гор,
Запечатленных в моей памяти.

Наверное,
В прежние времена
Воды
Нередко
Стекали с подножий
Гор
Прямо туда,
Где сложена стена,
Подпирающая мой дом.
И еще.
Когда
Я открываю дверь
И выхожу,
Воды
Отступают.

Отражение реки,
Переплескиваясь,
Бежит к другому краю зеркала —
Отражение, проникшее сюда
Через оставленное открытым
Окно.
А дальше — оно устремляется
К водопадам.
Да, все время к водопадам.
До сих пор помню
Их двойной образ,
Колеблемый
В зеркале.
Да,
Я помню,
И еще
Я слышу
Шелест высыхающих
Водопадов.

Верю,
Что половодье
Разольется снова;
А пока

Утром
Из-за стены
Или
Ночью
Из-за полуоткрытых век
Я вижу высыхающую
Реку,
Имя ее — Сабармати.

Сауриндро Барик

ПОЭЗИЯ ИЛИ МОЛЧАНИЕ

Как недвижимый полюс,
мой господин на кровати.
У него в глазах нет неба,
у него в глазах
тьнь безвестного мира.
А надо мною высокое небо,
как заржавленное железо.
С веранды смотрю я на господина.
Всю жизнь я таскал его на спине,
весь мир я с ним обошел.
Я чувствую тепло его тела
в моем теле,
я чувствую себя в кольце времени.
Господин глядит на меня,
словно зовет к себе.
Посадить бы его к себе на спину,
потаскать немного —
нам обоим было бы хорошо,
но ни у одного из нас нет сил.
Кто сделал нас неподвижными?
Один перестал двигаться —
и другой перестал.
Вот он смотрит на меня, мой господин.
Взгляд его неподвижен,
словно остановленное колесо.
В пустом доме пустые глаза жаждут
что-то произнести,
желтая книга в его руках
золотее опавших листьев.

Так вот, королевская птица!
Всю жизнь просидел он на моей спине,
а я слагал стихи на ходу, на бегу.
Никто не читал их, никто не слушал.
Даже та, кому я их посвящал,
даже тот, про кого они...

Неграмотный поэт. Неподвижный больной.
Ни жизнь — ни смерть.

Мира

ПИСЬМА

Сплю,
приходишь, я крепко тебя обнимаю,
как гирлянду жасмина,
кладу на постель и сажусь
подле тебя.

И тогда
кто-то в дверь мне стучится внезапно:
в смятение глаза протираю,
сладкий сон мой развеялся —
гнев или приступ стыда?
Ты уходишь — куда?
Удержать тебя тщетно пытаюсь,
с поражением очередным, безнадежно борясь,
примиряюсь.

За окном ты проходишь —
и стоит туда мне взглянуть,
предо мною не ты,
а тобою отмеренный путь,
предо мною не ты,
а моя безысходная жуть.

Ты приходишь во сне —
и уходишь,
едва он пройдет?
Или грезить придется
и эту мне ночь напролет?
Наяву иль во сне ты приходишь ко мне,
наяву иль во сне?

ты приходишь ко мне, ты приходишь ко мне,
ты приходишь ко мне.

Так не мешкай с решеньем,
Не уподобляйся тому,
Кто, на праздник собравшись,
В своем остается дому,
Кто приходит на станцию
В час,
Когда поезд ушел,
Кто больному
Лекарство
Принес,
Когда тот отошел.
Так не мешкай,
Не трать на насмешки пустые
Минут.

И желанья мои,
что, как травы встают и растут,
не спеши выдирать.

И надежды мои не круши:
ведь восходят они
урожаем ума и души.

Сны и строки мои,
как ненужные письма,
не рви.
Ведь гласят о любви, ведь гласят о любви,
ведь гласят о любви.

По дороге к тебе
Разожжен погребальный костер.

Я иду,
Я спешу,
К твоим окнам стремится мой взор.

Но не хочешь же ты,
Чтоб добрался я
Лишь до костра?
Чтоб меня там сожгли?
Мне признание услышать пора!

Если с лотосом
лик твой сравню,
ты мне скажешь,
что это
обычная ложь.

Если лоб
я сравню с полумесяцем,
в том же меня упрекнешь.

Если губы
с плодами сравню,
надо мною смеяться начнешь.

Так я,
что ни начни,
окажусь для тебя нехорош.
Это ложь...
Это лесть...
Это лесть или лестная ложь...

Но не надо же так!
Ничего не добьешься —
Лишь сердце мое разобьешь!
Но не надо...
Не надо...
Добьешься
того,
что
добьешь...

Я прошу о немногом:
Решенье свое объяви.

Даже замуж не надо —
Достаточно мне и любви.

И любви мне не надо —
Довольно одной доброты.
Доброты и заботы под солнцем твоей красоты.

Доброта — это слишком?
Тогда хоть не возненавидь.
Не унизь хоть меня,
Хоть презреньем своим не обидь!
Ну,
А эту-то малость
Готова ты мне подарить —

или все же прогонишь?

Дилип Читре

ГЛАЗА ПРОРОКА

В глазах пророка
искорка света.
Глаза пророка
узки и остры,
не видят или не замечают пятен
на собственном лунги.
Речь его мудра, безыскусна,
голос — блаженно-властный.
Когда пророки вещают,
собаки не пикнут.
Только машут хвостами
собаки, как некоторые журналисты.
И слюною исходят,
которой обильны бывают
статьи в газетах.
Пророк, идущий по улице через толпу, —
заметен. Раскалывается
толпа, как арбуз.

Но порой лунный свет гаснет:
короткое замыкание и
сеть выходит из строя. Космос
булькает и кипит,
как забытый на плитке чайник.
Чахнет искорка света,
и пророк умолкает,
опасливо озираясь.

Железная лестница
вьюном поднимается в небо.
Архитектура космоса
так близко доступна впервые.

Раваджи Патель

УРАГАН

После купания
Ароматами пастбищ зеленых
Я осушил свое тело.

Как только я свистнул,
Прыгнули
В окно ко мне
Буйволицы,
Несущие на рогах
Золотое утреннее солнце.

От шкур
Впрыгнувших
Буйволов
Веет свежестью
Озерных рыб.
А в глазах
Скачущих
Коз
Качаются
Каменистые обочины,
Заброшенные дороги,
Пустынные луга, перо павлина —
И все это заполняет меня.
В доме — ураган.

Шаз Тамкант

КРУГ

Ресницы — веера, глаза — две яркие свечи.
Течет дыханье с губ — серебряной волне под стать.
Омыв медовый рот, слова играют, как ручьи.
Округлость фраз ее — серебряной луне под стать.
Хрустальный стройный стан вбирает и струит лучи,
Блестит ее наряд — серебряной броне под стать.
И каждый волосок — как шепоток любви в ночи.
И вся она звенит — серебряной струне под стать.

ТОВАР

Здесь — на базаре — камни продают,
А я стекляшками торгую.

Я и богат и небогат,
Мой клад: улыбка, грустный взгляд,
Узор морщин на лбу,
Благочестивость, ум
И жар души.
О нет, я не корю судьбу —
Порою может стать нектаром яд.
Мне любо ремесло мое,
Как нищему тот простенький напев,
Что обеспечивает ужин.
Я ран своих не выставлю напоказ
И бережно храню товар.

БОДРСТВУЮЩИЙ НОЧЬЮ

Темная полночь, ветра разгул и шакалий вой.
Если б ты руки простер надо мной,
Я б до рассвета горел свечой.

Где ты, пресветлый, дарующий свет?
Солнце меня не греет и не ласкает луна,
Лишь светлячками дорога освещена.

Мрак изначальный, круглогодичная ночь,
Сумрак, идущий за каждой душой по пятам,
Ждут, чтоб пронзил их твой жгучий взор.

Скоро ль придешь ты? Вера едва жива.
В сон погрузился приверженец бдений ночных —
Умер до появления божества.

РАНЕННЫЕ ОКНА

И полночь вновь и беспокойства приступ.
Печалью опоен, вот-вот умру.
Заполнил нишу сердца дым слоистый —
Не от свечи ль, оплывшей на пиру?

Переживу ль я время третьей стражи?
Что небеса предсказывают мне,
Роняя пасмы белой лунной пряжи?
Таится что в домашней тишине?
Какая пытка пробудиться ночью,
Перебирая сновидений ключья!

А ночь тиха. Шушукаются звезды.
Деревья замерзают во дворе.
И почему-то набегают слезы,
И так трепещет вся душа моя,
Как будто бы Коран читаю я.

Пожухлый плющ свисает со стены,
Светильники пророков загорелись,
Светильники цветов теряют прелесть,

И облетающие лепестки
Кладут на землю пестрые мазки.
Листва, что некогда была зеленой,
Фантазией любви неутоленной
В гирлянды красные превращена.
А мне напоминает кровь она...
В плену ночных кошмаров постоянных,
Я солнца жду, а между тем луна
Кровавит пол узором пятен странных.

Я знаю, ночь уже обречена,
Ее пугает утра новизна.
Когда — последний круг во тьме пройдя —
Луна кусочком золотого снега
Растает где-то на просторах неба,
Прольется свет подобием дождя,
И острый луч пронзит дверные стекла
И зазвенит в израненном окне,
Освобожденье возвещая мне.

Сомдатт

ВСЕ ЛЮДИ

Через своего малыша
ты узнал всех детей земли
Через болезнь своего малыша
ты узнал болезни людей
Через радостный крик своего малыша
ты узнал как счастлив мир
Через своего малыша свою мать и своих друзей
через свою любовь и своих врагов
ты узнал мы узнали белый свет и людей.

ДОМ

Стыдно дому
Не по себе и отцу — стыдно за дом
Крыша течет
в жару под ней не укрыться —
тьень от дерева больше и гуще.

Спят домочадцы
Дом словно мать беззвучно хлопочет
кажется — поправляет одеяло на детях
Но приглядитесь:
нет одеял на спящих вповалку
обессиленных с голодухи.

Сон их сморил
но
дом никак не заснет
Жалко ему голодных детей.

Дом потихоньку ветшает
Когда были совсем молодыми хозяин с хозяйкой
что-то в них надломилось
Не потому ли еще в моем детстве
подгнили опоры дома?

Ганга Прасад Вимал

СМЫСЛ

Пока еще ничем не пожертвовали
требуется наша кровь
в качестве платы за жизнь
В мире брутальности и себялюбия
единственное что остается —
преуспеть в идеологии
Железнодорожные платформы забиты людьми —
происходит демонстрация телодвижений
Хочешь быть душой нараспашку —
наглухо затвори двери
перекрой дороги
забейся
в нору
И тогда слова потеряют всякий смысл
не важно какой наклеен на тебя ярлык
ты социальный поэт или нет
зияет неприкрытая правда —
это похотливая жажда жизни
привилегированный класс
лелеет мечту
сугубо личную —
бежать!
Как старая пословица время
нас пеленает
Безопасность — это смерть
она парализует наши мозги
и нет сил подумать о новых границах
Безразлично что это — декларации или стихи
или примитивная вера
один смысл у жизни —
оплатить ее кровью
как говорят по-книжному
Ведь в глаголах «брать» и «не давать»
заклучен положительный смысл.

Чандрашекхар Патил

ГАНДИ И СОБАКА

Почитая законы,
Как я ни смешон,
Предпочитаю не лезть на рожон —
Соблюдаю правила уличного движения.

Но как-то, без предупреждения,
На меня с лаем бросился пес.
Ступив на мостовую, охваченный ужасом,
Я еле ноги унес, — очнулся

И обрел второе рождение.
С Ганди случилось нечто подобное
В Южной Африке.

Пес одумался
И возвратился к хозяину,
Пристыженный.
Я, обиженный,
Продолжил свой путь
По пешеходной дорожке.

Но теперь, встречая
Злобный взгляд
Человека ли, зверя, —
Всех подряд, —
Ощущаю себя Махатмой.

КОГДА-ТО В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА...

Когда-то, в давние времена, —
Кто теперь помнит о них, —
Было бескрайним небо
И земля не знала границ.

И любое слово, произнесенное вслух, возглас, крик
Становились песнями, но вокруг
Не было ни души, — кто же слушал их?
Ты мог идти на восток, на запад, на север, на юг, —
И дорогой были твои следы,
Но откуда было путникам взяться другим?

Но вот тебе заткнули рот,
И ноги сковали цепями.
Попробуй пальцем пошевелинуть, —
Оковы останутся, ну и пусть, —
Но ты зажжешь
Млечный Путь.

Постарайся исторгнуть хотя бы звук,
Гримасой мучительной рот кругля, —
Торжественным хором
Вслед за тобой запоет Земля.

Нагнамуни

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДЬ

1

Ложь — утверждать, что жизнь обман и морок.
Воронам — с крыш домов и с проводов,
Воронам — с тел порубленных бойцов,
Воронам — из помойки, с груды корок, —
Вот им кричать бы про обман и морок.

Ложь — утверждать, что в мире есть добро.
Лишь тигры, в шкуру вырядясь овечью,
Обманывают нас такую речью
И рады нам распотрошить нутро.

Ложь — утверждать, как делают поэты,
Что счастье — человеческий удел.
Любой из них сойтья бы хотел,
Но их подруги тени и скелеты.

Не в Гималаи —
К людям поспеши,
Чтоб совершить посильный труд души.

И не семью разрушь,
А себялюбье.

Не «ом»,
А крик —
В груди, в последней глубини.

Ложь — утверждать,
Что мир идет вперед.

Ложь — утверждать,
Что человек растет.

Ведь в этом мире, в бесконечных стонах
На горькую погибель обреченных,

Есть истина неложная одна —
Ей смерть цена
И смерть она.

Есть истина — но мертвеца мертвее.
Есть истина — но в вечной нищете.
Есть истина (вы ищете не те)
Единственная, всех других ценнее, —
То наша кровь.
Мир меркнет перед нею.

Жизнь — плуг.
Морщинам борозды сродни.
Нам обещают урожай они,
А пахарю — голодное бессилье.
Не свет в очах —
Лишь слезы в них застыли.

Летит к луне и к звездам
Звездолет.
А в нем комар с издевкою поет.
Ложь — утверждать,
Что мир идет вперед.

2

Поэзия — могильщица, слова
Бумаге предающая навеки.

Рифмованная речь всегда мертва:
Не чувства, а уроды и калеки.

Поэт — убийца дум своих и строк
И букв неутомимый пожиратель.

А подлинный поэт — он одинок,
Сомнением охваченный создатель.

Все члены в человеке вопиют,
Потворствуя его животной сути, —
И этот вопль до самой смерти лют.

И все планеты во вселенской смуте
На Землю навалились, чей маршрут
Лишь памятью остался о маршруте.

Что остается?
То, что нас убьют, —
Без капли крови, но в крошечной жути.

3

А песня у меня всего одна.
Ей жизнь цена и жизнь величина.
Одна кишка моя, одна струна
Звенит, не зная отдыха и сна.
Так музыкой становится она,
Я обойду весь мир —
Ведь тишина
Для слуха, для вниманья создана.

4

Каждый крестьянин из здешних мест,
Каждый пахарь с одной упряжкой,
Кажется мне,
Совершает тяжкий
Труд Иисусов.
Несет свой крест.

Речь
Об убийстве
Вести я буду.

Знал Иисус
Своего Иуду.

Нашего,
Общего — не позабуду.

Что за бесплотная тварь — календарь!
В горле Пса-времени костью торчит он.
Ящеркой мертвой на стенке висит он.
Цифры цедит он все те же, что встарь.
Цифры, но каждая — как приговор.
Цифры, но каждая — как подсудимый,
Жалко лепечет бессмысленный вздор.
Нынче, случайным числом одержимый,
Я отмечаю: ноябрь, 19...
В календаре никогда не дознаться
Бед и побед —
И недели лежат
В скучных покоях больничных палат.
Белой бумагою крик их зажат,
Белая кровь растеклась по постели —
Что это?
Месяцы, годы, недели?
Вникните в кровь — и расслышите стон
Дней наступающих и прошлых времен:
Времени глаз на крючке у субботы
Бился, моргал — и затих отчего-то.

Искажены
Речи
Или верны —
Истина есть слепота сатаны.

Свет на закате —
И снова рассвет:
В мире добра неизменного нет.

5

Женевские дипломаты намереваются
Разоружаться.
Жрецы и прелаты собираются поклоняться
Многоразличным богам и впредь.
Привычной молитвой живет мечеть.
Приличной похлебкой потчуют нищих.
Духам Зла подобает петь
Гимны священные
На всей Земли пепелищах.

Голубя кошка в конце концов съест.
Голода милостыня не оборет
И не умерит великий Крест.

Муки голода переспорит
Только битком набитый живот.
О том, что бессмертие пуля прервет,
Знает лишь палец, курок спустивший.
Знает убийцу один поэт —
И обманщик, — на суд пригласивший
Время, — должно быть, за давностью лет.

Цивилизация очутилась
В точке начальной. Одевшись сперва,
В кабаках она заголилась,
Обнажив простоту естества,
Голода однозначность. — Голод
Всех, кто стар и покуда молод,
Голод и жажда всю жизнь напролет. —
Нас на дороге такой трясет,
Все мы от жизни бежим — куда же?
Гонимся — но за каким миражом?
Вживе бежим.
Умирая даже,
Все же бежим от руки с ножом.

Словно единственное орудье
Смерти — обыкновенный нож.
Но и ножа нам не нужно, люди,
Чтобы разрушить земную ложь,
Чтобы разрушить земное тело,
Ружья и подвиги не нужны,
Чтобы жизнь, как в аду, сгорела,
Чтоб оказались века сметены,
Хватит того,
Чтобы вдруг солонь
Все животворные воды земные
Стали, зажав нас в тиски ледяные,
Чтобы разверзлись глубины земли
(Это случится, увы, не впервые)
И наши кости навек погребли.

С птичьего ль наземь посмотришь полета,
Из комфортабельного самолета,

В скважину ли газетной строки;
Если согласишься печально и честно,
Зрелище будет одно повсеместно —
Зрелище невыразимой тоски.
Но и оно нам едва ль интересно:
Трупы таинственно
Невелики.

Знал Иисус
Своего Иуду.
Речь об убийстве
Вести не буду,
Не возложу я вину на природу.

Здесь когда-то деревня была,
И воскуряла дымы небосводу,
И ликовала, смеялась, цвела,
Приумножая труды год от года,
И, как труды, неуклонно росла.
Листья благие кругом зеленели.
Птицы, плоды поедая тайком,
Счастливо, громко, в открытую пели.

Нива манила поспевшим зерном,
В пляску пойдя от избытка веселья.

Время бесстыдно. История зла.
Да и Творенье само...

Нет числа
В мире богатствам, что созданы нами.
Нами — крестьянами и бедняками.
Смерть ожидает нас иль кабала?
Место — нам всем — уготовано в яме.

6

Собравшегося в дальний путь Сиддхартху
Лишь до границы лошадь довезла.
Он бросил все, доверившись азарту,
Он бросил все, в чем истина была, —
Свой дом, семью, детей, — и пуповину,
Связующую с прошлым, он рассек,

И в жизнь вступил с разбегу, как в пучину.
...А лошадь возвратилась в должный срок —
И в Нагарджуна Конда остается
И, плача, там стоит.
...А человек,
Как был безумцем,
Так и остается.

7

Что ж — лошадь?
Символ скорости и силы,
Уверенности, крепкого кормила.
Но лошадь деревянная,
Увы, —
Знак тупости, упрямства и застоя,
Знак власти, быть бессильной таковою,
И верный признак: все давно мертвы.

Живая лошадь, —
Чем все в мире плоше, —
Тем горше плачет.
А другая лошадь —
Из дерева —
Все ржет она да ржет,
Бесстыдно рада слишком малой ноше.
Железными подковами она
Земли не тронет. Сердцем деревянным
Не различает лица, имена.
Она тяжелым скачет истуканом
По нашим спинам —
Стонет вся страна,
И хуже всех приходится крестьянам.
А закричишь —
Затопчет, сатана.
Лишь деревянной лошадию сильна
Земная власть,
Да деревянной саблей...
Кумиры попирают племена.

8

Знал Иисус
Своего Иуду.
Знаю — и никогда не забуду:

Помню деревни по берегам,
Помню лачуги и здесь и там,
Помню корзины у входа в лачугу,
Помню в корзинах свернувшихся змей,
Помню, что яд у них — не друг для друга,—
Он для кормильцев у них, для людей, —
Не называя убийцу покуда,
Помню его, никогда не забуду.

Спишь — и в глаза тебя жалят сны.
Пошевелинулся — и жалят пчелы.
Все пред политикой мы равны,
Всем смертоносны ее уколы,
Все мы ею поражены.
Разве что Маркс разгадал причины
В мире творящейся чертовщины.

Статуей собственной став, Роден
Не убирает локтя с колен;
Он подпирает скулу рукою,
Думою одержим роковою.

Или едины душа и тело?
Или едины слова и дело?
Или едины любовь и горе?
Или едины земля и море?

9

Люди и ночи...
Ночные речи...
Всечеловечье ночей наречье...
В полночь
На стрелку стрелка нашла.
В полночь нашли друг друга тела.
В полночь — и спящим — щекочут кожу
Новые сны незнакомой дрожью.
В полночь садится на ложе весна,
Словно на ветку, —
И в небо взмывает,
Песней ночью, как птица, пьяна, —
Молодость песня сердцам возвращает.
В полночь деревья пускаются в рост.
В полночь цветы на ветвях расцветают

Россыпью благоухающих звезд,
В полночь срывают их,
В косы вплетают.
В полночь и с неба летят лепестки —
С веток светлейших всемирного древа.
В полночь и вздохи полны не тоски,
А еле слышного чудо-напева.

Нищая хижина или дворец
Или — где нет фонаря — мостовая...
Встреча двоих.
Состязанья сердец...
Это неправда, я знаю, я знаю...

Правда — отчаянье.
Правда — спешит
С криком о помощи ночью на площадь...

Знает о том деревянная лошадь.
Знает доподлинно.
Только — молчок.
Знает о том океанский поток.
Знает — и трупы в пучине полощет.

Пресной напившись речною водой,
Сытой змеей заворочалось море —
И обернулось великой бедой,
С суши — и с жизнью на суше — повздоря;
Тьмы покрывало набросив на твердь
И заготовив жгуты водяные,
Чтобы сдавить или выи земные,
Море несло разрушение и смерть.
Гнало из глуби своей разъяренной
С хохотом диким
Громады валов,
Чтоб напоить, превратив в мертвецов,
Толпы народа
Водою соленой.

Схлынули волны —
Остались тела.
Тел бездыханных гора выросла.

Но выше солнца,
Которое вал наводнения
В глухо шипящей и ядом напитанной пене
Лопнуть заставил убогим куриным яйцом,
Чтобы растечься по миру уже не желтком, а белком,
Выше луны,
В блеске молний сгоревшей тогда же
И превратившейся в уголь и черную сажу,
Выше созвездий, разметанных в небе, как рис
(Небо само, как тарелка, предательски рухнуло вниз,
Чтобы собаки и свиньи, уткнувшись в тарелку носами,
Жрали с нее то, что было живыми телами),
Выше любых откровений и веры любой,
Землю подернувших сетью своей вековой,
Выше безумного плача
И выше безумного смеха,
Выше смертей
И смертей сатанинского эха, —
Было молчание...
Было огромней Земли.
Было огромней лучей, что во тьме изошли.
Было огромнее скорости.
Было огромнее звука.
Было огромно молчание,
Словно вселенская мука.
Было молчание.

10

Море, а помнишь,
Как ты мне курчавой собачкой ласкалось к ногам?
Море, а помнишь,
Как пятки босые лизало?
В детстве я думал:
Как тяжело живется волнам.
Думал тебя приручить —
Приласкать, как меня приласкало.

Был я готов
С морем слиться и сжиться.вполне.
Хищных клыков
Разглядеть не сумел я в волне.
В шуме ветров
Не слышал, как скрежещет клинок.

Сирот и вдов
Я не слушал, слышать не мог.

Но в страшный миг,
Когда буря взлетела в зенит,
В тот страшный миг,
Когда грохнул небес динамит,
В тот страшный миг,
Когда сгнули солнце с луной,
В тот страшный миг,
Когда мир помрачился земной,
В тот страшный миг,
Когда всплыли вокруг мертвяки,
В тот страшный миг,
Когда канули все бедняки,
Нищие все,
Перехожие все,
Все подряд,
В тот страшный миг,
Когда наземь низринулся ад,
Птицы упали,
Дубы повалились за ними,
Мир оглашая стенаньями тщетно своими;
Дети грудные,
Ручонками голову сжав, —
В тот страшный миг,
Когда нож наводненья был ржав, —
Люди и звери и птицы не в силах укрыться,
Трупами стали —
Свидетели и очевидцы
Самонадеянной спеси высоких властей,
Взавшихся и обещавших служить им защитой.
Да ведь отмщенья не жди от бесчисленных костей.
И на убийцу в суде не покажет убитый.

11

Что из того,
Что вновь кто-то кого-то убьет?
Бог родился.
Человек непременно умрет.
Правит судьба.
Умираем мы все в свой черед.

Что из того,
Что вновь кто-то кого-то убьет?
Море убьет?
Деревянная лошадь убьет?
Что из того,
Если все это будет не в счет?
Хватит политиков,
Чтобы измучить народ.
Хватит стервятников,
Чтоб истребить и приплод.
Хватит чиновников,
Чтобы не кончился гнет.
Хватит тревожиться!
Детские трупы — не в счет!
Лишь если кто-нибудь
Из всемогущих уйдет,
Знамя страны
К изголовью гроба падет.
А если в пыль
За мгновенье всего лишь сотрет
Всех, прозябавших в пыли, —
Знамя кистью и то не встряхнет:
С новой спесью
Полотнище в небо взовьет,
А над народом
Никто и слезы не прольет.
Время не вскрикнет.
История скажет:
Не в счет.

Слава Творцу!
От живущего правды не жди.
А мертвецу
Рот заткнули земные вожди.
Нам не к лицу
Знать о том, что нас ждет впереди.
Дело к концу:
Бог и мир умирают в груди.

Снова когда-нибудь плугом
По здешней земле проведут.
И черепа

Друг за другом
Из почвы оскалятся тут.
Смотрим с испугом...
Никто не зовет нас на суд...

Люди рождаются —
А им уготован обман.
Люди плодятся —
А им уготован обман.
Как догадаться,
Что нам уготован обман?
В небо стучаться?
Но там уготован обман.

Смерть повсеместна
Неостановима она.
Нам неизвестно,
В какие грядет времена.
В тупости вечной
И в страхе пред жизнью живем.
Мы бессердечны,
Нас тьма обступила кругом.
Чтоб победить ее,
Сделаем мир неживым.
Чтоб истребить ее,
В пластик весь мир обрядим.
Зерна из пластика
Щедро зароним в поля.
Жатвою пластика
Щедро ответит земля.
Кукол наделаем,
Выстроим кукольный дом.
Куклы из пластика
Мирно рассадим кругом.
Пища из пластика
Будет намного вкуснее —
И деревянную
Лошадь
Себе же на шею
Дружно посадим
И все залюбуемся ею.

Знал Иисус
Своего Иуду.
Знаю,
Вовеки теперь не забуду:
Мое равнодушие —
Всему виной.
Ни к чему наши шашни с Луной,
Аэро- и ракетодромы,
Политическая возня,
Государственные хоромы
И мышиная беготня.
Ни к чему нам пары бензина.
Ни к чему нам и сам прогресс.
Я уйду в перевозданный лес —
В перевозванный, в еще невинный.
Жизнь, как мертвую, схороню
В безнадежности окаянной
И, ликуя,
Предам огню
Тело лошади деревянной.

Новых истин,
Иных надежд
Я открою тогда запасы —
И нашу
Золотых одежд
Для потерянной
Нашей расы.

ДИПОК МИСРО

ТЕНЬ В ПОЛДЕНЬ

Хоть солнце и жгло нещадно,
мне надлежало взойти на трон.
Тот день назначен был для охоты
в ближайших джунглях.

Над головой — золотой зонтик,
Множество слуг по бокам,
а девушки впереди — со щеками словно гранаты:
жар приближающейся охоты
сжигал их самообладание.

Куда я в эту жару?
Какая тень от золотого зонтика?
Зачем под светом зари так страстно мечтает мое подобье
об оленухе?

Так ли хочется оленухе быть пойманной
зимой или весной, в час возбуждения?
Или какая-нибудь попадетса
на белом ковре лепестков?

Пусть даже она не знает цены своей шубе
и мускусным ароматом своего лона, —
но зачем ей золотой зонтик?
император под ним?
министры, придворные, царство Божьего солнца?
Как все это меркнет в сверканье ее взгляда.

Я велел одному слуге, верному и глупому,
прочь убрать королевские одежды
и золотой зонтик унести в кладовую,
а другим я приказал подобрать опавшие цветы,
а потом убить каждого,

чья голубая кровь могла бы смыть горе
девушек, сопутствовавших им от рождения, —
так утомленные странники, бредущие в дальние земли,
смывают усталость в водах потока...

И я повелел окутать мой трон шелковыми шарфами —
какими девушки украшают волосы,
и с глаз людских повелел я сорвать повязки —
да будет для всех солнечное царство свободы,
пусть затененные уголки их жилищ пестреют цветами.
И оленуха откроет свои непостижимые очи.

В этот волшебный миг я отрекся от моих родовых прав,
от дара Карны; должны взглянуть широко
эти глаза, так долго тяготившиеся ненавистью.
Хотел бы взгляд мой, как и моя душа, преисполниться
совершенной любви,
стать как взгляд оленухи, убежищем беспокойных умов.

Чей-то призыв отогнал мой полуденный сон,
и он, как брошенное перо, отлетел в небо,
я нашел на моей циновке несколько цветков,
сорванных ветром с деревьев ближнего сада,

обгоревших на сковороде солнца.
И над моей головой — шерстяное панно с оленьей парой
(жена выткала его перед нашей свадьбой),
и кажется, что слезы капаят из глаз оленухи.

Солнце повсюду вокруг; полдень;
сон придет и уйдет —
кто может объяснить место своего пребывания?

Я лишь смутно сознаю,
что на земле (или, по крайней мере, у себя дома)
я некогда существовал —
всегда с одного расстояния
приплывают ко мне необычайные звуки.
Может быть, шуршит под ногами сухая листва ближнего
дерева

или в соседнем пруду
крякают две утки.

Полдень вокруг меня, полдень —
и ничего больше, кажется, рис поджаривается прямо
в метелках...
Но объясни, кто приставил к моему лицу
ощетинившуюся бороду,
как у императора Калигулы — сумасшедшего и мертвеца.

ДВЕ СТОРКИ ПАННО

Один
проиграет войну
другой
потеряет любовь
когда созданный для побед
проигрывает
приходится
смириться с неожиданным
когда-то нужно
терпеть поражение

на одной половинке
ты видишь
бабочку
или шмеля
они не хотят
прикасаются к цветам
упавшим на землю

будь камини
будь гонгосиули
будь розой

шмель раздражает тебя
гудя в стволе
но сколько в твоих глазах
огня!

а вот другая створка
другой мотив
его невозможно забыть

раненая бабочка
погибающий шмель

**в благоуханных
опавших лепестках**

**цветам безразлично
живой или мертвый твой взгляд
победил ты или проиграл
только мысль
приходит в падении:
один проигрывает на земле
другой на ветру
на корабле
в волнах...
к чему
раскрываться до конца?**

Хареш Вашвани

ИНТРОДУКЦИЯ К ПЕЧАЛИ И СЧАСТЬЮ

Скорпионьей душой обладает Печаль,
И проворна она, как паук.
Сразу в тысячу мест уязвляет печаль —
Эти язвы не вылечишь вдруг.

А у Счастья душа как павлинье крыло,
Чуден танец его колдовской,
Но, ты знаешь, у бабочки вянет крыло,
Если чуть прикоснуться рукой.

ОНИ ВОССТАЛИ ПРОТИВ СВОЕГО БАСТАРДСТВА...

Проституируя обычай
Мы все слова сделали фальшивками
Сперва изнасиловали их души
Потом развратили сердца чистоганом
Но еще оставалось святое тело
Мы и его выставили на продажу
Я совокупность букв
Сижу на яйцах незаконнорожденных значений
Рожденные в борделях
Они все же восстали против своего бастардства
И готовы каждым знаком поклясться
Что станут законными отцами законных детей

Вишну Кхаре

ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ

На закате возвращаются птицы в гнезда
в радостном возбуждении
«Где вы умираете — птицы?» — кричу им вдогонку
Но они проносятся мимо
стремглав словно стайка школьниц
не обращая внимания на меня и на бродягу с потухшим
невидящим взглядом
распластавшегося на холодном камне скамейки
в обезлюдевшем парке.

Для меня птичья смерть — манящая тайна
Я говорю не о смерти комнатных птичек в узорчатых
клетках
вцепившись лапками в прутья они трудно расстаются
с жизнью
говорю не о случайной смерти вороны под колесами
автомобиля
не о прерванном смертью полете птицы
когда она ненароком замыкает собою провод под током
и землю
говорю не о ее смерти от руки человека
или в результате прогресса человеческой мысли
не эти смерти я бесплодно пытаюсь понять
не мое это дело.

Не хочу я также следить за предсмертным птичьим
полетом
когда птица взмывает в небо за облака
и там садится устало на ветку волшебного древа
неслышно становясь невидимкой
Мне хотелось бы знать как умирают птицы
ведь мне не понять ни хода их мысли ни тайны полета
Может быть мне удастся понять как они умирают
умерев самому.

Нида Фазли

ВУАЛИ

Вуали всех цветов —
Зеленые, оранжевые, голубые —
Я сунула в карман.
Теперь мое лицо
Со всех сторон открыто.

Теперь не только недруги,
Но и друзья в меня швыряют камни—
Возможно, потому, что сущность их
В моих глазах, как в зеркалах, отражена.

РОЖДЕНИЕ

Пространство замкнуто,
И замкнут мрак вокруг меня,
И я,
Вжимаясь в стены,
Жду рожденья...
Во чреве матери так было,
Но и сейчас, во чреве жизни, — мрак.

РАЗРУШИЛСЯ МОСТ...

Купол мечети пуст,
Колокол в храме нем.
Выползли белые муравьи
И сожрали
Пергамент старинных книг.

Розовый цвет
Исчез,
И синего нет,
И желтого
Тоже нет.
Ты — на одной стороне,
Я — на другой стороне.
Между нами глубокий провал.
Разрушился мост из непрочных слов.
Ты — одинокий берег,
И я — одинокий берег.

Вишванатх Прасад Тивари

НЕИСПОВЕДУЕМОЕ, ТО ЕСТЬ ИСПОВЕДЬ

Не знаю — с чего начать?
Никак не пойму что есть зло
что обещает нам завтрашний день
Не знаю что такое культура
Целуюсь с кем попало
порываюсь расплатиться
ем начальство глазами
лижу пятки.

Врач ставит диагноз:
практически здоров
если и болен — непонятно чем.

Господин сидя в гостиной смотрит десятые сны
Его слуга говорит: господин совершает молитву
(или господин не вылезает из ванны
а его слуга повторяет одно и то же:
они совершают молитву)
Слуга не устает нести околесицу
утверждая что его господин
никогда не кривит душой.

Англичанин цедит сквозь зубы:
Не продам черному свою белую лошадь!

Полицейский покручивая усы разводит антимонии
пускает пыль в глаза
спрашивает:
Вы пишете стихи?
Почитайте что-нибудь!
И окровавленная поэма растоптанная корчится
на мостовой.

Слова не идут с языка.

А люди идут своей дорогой
торопятся кто куда —
в лавки учреждения и т. п.
Не дрогнут бровью
увидев
мою дикую бороду и дурацкую шляпу
Но это не мой настоящий вид
не моя суть как и слова
произнесенные мной — не мои.

Всякий раз люди выбиваясь из колен
едва сохраняют голову на плечах
живого места на них нет
На себя взвалив весь домашний скарб
и в придачу — жену и сына
запеленав ноги
желаниями своих ближних
я тупо хожу кругами
словно бык на маслобойне.

Собирался поймать золотую рыбку
не помышляя о том
что меня подхватит вода
река разотрет в песок.

Никудышный актер
в гримерной сижу совершенно один
люди занимают в зале места
я остаюсь на своем посту
На сцене идет сплошной мордобой
зрители глазают набрав в рот воды
залезают от волнения не в свой карман
лишнее слово боятся сказать.

Зрители держат в уме
собственный интерес
Афиша красками режет глаза
на всю улицу кричит анонс —
новых зрителей зазывает в театр.

Улицы заливают электрический свет
а в домах — мерцанье лампад
На губах — имя Всевышнего Аллаха Христа

в руках — Гита Библия и Коран
Друг на друга смотрят как льют елей
и тут же пьются — бочком бочком.

Пусть черной магией околдована моя страна
пусть тихой сапой кто-то идет
пусть кто-то униженно виляет хвостом
пусть кого-то соблазняют нагим бедром
они все равно на предвыборных митингах мечут икру
разливаются соловьем лжесвидетельствуя на суде
Они знают свое их цели ясны
с невинным видом
себя вознесут до небес
(в жизни глупость помогает добиться успеха
без нее как без рук).

Смотри: они украли твои деньги твою любовь
веру в Бога
захватили все что приносит доход
покусались на родной язык
Они пребывают в эйфории
с минаретами заключив торговую сделку
догворившись с глухими стенами
Смиренно склонив головы
идут в похоронной процессии до самой могилы
молитвенно сложат ладони
кланяются направо налево
Тишь да гладь все чинно и ладно
Еле слышно воркует радио
в это время мой сосед секретарь кого-то
руководит строительством одновременно бреется
Арендатор Мангурам запродавал себя тому
кто купил огромное небо
кто завел себе на потеху ручных коршунов —
целую дюжину.

Я ничего не сохранил
в чистоте.
Откуда мне было знать
что в этот кровавый век
придется растолковывать всем улыбку на моем лице?

Они который раз лгут
«с добрым утром» опять говорят

хотя на улице — глубокая ночь
город джунглям под стать только еще страшней
Я человек темноты
от голоса моего
не запылает огонь не зацветут цветы
он — для других чудес.

Я смотрю правде в глаза
не перехожу за роковую черту
Простите меня!
Я не большой охотник до ученых речей
Куда ни пойду —
ударяюсь о камень стен
О боге сказать ничего не могу
умозрительность — мой конек
но с ней я опять проиграл.

Подыхаю по несколько раз в день
ради своей любви
на все ради нее готов —
на бесчестье унижение стыд.

Когда ломают хребет —
кричу
когда жажда горло сожмет—
припадаю к колодцам пустым высохшим до самого дна
Понимаю: сизифов труд —
время толкать вперед
быть со здравым смыслом в ладу.

Блуждая воочию
предпочитаю молчать
о потусторонних вещах
думаю чтобы думать
делаю что заставляют дела
с меня и этого хватит вполне.

О скажи мне Всевышний
есть ли на свете таран
чтобы им сокрушить эту крепость тупой немоты?
Найдется ли посох
с которым ноги мои не увязли б в болоте?
Существует ли в мире искусство победы
над этой славной когортой официальных героев?

Никто не ответит
Кто я все же такой?
Что из себя представляю?
Зачем существую?
В темноте упрямо ищу
Крупички незримого света
Воюю ржавым оружием
почти что истлевшим
Черная ночь как асфальтный каток
расплющит меня и всех кого знаю.

Завтра опять и опять
буду сражаться
со скалами — монолитной твердыней
даже трещинки нет в них
а мой лоб уже весь в кровавых подтеках!

СНОВИДЕНИЯ

Тяжелая жизнь у тех
кто не мечтает во сне.

Эти сновидения бесконечны как небо
и незнакомы как дальние дали
и нежны словно дети
сновидения парят над землею
и дремлют как леса в предрассветном тумане
и просыпаются с гомоном птичьим.

Мне говорят: продай нам что видишь во сне!
Но что я куплю если продам эти радужные мечты?

Ашок Ваджпейи

ТАИНА

Или это росинка
прилипает к жесткой траве
и соскальзывает
невесомая?

Или птица
летя
крылом задевает тучу:
открывается в небе окошко
и льется солнечный свет?

Или у всех на виду
многоцветно пылает цветок?
Или он усыхает словно луна
и невидим
как дождь в темноте?

ОЖИДАНИЕ

Ожидание — это не слово
это мрак
в котором ты
ожидаешь
рассвета.

Страсть родит ожидание
темнота темноту
на мерцание звезды
откликается светом звезда
И вдруг в мироздании раздается
отчаянный вопль

падает с неба
как оглушительный ливень
поднимая зеленые травы
Ожидание — это не слово
это величаяя песня любви!

ОДНАЖДЫ ДЕТИ

Однажды дети
выйдут
ни у кого не спросившись
в открытый космос
а потом принесут в горстях
плоды с небесных деревьев
и звезды
как самоцветы.

Однажды дети
спустятся вниз на землю
по старой лунной дорожке
взвалив на плечи
огромное небо
чтобы поиграть с ним немного.

Однажды дети
захватят царство мертвых
освободят их и будут слушать
открыв удивленно глаза
бесконечно долгий
рассказ
о прожитых жизнях.

Однажды дети...

СЛОВО

Слово ласкается к слову
целует его
стыдится
оказавшись

между другими словами
набывшись подходит
наполняется смыслом
дарит любовь.

Танцует слово
превращая тишину
в неоглядную даль
молча
оно говорит.

И молча
сверкают на деревьях росинки
под солнцем раскрываются почки
корни скрежещут
прорастая
сквозь камень
Стихотворение рождаясь
открывает окно в бесконечность.

ДУША — БЕСКОНЕЧНЫЙ СОН ТЕЛА

Не сокрушить дерево
пока растет оно из тела земли
И его цветы не увянут
пока они вместе с ним
не пожухнут листья.

Так и твоя душа неразлучна с моей
пока ты гордо и прямо
рядом со мной идешь.

Смотрит душа бесконечный сон тела.

ПРИХОДИ!

Приходи!
Как темнота к темноте
как вода
и солнечный свет
слейся со мной.

Приходи!
Меня как дерево
корою одень
Как тропинку
принаряди
зеленой травой.

Возьми меня
как корни деревьев берет темнота
как вода отражая ловит луну
Так в бесконечность падает время.

ВО СНЕ РАЗМЕТАЛАСЬ ОНА ПРОСТРАНСТВОМ ОДЕТАЯ

На ложе бескрайнего неба
во сне разметалась она пространством одетая.

Месяц
стянул с нее блузку
солнце
сорвало цветастую юбку
Ее обнаженные груди
сверкают как звезды
Мрак
пахнувший пряным ночным разнотравьем
овладевает ею.

Ее ополаскивает
теплый рассветный ливень
словно парным молоком.

На ложе бескрайнего неба
во сне разметалась она пространством одетая.

КАК ОНА ЖАЖДЕТ МРАКА

Как она жаждет мрака
прожив утро и полдень.

Мрак окружают
луна и звезды

глубоко в нем сокрыта тайна
мрак распалится древним желаньем
горя и сверкая.

Мрак ее оголяет
как бесконечное небо
как нетерпеливую землю.

Мрак станет
ненасытным обнаженным мужчиной
черной травой покроет
придет
и снова исчезнет.

Как она жаждет мрака
ее обдающего жаром.

Мрак обернется утром
утро сменится полднем
мрак останется мраком
мрака наконец не будет.

МОИ СЛОВА ЕДВА КОСНУЛИСЬ ТЕБЯ

Мои слова едва коснулись тебя
словно ветер
словно солнечный свет.

Усохли клейкие почки
не слышен их нежный запах
не раскрылись слова
на дереве
которое — ты.

ОНА НЕ ГОВОРИТ

Она сказала
что у нее маленькое сердце.

Так лучи солнца говорят
что у них есть немного света.

Так говорит огонь
что у него есть немного тепла.

Лучи солнца не говорят что у них есть космос
огонь не говорит что у него есть испепеляющий жар
она не говорит что у нее молодое тело.

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Пробираясь через завалы бумаг
и нагромождение законов
мимо радостных и разъяренных лиц
я наконец-то дошел
запыхавшись
остановился
и увидел
тебя —
лежавшую без сознания
со светлым и гордым лицом
Ты была как водопад —
промокла насквозь и сверкала!

Завернутая в белую святость
умиротворенно
лежала ты в тишине
Он уткнулся в твою грудь —
удивленный и нежный.

А между вами
разгораясь пылала
полоска будущего.

ДЕТИ

Дети поют
Пенье детей
слышится сквозь скалы сквозь синеву
нарушает вечный родительский сон

Дети бросают мячик
по ту сторону жизни
надеясь: умерший папа
вернет мячик обратно

Дети запускают
воздушного змея
в запредельность
надеясь: умершая мама
вернет змея обратно
и игрушки в придачу

Дети играют
в бесконечные игры
своей бесконечной жизни
своей веры в бессмертье

Дети поют
смерть отступает
слышны голоса
папы и мамы.

УМЕРШАЯ СЕСТРЕНКА

Когда-то давно
я играл с сестренкой
во что придется
пригождались для этой игры
монеты
щебенка
семечки тыквы
с ней вместе мелом рисовали калякималяки.

Время с нами сидело молча
впрочем я точно не помню
заигравшись
мы теряли его ощущение
забывали что оно существует
Потом мы смеялись
изобретали
новый язык
Так увлекались игрой
что забывали о новых придуманных нами
словах.

Время глядя на нас улыбалось
на него мы не обращали вниманье
Вечером
у ворот нашего дома
с трудом вспоминали
придуманый нами язык
Собирали
в разные кучки
камушки ракушки перья.

Однако грамматику нового языка
так и не смогли сочинить.

А потом нас окликали из дома
звали на ужин
Всякий раз переступая порог
мы видели маму
молчаливо сидевшую
при скудном матовом свете.

СЕСТРА В ПОЕЗДЕ СМЕРТИ

В проходе вагона столпились люди
прильнули к окнам
никто не спешит сойти
нет ни малейшей надежды
что им удастся приткнуться где-то еще.

В этом безрадостном путешествии в никуда
моя сестренка пугливо забилась в угол
затаилась
не знаю искала она или нет отца и младшего брата
они едут давно в этом же поезде смерти
у которого нет остановок и который идет неизвестно куда.

Где-то в этом поезде
много лет назад затерялась сестренка
никак не вспомню ее лица
но представляю ее сидящей напротив
белобородого деда который бормочет мантры.

Безмянные люди безмянные тени
они едут без багажа ничего не зная друг о друге
напряженно ждут остановки
и не ждут что кто-то новый войдет.

Передо мной в пыхтящий паровоз играют
Джуну Дулло Дуби Чинку
Видит ли их сестренка
из окошка этого поезда смерти?

Ситаншу Яшачандра Мехта

ЗАСУХА

Уже целый месяц, если не больше, высыхает колодец. И с месяц, как на его стене показалась старая черепаха, похожая на адамово яблоко, вырезанное из камня. Уступы окрестных гор напоминают сверкающие язычки воды. Они переливаются и слются. Настежь пасти дверей. Словно слюна, капают оттуда последние капли плавящейся смолы.

под солнцем
распахнуты

Мать правильно предупреждала: после черепахи на стенке колодца появится высеченная из камня рыба. Посвети на нее электрическим фонариком, разгляди ее повнимательней. Нельзя допустить, чтобы колодец высох. Но кто же, страдая от жажды, мог ожидать, что стены колодца настолько обнажатся! Вслед за рыбой испуганной глаз фонаря, наверное, выхватит из темноты измученного зноем крокодила. Потом — дышащую тушу бегемота. А следом — этого не могла представить себе даже Мать — возникнут парящие морские коньки. И вот — они действительно показались здесь, морские коньки, скрывавшиеся веками под толщей воды! Итак, в это страшное пекло, когда вода опускалась все ниже и ниже, а колодец пересыхал все сильнее и сильнее, вдруг послышалось ржанье коньков, живших в проломах стен. И ведра наполнялись уже не водой, а их сумасшедшим ржанием, плескавшимся через край. А потом появились пантеры...

Теперь я боюсь, что если попробую связать куски веревки крепким узлом первой брачной ночи, как в сказке, то никто мой узел уже не развяжет.

И тогда туго натянутся веревки, чтобы из этого глубокого неведомого вытащить ведро, переполненное слепыми летучими мышами, и крылья их будут биться и вздрагивать; сухо шуршать друг о друга.

Во время засухи в пустынный полдень раскаленное небо тайком сходит по склонам гор на землю и незаметно опускается в колодец. Осторожней! Сейчас может проснуться рыба и особенно пантеры — гибкие черные кошки, спящие на стенах колодца!

Небо пересохло от жара. Зной, как петля, перехватил горло. Но смелости недостает, чтобы снова погрузить в колодец ведро.

А когда железные крючья уже готовы поднять его, опущенное на самое дно, вертлявые пантеры затевают бесстыжую возню, и совестно включать фонарик. И все-таки должны мы или нет вытягивать железные крючья, чтобы поднять несчастное ведро?!

Во время такой засухи всегда есть опасность, что крючья могут оставить на стенах странные следы, напоминающие золотых младенцев в заброшенных пещерах — в случайных пещерах видений.

Пласты глины, которой обмазаны пол и стены дома, растрескались; в комнатах много щелей. Из них ползут и ползут всевозможные твари. Стыдно, но что поделаешь?

Водопроводный кран чуть-чуть подтекает. Однако — кривой и горячий — он перестает течь совсем каждый раз, как только подставишь под него ведро. И уже начинаешь думать: а зачем обмазывать глиною пол, если завтра же он весь растрескается снова?

О, ж-а-ж-д-а! Вырванная ночью из горла, она
возвращается утром, полыхнув, как брошенная в лицо,
объятая пламенем простыня! Ты пытаешься увернуться,
прячешь лицо в ладони — никуда от нее не деться.
Жажда! Язвящими огненными струйками

прокрадывается она
между пальцами к запекшимся губам, втекает в ноздри,
иссушает глаза. Она проникает в горло, уходит внутрь
тебя,
поражает каждую клетку.

Наш домашний колодец, наверно, совсем пересох.
Мать говорила: после черепахи появится рыба, а потом —
голубые киты. Что за вздор? Но я помню, и это

не суеверье,
как Мать предостерегала — я точно помню: если колодец
высохнет, говорила она, — нет, нет, это не сказки про
черных пантер и морских коньков, но если, в самом деле,
колодец высохнет весь — до дна — в эту страшную

засуху,
то через месяц или немного позже из него — по стенкам,
по крячьям, по обвисшим веревкам — выползет

множество
муравьев. Они заполнят его до самого верха, до края.
Муравьи ползут из-под фундамента нашего дома.

Несметные полчища.
А потом во всех комнатах, на крыше, на слоистых
склонах гор, сверкающих под солнцем, как язычки

воды,—
езде, — вы слышите? — везде будут муравьи, одни
муравьи,
только муравьи, муравьи, муравьи, муравьи, муравьи...

ЗВЕЗДЫ

Я знаю,
Мудрец-астролог,
Первым постигший загадки созвездий,
Испытал мистический страх перед звездами,
Рассыпанными во вселенной.

Они в самом деле способны повергнуть в ужас
Или пробудить любовь.

Звезды никогда не заходят.
Просто днем глаза, ослепленные солнцем,
Не могут их видеть. Вот и все.

Ранс утром,
Когда звезды по очереди исчезают,
Напоминаям о них
Служат лишь рваные листья
На дереве ним.

Красота, если она не ужасает, может быть хрупкой.
Вот почему иногда
Я хочу вынуть глаза из глазниц
И отнести на вершину горы,
Чтобы полюбоваться на звезды вблизи,
Совсем за себя не страшась.
В изгибах солнечных лучей
Я прокладываю себе тропу.
Но
Потом
Вспоминаю изменчивый лик моей любимой,
И глаза нужны мне опять.

Лакшми Нараян Мохопатро

МАНТРА

Неужели ты, Рама, не знаешь,
как я тебя люблю?
Улыбка твоя меня обманула.
Я с детства знала эту улыбку —
одну и ту же в глазах твоих
и на губах...
Сын твоих глаз
глядит на меня, улыбаясь,
слезы в моих глазах от счастливого смеха —
я смотрю на тебя, Рама.

Жестоким был день,
когда я отпустила тебя из Айодхьи:
ты заблудился в лесу,
темнее которого нет;
день и ночь я тебя искала,
каждый миг мерещилось мне
смуглое твое тело,
я была не в силах закрыть глаза...
Ты говоришь, улыбаясь: «Мама!
Я обманул тебя?
Ты рассердилась?»
Милый, могу ли я сердиться...
Знаю, ты у меня непослушный,
что хочешь, то и делаешь;
горные камни,
лесные колючки
милее тебе, чем царский трон.

Цветы осыпаются,
фонтан поет песню.

Спи, сынок; спи, непослушный,
в постели палой листвы,
я буду петь тебе колыбельную.
Ты для кого-то лучший среди мужчин,
а для меня ты просто мой Рама,
мой непослушный, мой дерзкий —
что тебе захотелось,
то ты и делаешь,
такой большой —
что хочешь, то и говоришь,
но каких бы нелепостей
ни наговорил мой малыш —
мне это не больно.

Это ты от любви жестокий:
так сильно любишь,
что обязательно опечалишь,
так рассердишь,
что стану жужжать, будто насекомое.
Это ты мне за мою любовь?
Все говорят, будто я напрасно
в лес тебя отпустила...
Но ты ведь остался хорошим,
имя твое у всех на губах...
Я и хотела твоей славы,
и оставайся хорошим.

А меня в ад пусть отправят —
за мою сварливость,
за мое жужжание.
Пусть слезы текут
моей бесконечной любви —
река беспокойного времени.
Войди в Гангу моих слез,
вплыви в океан моих слез,
о мой сын, мой отнятый сон,
пусть синий звездастый шатер
оберегает тебя,
а мои глаза пусть ослепнут
от неустанных слез.

Ничего, что ты превратил меня в камень:
и у камня есть жизнь,
и он страдает ежеминутно,
разве ты не знаешь, сынок?

Я страдаю в земном аду,
выведи меня из этого ада,
вот единственная моя просьба,
я ведь никогда тебя ни о чем не просила,
а теперь поднимаю руки с мольбой.
Мне рассказывали о твоих страданиях в темном лесу—
но ты там не мог страдать:
ты дикий — и любишь лес,
и кусочек дерева от блюда
ты прячешь в храме.
Тебя вела в лес твоя дорога—
где тут моя вина?
Я все за тебя вынесла —
брань, унижение —
и не раскаиваюсь, что согрешила.
Я страдаю в бескрайнем аду,
а ты всегда улыбаешься, мой золотой мальчик!
Это было мое завещание.

Бхайравайя

Я ВЕРЮ В БОГА

Да-да!
Я верю в бога...
Но только мой бог — не тот
кто рвется кресло занять в парламенте
или барыш загребает на черном рынке
или безжалостно выжимает проценты
мой бог — не тот себялюбец
что ради выгоды или славы
слабых готов давить перед сильными пресмыкаться
и не властолюбец идущий на все злодеяния
ради венца золотого в алмазах рубинах жемчужинах
ради насилия жестокого
ради кровавых ручьев из голов отрубленных —
нет не таков мой бог

Мой бог — не всезнающий и всесущий
недостижимый и непостижимый небесный раджа
но и не тот смазливый распутник с флейтой
пленяющий и соблазняющий юных пастушек
и не один из тиранов из тех живых мертвецов
что правят миллионами человеческих судеб —
нет не таков мой бог

Того кто орет с трибуны о процветанье народа
о светлом будущем разглагольствует
мир обещает всему человечеству
а тайно в спину прогресса всаживает свой нож
таких лжецов хитрецов ханжей торгашей
презирает и отвергает
с дороги гневно сметает мой бог

Да-да!
Я верю в бога
но он живет на земле
он в человеке ценит прежде всего человека
по-человечески жить — вот чего он желает всем!
Человек из плоти и крови—
это он мой бог
и у него лишь одна религия — Человечность

Никхилешвар

ТО ЧТО СКАЗАЛ ТЫ — НЕ ЛОЖЬ!..

Да это правда!
То что сказал ты — не ложь!
Каждый город на нашей земле
подобен открытой ране
Издали он как пышная роза
вблизи — кровоточащий гнойник

Вот например: на дороге в кровавой луже
чья-то жизнь трепещет нога переломана
голова разбита... Понуро словно преступник
рядом стоит прохожего сбивший автобус
бедняга водитель в полиции... Это одно лишь
из тысяч несчастий случающихся ежедневно!

А в храмах наших громадных чьи грузные башни
теньями широкими землю чернят
молятся молятся молятся бра́хманы а возле храмов
вопят попрошайки: о Свами! о господин!
И нищета обступает морем страданья и смрада
остров богатства «наставников» нашей страны

Да это правда!
То что сказал ты — не ложь!
Недаром ты вечно в страхе в тревоге
с тобою и я в том ужасном лесу
где все мы — рабы чужого богатства
голыми брошены на растерзанье волкам
Скажи эту правду еще раз скажи!
Там где властителям и богам
из золотых кирпичей воздвигают твердыни
кто стоны услышит глиняных стен?..

Хиро Тхакур

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Новости, рассказы.
Метаморфозы событий.
Строки выстраиваются в колонки.
Слова,
Часы, минуты, секунды.
Открытые тайны
Пронизывают мой разум.

В грозной темноте
Ранним утром каждого дня
Солнышко — мальчишка-газетчик —
Свежий номер
Забрасывает в каждый дворик.

II

Я спрятал
Свою жизнь на полке
Так, словно это книга:
Ее выписали из библиотеки
С жаждой прочесть,
Но сдали
В предустановленный срок
В книгохранилище
Непрочтенной.
Таково уж время.

III

Длительное?
Вечное?
Выходящее из одной пустоты
И тонущее в другой?

Мы (я плюс ты)
Не таковы.
Мы только средства,
Как рельсы,
По которым бегут вагоны событий.

IV

Эксплуатируют всех.
Но некоторых —
До того грубо
И до того явно,
Что нам надо бы предупредить
Потребителя:
«Они одноразового использования»...
Однако мы не делаем даже этого.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Пугающая темнота.
И, словно серная густая кислота,
Безмолвие!
Так был он — миг кончины?
Что, я не выбрался из-под лавины
Или от пули пал —
И похоронен здесь?
Но это я не весь!
Скажите мне, что станет с той,
Вдыхавшей в тело жизнь?

С душой?

Вот в этой яме безвоздушной
Попробуй разум непослушный
Направить на заботу о душе.
Ты Веды протудировал уже?
Речения припомнил Гиты?..

Весть о тебе, убитый,
Уже, наверно, принесли жене.
Наверно, есть страховка... Как ей быть?
А мне?

Ведь я еще и курс не завершил...
Кто б землю надо мной разворошил!
Пусть доказательства представят ей!
Пусть тысячам живых людей
Представят мертвого...
Как милостыню... Отворите.
Ждать некогда, поймите!
Со скоростью стремительней, чем скорость звука,
Я собственное «я» теряю...
О, какая мука!

Джваламукхи

ДАЙТЕ МНЕ ВЫСТУПИТЬ СВИДЕТЕЛЕМ ОБВИНЕНИЯ!..

Это судебное дело
решено не будет каким-то одним судом
в какой-то одной стране
Дайте же выступить мне свидетелем обвинения!

Я грешник смеяться смеющийся над самим Творцом
призываю чтоб вы заглянули в самих себя
призываю чтоб честно спросили самих себя
Я заклинаю вас
я требую честности этой от вас
я к вам являюсь с упрямым этим призывом

Как смеете вы
мне предлагать чтобы я присягнул как свидетель
чтоб я поклялся именем Бога
если вы сами разрушили веру мою в человека?
Вы судите и виновных и невиновных одним судом
вы утопили суть правосудия будто крысу
в грязной лохани судейских своих гонораров
Дайте же мне взглянуть справедливости вашей в лицо
дайте выступить мне свидетелем обвинения!

Приготовьте бумагу и перья
чтобы мысли мои обрывочные разрозненные
в фолианты законов ваших внести
и да будут они отныне законами Справедливости
не знающей никаких границ и кордонов
разве есть для нее границы?
Ей не важны никакие ваши параграфы
ей важен лишь Человек его сердце дыханье судьба
и кроме различий пола
какие — хочу я спросить — существуют еще различья?

Храмы мечети церкви — вот что нас разделяет!
А голод и похоть мечты и слезы юность и смерть
тайны и знания — в этом мы все едины
сколько бы ни было стран — планета едина
кем ни была бы мать — ее молоко
одинаково сладко для всех на свете младенцев!
Разве не так?
Что ж на меня вы уставились так ошарашенно?
Объявите меня сумасшедшим
но дайте мне выступить свидетелем обвинения!

Я обращаюсь к пророчествам наших предков
лучших сынов нашей родины — мудрой Индии:
издревле вещали они что аромат человечности
распространится до самых окраин вселенной
что будущие поколения станут счастливыми
пламень их вдохновений создаст мировую поэму
и в каждом атоме засверкает!
Но сегодня дайте мне дайте
на возвышенье встать — свидетелем обвинения!

Правосудье в ваших руках
полиция в ваших руках
тюрьмы в ваших руках
что ж вы трясетесь чего боитесь?
А если старые залы ваших мозгов
давным-давно затянуло густой паутиной
почему не отрубите свои головы?
И если ваши мечты в башнях тупой повседневности
гибнут как голуби тщетно стучась в глухие стены
то почему не взломаете вы эти стены
двери раскрыв на восток и запад на юг и север?
Распахните их — и тогда вы граждане всей планеты!
Но вы смеетесь... смеетесь в ответ на мои слова...

О-о если есть справедливый суд на земле
дайте мне выступить свидетелем обвинения!
Тревога и боль сжимает сердце мое —
смогут ли остановить войну наши мечты о мире?
Ведь в каждой стране каждый миг рождаются новые
трепетные кусочки мыслящей плоти — люди
и в каждой стране что ни ночь совершаются новые
таинства вечно юной любви!

Земля — исполинский шар — кружится грея под солнцем
свои обнаженные материки
А ведь Бог — любитель всего обнаженного
обнаженных тел обнаженной правды и вот почему
я говорю я повторяю
я призываю
я появляюсь пред вами с упрямым призывом:
дайте мне выступить свидетелем обвинения!

Черабанда Раджу

РЖАВЬ

Ржавь ржавь ржавь ржавь
От ветхих пуран и гнусавых гимнов
от всей этой зауми спиритуальной
поныне в мозгах несчастных индийцев
могучими кучами ржавь громоздится
ржавь ржавь ржавь

На ступеньках колледжей — ржавь
в учебниках школьных — ржавь
на полках библиотек — ржавь
на аттестатах и справках — ржавь
в душах детей
в заботах делах родителей —
ржавь ржавь ржавь

Всю нашу Андхру засыпала ржавь
в криках продажных трибунов — ржавь
в пестром вранье кинофильмов — ржавь
в застарелой кастовой розни — ржавь
в лживых нравоученьях святош-аскетов —
ржавь ржавь ржавь ржавь

Эй юноши девушки вам говорю:
Ржавь — наше бедствие наше бесчестье
Пора огонь раздуть наконец
в кузнечных горнах ваших сердец
чтоб сжечь дотла злоторную ржавь
мести с пути позорную ржавь
Покончит с ней поколение ваше
и это большое сраженье — ваше
зато и грядущее — ваше!

Горакх Пандей

РОЖДЕНИЕ И КАРМА

Сказано:
все мы вышли
из Брахмы.

Из его рта — брахманы
из его рук — кшатрии
из его бедер — вайшьи
из его ног — шудры.

Было целое
появились неравные части
одни чистые другие грязные.

Рты воевали с руками
руки вступили в сражение с бедрами
бедра — с ногами
началась настоящая сеча
общество разделилось.

И до сих пор
мир пожирают рты брахманов
прибирают к себе руки кшатриев
раскачивают бедра вайшьев
но пестуют руки шудр.

ОДА КРЕСЛУ

I

Когда он стоял на земле
кресло казалось никчемным
как только он оказался в кресле
показалась никчемной земля.

II

Он не сводил с кресла глаз
а кресло вперило в него
гипнотический взгляд
заключало его в себя
подобно тому как он
людей заключал в тюрьму.

III

Кресло — не конструкция
из железа или дерева
оно механизм для возвышения
малого или великого —
решает его высота
а человеку (каким бы он ни был —
свободным подневольным
счастливым несчастным)
не миновать судьбы:
кресло всосет словно топь.

IV

Папки с делами громоздились до потолка
справедливость откладывалась на потом
хлеб не доходил до голодных детей
лекарства не поступали больным
невинных
ожидала казнь
За всем этим
стояло кресло —
воплощенное зло
Осуществлялся дележ —
демократию и взятки только своим.

V

Кресло трещит — демократия расплзается по швам
пошатнется кресло — и распадется страна
развалится кресло — погибнет земля!

VI

Из океана крови выплыли крупные деньги
на этих деньгах было воздвигнуто кресло
которое словно таран
расплющит любого —
попробуй приблизься!

VII

В мире вздохов и слез
кресло недвижимо
до того мгновения
пока его ножки
не охватит пламя.

VIII

Падая с кресла человек теряет сознание
приходит в себя в сточной канаве
опьянение креслом кончается.

IX

Не будем славословить кресло!
Хотя приросшие к креслу
уверяют
что оно воплощает пространство
и время

ПЕСНЯ УМНИКОВ

Знаем
откуда дует ветер
знаем
как держать нос по ветру — не прогадать бы
Знаем
цену пролитой крови
знаем
цену денег
знаем
когда возразить а когда согласиться
знаем
что ничего не знать — счастье
знаем цену молчанья.

Говорим взвесив каждое слово
знаем что значит свобода слова
знаем что эту свободу
готовы сменить на службу
и что остается делать
когда безработных — толпы?
Безработица
перегоняет по темпу роста несправедливость
знаем какая исходит опасность
от безработицы и подобной свободы
знаем
что едва спаслись от этой угрозы
знаем почему фунт лиха
Бог нагнал на нас страху
Но может быть бог выдуман нами
боимся властей не меньше чем бога
не понимают нас власти
боимся народа
для нас народ — безликая масса.

Знаем
что вечно печальны
потому что весь мир печален
И знаем
меру своей печали
знаем
что единственный выход — бороться
знаем
что каждый наш шаг оговорен заранее
знаем
все оговорки
ведь их
формулируем
посредством несвязной речи
Но сами знаем
их содержание
А вообще-то мы знаем
что не хуже других даже лучше
можем сделать белое черным
а черное белым
в стакане поднять бурю
совершить переворот если будет такое желание
но при условии —
слабой власти

и понимания со стороны народа
знаем
что нет этих условий,
знаем
почему мы бессильны
и не можем ничего изменить.

ИХ СТРАХ

Они боятся
боятся
несмотря на арсеналы оружия
войска и полицию
боятся
что однажды
безоружные и бедные люди
перестанут
бояться их.

О ДЕТЯХ

Относительно жизни детей
строились разные планы
детям посвящались
стихи и поэмы.

Для них
открывали школы
дарили
им книги
все ради детей.

Выросли дети
откуда пришли
туда и вернулись
Одни —
боссы
и бизнесмены
счастливы сыты одеты.

Другие —
на дорогах дробят камни

в ресторанах моют посуду
получают побои
перекатная голь
никому не нужны.

А третьи—
строят
грандиозные планы
относительно жизни детей
для них пишут стихи и поэмы
открывают школы
дарят им книги
все ради детей!

Махасвапна

ЗАГЛУШИТЕ ОРКЕСТР, ПОТУШИТЕ ФАКЕЛЫ

Сшиблись автомобили
на туманном скрещенье улиц
Я был сбит: сотрясение мозга
теперь я безумен безумен — вот как это случилось!

Я потерял свою память забыл свое имя и адрес
я ничем теперь не похож на прежнего «я»
стал совсем другим очнулся на жесткой койке
странного здания что зовут сумасшедшим домом
Где-то когда-то была у меня
другая душа но ушла потонув в океане тьмы

А в палящий полдень
они отрубили мне голову и на базаре продали
А сердце юное сердце мое превратили в камень
и в землю зарыли

Мой разум сгнил заразясь венерической болезнью
и умер задохнувшись в смраде публичного дома
Кровь мою мускулы нервы приговорили
к пожизненному заключенью
Я изнемог я безжизнен бессилён беспомощен
Заглушите оркестр
потушите факелы!

Невыносимо смотреть мне на ваши лица —
в них зарево вижу горящих пустынь
слышу стоны рыдающих роц
вдыхаю зловонье пещер истории
Невыносимы мне ваши боги и ваши толстые книги
невыносимы и эти оковы и эти тюрьмы
и сотни тысяч параграфов ваших законов

Невыносимы все ваши войны все шумные ваши события
от которых раскалывается мир

Нет ничего ничего ничего
только голод жажда горе нищенство низость смерть
Нет ничего ничего
только тьма а во тьме завывания душ умерших
Нет ничего
только смрад удушающий смрад сжигаемых
Нет ничего

Признайте же эти слова
за истину жизни
а лучше пусть мешковина неба
свалится и накроет труп
вашей планеты!

Рамеш Тендулькар

ОАЗИС

Сейчас ли потом ли
Но однажды
Придется отбросить крылья
Все вдруг преобразится
Туманности солнце месяц

Месяц совсем спокоен
Плененное небо
Обрушивается
Без стона
На крыльях распластанных

И на пустынную ширь
Оно глядит разбиваясь
И думает
Этот оазис
Похож на ландшафт луны

ПРАЗДНЕСТВО

То празднество давно отшумело,
осталось
    половодье воспоминаний;
те декорации
    не воплотились в действительность;
неумное веселье тех дней
    обернулось разочарованиями;
еще отдаются в ушах
    те звуки;
но почему вода
    не доносит смысла

небесных отзвуков
на бамбуковый остров
за гранью мечты,
куда уводит дорога?
Шафранным пламенем
вспыхивает тьма,
все тяжелее
твой путь...
То празднество
давно отшумело,
лишь чей-то ножной браслет
звенит колокольчиком.

ЧУДО

Лоскутком неба я залатал платье
Я повесил платье под мягкий свет солнца
И о чудо!
Крошечные крылышки выросли за плечами
Я протрепетал на них сквозь лучи
О безымянная нота экстаза
Свободная от испарений земля
Под лампадой небес

ГОРЫ ОДЕТЫ ПЫЛЬЮ

Горы одеты пылью —
Он шепчет
И дарит пылинку со своей руки
Покрову горы

Нигде ни чести ни мудрости!—
Он восклицает
И чистит кусочек стекла
Принимая его за небо

Цветы всегда цветы
В саду ли дома ли —
Говорит он
Искусно убирая свою гостиную

М. Метта

НЕБО, СОЙДИ СЮДА!

Свершенным нами
На земле
Деяньям

Пусть небеса
Ответствуют
Страданьем!

•

Забыло небо
О земле во мгле.
Пусть плачет,
Пусть рыдает
О земле!

•

Звезды
В нашем обиходе
Стать готовы
Чем-то вроде
Маленьких цветов в горшке.

•

Увидев лик
Моей царицы,
Луна любая
Посрамится. —
Пусть в корчах уползает прочь.

*

Глаза у наших юношей
Едва ли
Не ярче
Солнц небесных
Запылали!

*

Пусть небеса
Расчешут волосы
Лохматых туч,

Ведь в наших голосах
И в наших душах
Горняя краса,
Хрусталь сияет горный.

*

Свершенным нами на земле
Деяньям
Пусть небеса отвечают
Страданьем!

*

Забыло небо о земле во мгле.
Пусть плачет,
Пусть рыдает
О земле!

*

Все райские утечи,
Все услады
С небес
На землю
Нам доставить надо.

*

Такое —
Вопреки
Земным обычаям,
И небо
Почитает
Неприличием
Охоту за добычею...

*

Перу
Ласкаться подобает
К небесам...

Перо мое,
Где стыд твой?
Стыд и срам!

*

Кончилось время
Мечтаний
О прикосновенье.

Небо,
Сойди сюда!
Это уже не моление,
А заклинанье. —
Настолько мы стали сильны.

ЗЕМЛЯ ВРАЩАЕТСЯ

Счет потеряли
Потерям —
Бесследно пропали
Тысячи жизней
И сотни домов
Отпылали...

*

Сводкам правительства
Официальным
Не верьте:

Что за правительство
Не привирает
О смерти?

*

Пепел отца,
Пепел матери,
Мальчик-сиротка.

Точные числа
Погибших
Проставлены четко
В детских глазах,
Хоть сияют
Умильно и кротко.

*

Он подрастет,
Этот мальчик,
И кротость
Избудет.

Он ни читать,
Ни писать,
Ни молиться
Не будет.

Он подрастет —
И ружье
Где-нибудь
Раздобудет.

СВОБОДА

Бездельничать
Свобода
Есть
И здесь!

А прочие порывы
Прежде взвесь.
С правительства
Собьешь
Иначе
Спесь.

*

Вода и жажда
Жажда и вода
Соседствуют
Повсюду и всегда.

*

Поднимем флаг —
Свободы нашей
Знак.

А честь народа
Катится
Во мрак.

И цены
Лезут в гору
Так на так.

*

На улицах —
Царить иллюминации!

Но холодно
И голодно
Всей нации...

*

Чем о свободе
Толковать
В подпитии
Не лучше ли
Узнать
И ощутить ее?

Свобода слова:
Слово о свободе
Произнести
При всем честном народе.

!

Арвинд Кришна Мехротра

«МИР — ЭТО ТИПОГРАФИЯ»

Гора громоздится в моем мозгу.
Я должен быть верен ей.
Гора громоздится
В мозгу, и надо
Прочсть ее
За строкой
Строку.

Или растает она, превратясь
В сгусток света, космоса лоно —
Зови как знаешь, —
Я должен быть верен
Ей. Облака
Обволакивают подножье
Склона.

Террасы клином входят
В вершину, зияют отверстия
В склоне, сквозь них
Другой склон увидеть могу:
Гора
У меня
В мозгу.

Она пасет себя самое и свою
Тень. Перевернутый
Пик, — колокол
Безъязык. Руками не трогать,
Попробуй
Такое
Представь.

Исчезает в разорванной пелене,
Как блестящие литеры
Шрифта, гора
У меня в мозгу;
Я должен быть
Верен
Ей.

РАСПРОДАЖА

I

Назначайте вашу цену; учтите,
это старье кое-чего стоит. Уверяю вас,
сегодня этого не достать.

Нет-нет, вас никто не заставляет
покупать, и не уезжай я сегодня, —
вы ведь слышали, что солнце догорает и меркнет, —
я бы и не заикнулся о распродаже.

Не торопитесь, у вас есть время
все попробовать на зуб. Вот — Европа,
Вот — Америка, это чудовище — Азия,
та промежуток называется Африкой, и, наконец,
отрезанная ляжка — Австралия. Все пять —
перед вами. Больше у меня нет.

Хотя, может, какой-нибудь яйценосный остров
и заваялся в море. Помните, я вам писал
о лесах? Они упакованы
в листья, исключительно удобно нести.

В этом черепа — реки.

Ах, какая жалость! Пришли бы вы вчера —
я мог бы вам достать и две штучки.

Простите, посмотрю еще раз. Да, где-то
лежит мумия; как раз вчера вечером
ко мне заходили пирамиды
и долго стучали в ворота.

II

Вы не возражаете, если я кое-чего расскажу вам
о вещах, которые вы приобрели?

Будьте осторожны, одна река до сих пор мокрая

и скользкая; ее воды тянутся,
как следы. Это — кирпич, а то,
что свернулось клубком — веревка.
Загляните в микроскоп — там заметки
на полях стихов. Не хотите ли посмотреть на карту,
вычерченную перелетными птицами?
Пройдем на чердак.
Это не кукла — это фотография
умозаключения, гуляющего
по песку; а здесь —
оно в пышном венце.
Я должен продемонстрировать вам тигровую шкуру,
под которой когда-то прятался дворец.
На одной крыше — видите —
рога антилопы,
а на другой — утихий ветер. Эти
колечки — браслеты, а вон та длинная штука —
ружье. Эта пещера — нутро
ботинка. А здесь —
резные колеса, которые катятся сквозь камень.

III

Где же вы были раньше!
Картины уже куплены
разбитым зеркалом,
но, может быть, вам подойдет
трещина в стене?
Еще у меня есть скелет.
Он полон бабочек,
которые на рассвете унесут
корону.
Да, могу вам предложить кресло-каталку —
собственность моего дяди, —
однажды он попался
на крючок, заброшенный
с неба. Откройте буфет,
на верхней полке — его память и две книги, —
ежели угодно, берите их себе:
«Лекции по искусству» Рескина
и «Краткая история английской литературы» Легуи.
Еще несколько минут.
Вы в силах взобраться по лестнице?
Видите — солнце и луна,

а вооружась этой свечкой,
можно управлять облаками. К сожалению,
у меня мало места,
пришлось запихнуть Большую Медведицу
в напольные часы. А, эти двое —
не бойтесь.
Это всего лишь рыбак и король,
они скоро уйдут, как только у одного будет готова
наживка
и королевство — у другого.

ОКТАБРЬ

Взгляни по-новому на долгий изгиб света,
Стоя на пороге
Комнаты с высоким потолком;
Там, в стене, углубление,
Доверху полное расписными глиняными
игрушками;
Над застекленной крышей — белое
Сухое облако. Видишь, лишний час
Освещает дом; свет врачует день.

DISJECTI MEMBRA POETAЕ¹

Восточный ветер
И ощерившаяся ящерица
Заклинают дождь,
Карандаши
В темноте
Занесли грифели
Над словарями,
Длиннокрылые фрегаты

---

¹ Разрозненные части поэта (лат.). Гораций. Сатиры 1, 4, 62. Употребляется для обозначения разрозненных, расчлененных частей целого. «Если в писаньях моих и Луцилия ритм уничтожить//И переставить слова, поменяв последнее первым, //В нас ведь никто не найдет и разбросанных членов поэта!» (Пер. М. Дмитриева). Кроме того, прямая аллюзия к 1 сцене «Гамлета», где Горацио, т. е. опять-таки Гораций, говорит, что присутствует здесь «отрывками».

Окольцовывают луну,
Запах
Чернил
И квадрат
Вайоминга,
Знамя,
Как Бирма, зеленое,
Слова напоминают
Нудные нерифмованные
Переводы,
Мертвые метафоры,
Вещи,
Сплошные колесики
И шестеренки,
Хрящ
Стихов,
Заброшенных в фонтан
Сна,
Они рассыпались по ячейкам,
Потом возвратились
В рукопись,
Местами
Истлели, — их уже
Не собрать.

ПИСЬМО ДРУГУ

Я подыскивал жилье, а она ждала
В другом городе; до нашей свадьбы
Было еще далеко. Войдя
В дом, она сказала:
«Да это просто сарай!»
Комнаты ей показались слишком тесными; первое
желание было —
Уехать; все происходило на глазах
Твоей матушки и моей тетки.
Мама,
Чуть улыбнувшись,
Позвала нас к столу.
Она огрызнулась: «Никаких обедов».
Много времени прошло, покуда все утряслось.
Первые несколько дней

Она радовалась хорошей погоде, птицам,
Каким-то безделицам, которые она
Находила в траве; днем мы спали,
А когда продирали глаза, долгий печальный вечер
Уже подкрадывался к окнам.
Кухонный чад, я,
Тихо читающий в кресле,
Толстые тома, развесившие хвосты
По полкам, как полевки,
Семейные сцены и плач внизу
Отравляли ей жизнь,
И она заточила себя в крепость, —
Мир, куда мне не было входа.
Она прошла через две крошечные комнаты,
Так, будто я покушался на ее последнюю тайну.
Тревога охватила и меня, —
Я подчинился, обороняясь;
Ее глаза сверкали, пугали, были испуганными.
Разве что налетевшие комары
Разрядили бы вязкий воздух.
Мы провели ночь под лезвием месяца,
Тишину нарушали мои осторожные прикосновения.
Первое карканье — и вороний
Концерт, который мы слушали, лежа в постели,
Через дымоход;
Потом в комнату ринулись пчелы
С рожками, колокольчиками, свистульками;
Солнце замерло; соседка отжимала белье;
Она знала, что я даже во сне без ума от ее точеных
щиколоток.

Молочница привела свою собаку.
По лесенке поднялся почтальон, и она
Долго читала письма от родных.
Потом отвечала всем своим братьям и сестрам.
Я думал, как постучится в дверь лама, снимет обувь
У порога; потом возьмет ее за руку и будет говорить
О покое, о жизни в горах —
При свечках, лишь их пламенем рассеивая тьму.
Мы таскали воду в тяжелых ведрах,
Готовили на воздухе,
И, лежа в траве на холмах, не думали о любви.
Она делала чай, кипятила
Заварку, молоко, сахар,
Потом добавляла приправы.

Когда он ушел, ее ладонь была влажной, —

Я не ревновал.

Где кончаются ровные плоские крыши, за дорогой —

Заброшенное поле; однажды там целый день пролежал
верблюд,

Спрятав тонкие ноги под горб;

Он смотрел, как коровы продираются сквозь заросли.

Так оно и было.

Она все больше запутывалась в себе.

Я был верен лампе, четкам, зеркалам, кувшинам,

Пледу, изображению лиловых демонов,

Красным, черным и белым муравьям, всем видам
жирных пауков.

Прошло три года, а я до сих пор поражаюсь —

Что делает с нами нагота или — что может сделать.

Иногда я вижу парочку из соседней квартиры.

Сейчас очень тепло,

И улицы —

пустынны и тихи.

Притиш Нанди

МИРОЗДАНИЕ

в небесных дебрях
непостижимые сумерки

в эти сумерки
влетает
непостижимая белая птица

на каждом ее крыле
полыхает
млечный путь

глазом косит:
звездой вечерней

БЕЗВРЕМЬЕ

окоченеешь
глядя в небо
без дыханья без памяти
без мыслей
убивающих
в осенние ночи

когда сумерки
подрезают
крылья сокола

КАЛЬКУТТА

куда бы я ни отправился
думаю о тебе
молчанье чирков
черкает
по зимнему небу

пригородный поезд
мельканье столбов за окном
визг тормозов
посреди ночи

РЕКА

под
обрывающейся рябью
золотая рыбка тербит
край ущербной луны

из глубины
мерцают
плоды воспоминаний
гиацинт полумрака

НОЧЬ

лошадь подрагивает
вся в звездной пыли

земля раскалывается
обнажась
в болезненном
свете осеннем

так начинается
однообразие ночей

МОЛЧАНИЕ

шум и молчание
врастают корнями
в скалу
именно там
глубинный хор
бушующих волн
празднует
их слияние

СНОВИДЕНИЯ

небеса
не имеют границ
кроме тех которые
ты и я
хотим видеть

когда сокол
взмахнет крыльями
ночь придет снова

и сны принесет

ВОЗВРАЩЕНИЕ

солнечный луч
на твоих плечах

в твоих волосах
запах
северного ветра

возвращаются дожди
отсвечивая пустотой
неба

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

за руинами стен
этой ночи
звезды горят
сквозь твои плечи

и странное неистовство
слов
прижимает нас друг к другу:

капли крови
на манускрипте времени

КРУГОВОРОТ

улицы где мы никогда не были
бесконечно тянутся
в наших снах

захватывающие сны
неожиданно
наталкиваются на нас

ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ

жестокий ветер
прокладывает мрачные тропинки
через рисовые поля

мы идем
навстречу сумеркам:
непроглядная тьма
это наше право

предаваться печали
видеть сны

ОДИНОЧЕСТВО

избитая метафора
страдания:
дождь барабанит
по невидимому склону

стрекоза
отражается в озере
стекленеет вода

и мы понимаем тогда
как одиноки

МУЗЫКА

снаружи:
смех маленькой девочки
шепот весны
трепет зеленых листьев

внутри:
черная ночь
идущая бесконечно
первое — бесцельно
второе — обманчиво

ДОРОГИ

есть дороги
которые приводят вас
когда-нибудь куда-нибудь

есть ночи
которые ведут
в самую глубь души

и на дне ее
есть дороги
которые приведут вас
когда-нибудь в никуда

ЛЮБОВЬ

В третий раз это всего труднее
перенести. И мне так говорили.
В первый раз ты еще ни о чем не догадываешься.
В наивности — твоя сила.

Во второй раз тебе очень больно,
и это помогает. Но в третий
раз, мой друг, ты совершенно
абсолютно ни о чем не подозреваешь. И
поэтому полностью беззащитен.

И это было в третий раз, когда она
вошла в мои стихи.

Но слова не могут жить для тебя твоей только
жизнью —
истина, которую мы все начинаем
постигать рано или поздно. А поскольку я
поэт, мне понадобилось немного
больше времени, чтобы смириться с этим.

Итак, когда жизнь вступила в свои права, мрачной
осенней ночью я выволок ее
за волосы и притащил на опушку
леса, оставив на милость
безмолвия, ливня и
бесконечных воспоминаний.

Ибо это случилось в пятницу, когда
слова становятся достойными их хозяина.

* * *

Скинь же с себя ароматные одеяния сна и приди ко мне
я увижу как белая грудь полыхает светясь сквозь
черные
пряди рассыпанных кос вожделения в небо тогда
я закину безмолвные
раны твои
И пурпурная птица порвет их и в женщине будет
метаться
а тень от сирени

накроет их зябкими прикосновениями мрака
на крыльях
отливающих искусственной синевой Годавари в твоём
сне
наши ноги сплетутся и я буду шарить в поисках
страха
и вздохов укромных в ложбинке груди
если ты
скинешь нежно с себя ароматные одеяния сна и
придешь ко мне
и сорву я упавшую ночь с твоего вожденного лона

* * *

ты прошептала эту полную ужасов тайну в исповедальне
сердца
хохот ночной птицы эхом отозвавшийся в пустой комнате
ночь словно чаша причастия мучительно полная — мрак
отступил за контуры
приплюснутых гор и страшный вихрь облек тебя
в полыхающий
шелк
шелк — твои алчные темные волосы ниспадающие на
обнаженные белые
плечи
медленное чувственное пламя лижущее раны дождя
когда его руки сжимают пронзенный живот и он
чувствует
как ошеломленное бледное солнце на горящую смотрит
деревню сжигая его
труп

* * *

на холсте нарисованной ночи индиго сознания когда
черные корни как ногти впиваются в мякоть доверчивой
осени

и на пустынной базарной площади голой богиней
шестьствует ужас

ты ушла за тенью своей в пугающий запах крови ты
представляла цветы сгоревшие в миг когда холодными
губами кинжал

коснулся реки пройдя сквозь мякоть памяти стершей
твоей груди а чайки вздыхали как смерть — и открыл
контур
глаза

Месяц Пыльных Бурь

глаза что купались в огне когда я сорвал с тебя платье
на берегу
испуганной речки глаза в которых читались
кораблекрушение и кровью политая
ночь

закрой их засни в пустыне печали твоей и
не говори этих слов о желанье которые злят леопарда
в твоём паху где к рощам молчанья приводят бедра

я не войду в разоренную деревню даже если солдаты
ушли и не стану смотреть за бумажной луной
восходящей в глазах
сироты

я увижу то что не видит мрак завершая круговорот
дождя и пока наши переплетенные тела золотой жатвой
горят
мы будем за призрачным двигаться солнцем и

наша любовь откроется книгой ладони где дождь
сочетается браком с лесами

* * *

он обернулся не услышав ответа и звездная пыль
засверкала в его
глазах

пал вечер в с нависшего минарета
пурпурной мечети он услышал неземное пенье
муэдзина

и когда на увядшие листья шравана имя свое
он нанес ночь пришла словно древний обряд

она стояла погруженная в свою печаль близ бледнеющей
рукописи времени и ждала его

когда он обернулся не услышав ответа и звездная пыль
засверкала в его глазах

СКАЖИ ЧТО ТАКОЕ ТЬМА...

мы произносим — тьма
а любовь наша похожа на воспоминания
а в твоих глазах — ночь

за пределами нашей жизни
ничего не существует

река никуда не течет
плоть ничего не желает
корабль без парусов

за пределами нашей жизни лишь
ветер
идет по следам

шепот никто не слышит
в дом мы ни разу не зашли
водопадов мы никогда не видели

за пределами нашей жизни
улицы
вливаются в улицы
вливаются в улицы

* * *

Так мучительно сказать «прости». Давай говорить
непривычные слова. **Лето** прошло,
земля остыла. Старая дорога
снова зовет меня. Когда-нибудь
мы встретимся: незнакомые, или
друзья. или, кто знает, **любимые**.
А сейчас смотри и смотри опять, **как идет дождь...**

Манглеш Дабрал

ОКНО

За этим окном
меня ждут
зеленолиственное утро сверкнет в стеклах
не утро, а слова с кулаками
На ветки деревьев опустится пушистый туман
словно огромная коричневокрылая птица
Над крышею — дым
Бумажный змей на дороге
искрится росой
его тащит ребенок
притащит и вытрет росу.

За этим окном
меня ждут
там на веревках под солнцем —
одежда из далекого детства
Вот-вот деревья покроются новой листвой
Письмо от отца
смех матери
в мареве зноя все это слиплось в комок
Там друзья
которые входят во взрослую жизнь
Их судьбу прополощет солнечный свет.

За этим окном
меня ждут
Из фиолетовой непроницаемой тьмы
вспыхнут открытые окна домов
как глаза
Я открою это окно
и тут же распахнутся тысячи окон
а за ними еще и еще.

СВЕТ НА ВЕРШИНЕ ВАЛУНА

В лесу — женщины
сгорбились под вязанками дров
И там же —
могилки детей
И там же — погоняемые страхом и кашлем
разутые старики плетутся навстречу собственной смерти
Монотонный перестук топоров
застылая сонь.

От раскаленных скал
идет вековой стон
Растрепались травы
окунувшись в речной протоке
По ночам лысеют деревья
сомкнутся над ними челюсти
очередной зимы
В оглушительной тишине как на острие хрупкой иглы
вертится обугленная земля
Тяжело как жернова
вращается небо.

Огромный валун который приволокли сюда твои предки
лопается как волдырь разрушается с каждым днем
На нем намерзают столетья как лед
В бессонных глазах скапливаются как снег
оседают в твоей душе
В темноте твоего жилья
там где горит очаг
рассыпались твои слова
как зерна собранные в недород.

А на вершине валуна — фонарь
то искоркой тлеет в ночи
то разгорится костром
с тебя не спускает глаз.

Пусть лучше смотрит на проданные поля
на голытьбу на женщин в слезах
и увидит как из угрюмых скал
появятся мертвецы —
оборвали жизнь этих людей
наводнение голод и мор.

Страхивая снег со своих тел
выходят они.

Из леса несется
нескончаемый яростный вопль
Точат зубы о камни
людские желанья.

СОВЕТЫ ДИКТАТОРА

Без меня вы бессильны —
говорит диктатор народу —
ни шагу ступить ни проснуться
ни вздохнуть без меня невозможно
Вы мое отражение
не будь меня не было бы и вас
что вы приуныли
какие у вас несчастья:
снесло крышу ветром
пять дней не ели
погиб урожай
плачут дети?
Это все ерунда
радуйтесь покуда я с вами
Так вещает диктатор
выходя на арену событий
улыбается
демократической белозубой улыбкой:
благо народа мое благо
главное в жизни терпение
терпение незаменимая штука
о горе своем забудьте
впереди нас ждут великие испытания!
А вы со своими бедами
мне бы ваши заботы!..
Народ слушает топчется соображает:
пожалуй правда у нас общее дело
его беда наша беда
так оно и выходит...
Будем же трудолюбивы
и будем готовы
если этот внезапно помрет
искать и сажать на его место
другого.

УСТАЛЫЙ ТИРАН

О как хочется отдохнуть от виселицы
устал отправлять на тот свет
пытать тоже труд — и не легкий
И тогда останавливает взор на детях
берет их на руки
рассказывает байки о своих подвигах
Дети — восклицает он — прелесть
не чета нам
О не зря прикасается он
к чистоте...
Хочет смыть хочет снять
чудовищную усталость
накопившуюся во время пыток.

Винод Бхардвадж

МАШИНИСТКА

Она все время печатала
усердно
четко,
аккуратно,
без единой орфографической ошибки.

Чаще всего она печатала статьи
о несправедливости,
о положении женщины
в современном обществе.

Она все время печатала,
только лишь печатала.

Она доставала из сумки
круглую жестяную коробочку
и на электрической плитке
разогревала свой завтрак.
Порхая пальцами по клавишам,
девушка вздрагивала,
если случалось печатать слово «любовь».
Впрочем, оно встречалось нечасто.
Другие слова ее не пугали.

Десять дней
ее держали в больнице на кислороде.
Она шептала что-то о ветреном друге,
вычитала, складывала, делила.
Старая женщина рыдала над телом дочери
у всех на виду.

Никто никогда не напечатает
историю этой девушки.

ВЕРНИ

На высоком шкафу
хранится толстая книга.
Мальчик мечгает
покачнуть шкаф.
Однажды ночью
мой мальчик увидел в окне
жаркие глаза черной кошки
и замер от страха.
Много дней
с бледного личика
не сходила черная тень.

Мальчик случайно наткнулся
на медный кувшин,
невесть когда появившийся в доме,
и от звона сделался еще бледнее.
День ото дня
темнели круги под глазами,
тяжелели ноги.
Однажды, собрав все силы,
он решился тронуть кувшин.
Мальчик заглянул внутрь
и ссыпал в темноту
разноцветные шарики.
Теперь кувшин зазвучал
как старый знакомый.
Не скажу, что его лицо
стало румянее яблока.
Болезнь не ушла,
но зато мальчик подружился с кувшином.
Все, что клали в кувшин,
обретало чудесный запах.
Иногда он просил мать
закрутить кувшин волчком.
Танцуя, тот напевал песенку,
понятную мальчику.
Однажды вместе с кувшином
они подстерегут черную кошку.
Тогда он скажет:
«Верни мое здоровье,
сон,
силу!»

Нарендра Джайн

БУМАЖНАЯ ЛОШАДЬ

Ежеутренне
бумажная лошадь
родом из Дели
совершает размеренный бег
за день она успевает
на радио
телевидение
в газеты
и к телетайпу
а затем возвращается снова в конюшню.

Ежеутренне
бумажная лошадь
бывает в присутственном месте —
у малозначительных лиц
и оттуда — трусцой — попадает к тем
кто повыше
закусив удила скачет к министерским верхам —
слышен цокот копыт по мраморным плитам.

Начальство ее бьет кнутом —
придает ей живость и бодрость
шпорами ей кромсают бока
лошадь несется вся в мыле
Вечером в стойле посыльный чистит ее скребком.
Целый день в беге
бумажная лошадь
Скачет во весь опор
от столицы к другим городам
и глухим деревушкам.

ЕГО КНИГА

Проснувшись
ночью
он ищет книгу.

Просит
все время маму —
еще почитай!

Мама
достаёт книгу из-под подушки
и обнимает
сына.

Медвежонок
лев
воробей
и жираф.

Засыпая
шепчет малыш
эти слова.

Медвежонок
лев
воробей
и жираф

Нежной ладошкой
он гладит
мишку
льва
воробья
и жирафа.

Мама и не догадывается
как он
полюбил книгу.

Она думает
много ли книг

существует в мире?
Она думает
удастся ли сыну
их прочитать?

ПЕРВАЯ МАСКА ТРУСА

Прочитав басню о рабе
потерявшем хозяина
я ощутил как ветер
засвистал в моем полом теле
(в котором нет ни мыслей ни совести
ни разума ни сердца)
в такую непогоду
был бы кстати костер
но разжечь его трудней
чем найти в земле воду.

Я вздрогнул от зубовного скрежета демона
заточенного внутри меня
размеренно потирающего свои ладони.

Голые люди шли по июню
по опасной жаре
а меня бил озноб
потому что прочитав басню
я похолодел от страха
потому что свистел ветер в моем полом теле.

ВТОРАЯ МАСКА ТРУСА

Было бы хорошо
стать камнем
мне
придавленному мором и голодом
раскромсанному ножами
повитому наручниками
служившему бивуаком всем войскам.

С радостью
я превратился бы в камень
чтобы подойдя поближе

кто-нибудь вскрикнул
заплакала женщина
дотронувшись до моей головы
тянул за палец ребенок
спрашивая почему стали каменными
мои лицо и уши.

Явственной оказалась бы моя смерть
а я был бы счастлив.

ТРЕТЬЯ МАСКА ТРУСА

За тысячу миль отсюда
хлещет кнут
а здесь корчится мое исполосованное
до синевы тело
за тысячу миль отсюда
азартно посверкивает нож
скалится в темноте
а здесь лоскут за лоскутом
сползает с меня изрезанная кожа
за тысячу миль отсюда
качается пустая петля
а здесь затянутая в ней
вытягивается в нитку моя шея.

ЧЕТВЕРТАЯ МАСКА ТРУСА

Я построил железное убежище
и спрятался в нем
(спасаясь от огненных челюстей смерти)
и словно обезумел от радости
зная что его не продавят
щупальца дождевых смерчей.

Сквозь врезанный в дверь бинокль
я увидел горящий город
и захохотал
радуясь неуязвимости
и вдруг почувствовал

как обмочился от страха
ибо изнутри потекло лавой
мое железное убежище.

ПЯТАЯ МАСКА ТРУСА

Эти ороговевшие души
беспощадны ко мне
(где ты человечность?)
кнут которым я нахлестывал еще вчера
сегодня полосует меня.

Пусть они катятся к черту
пусть не поймут моего страха
(где твои глаза человечность?)

Воля от боли
зову смерть
(эту уродину)
узнавшую мое имя
(Я Муссолини).

Вчера вечером
меня повесили вниз головой на площади.

Знаю
вы еще придете туда.

Посмотреть.
плюнуть
и без стеснения помочиться.

Вишну Нагар

ВЕРА

Я верил
жива еще вера.

Огонь превратит меня в пепел
пепел смоем водою
как лист унесет ветер
или гриф расклюет мое тело
и раздолбит мои кости.

Я верил
жива еще вера
поднимут меня на плечи
их четверо будет — не больше
глаза их будут сухими
и огню предадут как должно
воде отдадут или ветру
или
хищному грифу.

Во мне жива еще вера
о смерти своей не заплачу.

Я буду играть как в жмурки
со сквозным пронзительным ветром
или с огнем горячим
или с быстрой водою
с ненасытным ленивым грифом
Сожжет меня жадное пламя
но и я огонь растревожу
вода растворит мой пепел —
я в лед превращу воду
ветер меня развеет
но брошу я вызов ветру

насытится гриф моей плотью —
в его горле застряну костью!

Во мне жива еще вера.

Моя мать тяжела мною —
я на свет появляюсь снова
моя мать от голода пухнет
я голодный навзрыд плачу
и вступаю с голодом в схватку
но мама моя умирает не дождавшись
победы

Появляюсь на свет я снова
потому что
не видел света.

ИМПЕРАТОР

Делаю шаг начинаю двигаться
и кажусь сам себе карликом
Я император —
потому-то застыло стою на постаменте.

И ДАЖЕ ДАЛЬШЕ

Я научился бегать
я здесь и там и еще где-то
и еще непонятно где
и даже дальше.

Я бегу отрывая ступни от земли
взмываю в небо
лечу в облаках
невидимка для всех
учащенно дышу
в глазах переворачивается земля
и я камнем
падаю вниз
в земные объятья.

НЕ СПРАШИВАЙТЕ

Загнанный на верхушку дерева
я улетел
не спрашивайте
как мне
человеку
удалось улететь.
Не говорите другим
что я
загнанный вами
улетел воспарил в небо.

Загоните снова
и снова непременно я улечу
что с того что я человек
мне по силам долететь
хоть до Сибири.

ВОТ-ВОТ И НАСТУПИТ УТРО

Я день
Или темная ночь?
Или светлый день
Или кромешная ночь?
Или день на закате?
А может быть предрассветная дымка?
Вот-вот и наступит утро.

ВСЕГО ЛИШЬ ОДНА КАПЛЯ

Я однажды согрешил
чуть-чуть.

Но что значит
на земле
капля греха
словно капля
холодной прозрачной воды?
Всего лишь одна капля...

Я бормочу тихо-тихо:
всего лишь одна капля
в житейском море
всего лишь одна капля
и земля без моря была б не землей.

У МЕНЯ ПОД РУКОЙ ОДНА КРАСКА

У меня под рукой одна краска
С одним цветом не размахнешься
из него не составишь палитру
два-три цвета — куда бы лучше
в самый раз бы — четыре
шесть зазвучали бы громче
а восемь представить трудно
десять — ошеломляют!
А что одна краска?
Один цвет — его не видно
он воплощает безликость
в нем нет ни тепла ни правды
Спорьте о многоцветье
один цвет — не предмет для спора!

ПИСЬМО ОТ БРАТА

Мой брат написал письмо
Написал: приезжай
приезжай
приедет и сестра
обязательно приезжай.

Если брат написал из деревни
чего ждать?

Я приеду брат
не думай как до тебя доберусь
Расстояние — 800 миль —
пустяки
Все равно что выкурить одну сигарету
и то не до конца.

Удай Пракаш

СМЕРТЬ

В мертвом человеке
умерла
мысль
От мертвого
не услышишь
речей.

Но пока еще ходят по земле
мертвецы
разучившиеся
думать и говорить.

КЛЕТКА

На этот раз
птица не в клетке
Пустая клетка выглядит мрачной
Но радостно небо.

В бескрайней родной синеве
птица
пушистый комочек
расправила крылья —
учится летать.

ДОЧЬ ПЛОТНИКА

На зеленой лужайке
играют
деревья
перебрасывают солнечный зайчик
из одних ладошек в другие.

Изнемогая от гомона птиц
деревья
звучат как ситар.

Деревья остаются на месте они домоседы
не торопятся не уезжают
другим машут руками
смеются хохочут
беспокоятся о вашем здоровье.

Под их густолистой кроной
дочь плотника — смотрит устало
отдыхает
Сколько лет тебе
дочка?

А деревья
молчаливо сплетают
под землей
мощные корни
деревья
говорят меж собою:
кто девочке этой приснится —
то дерево или другое?

Готовы деревья
листья стряхнуть возбужденно
кору не колеблясь отбросить
и лечь под отцовский рубанок
они любят девчушку
Сейчас
сколько лет тебе? —
скажи мне
малютка!

СЛУШАЙ, МАСТЕРОВОЙ

Мой сон не был похож на истлевшую нитку
которая
может
порваться.

Ежедневно я вижу
несчастья
глаза открываю на мир изумленно.

Слушай!
Горе приходит
неслышно ступает на мягких лапах
опускает ресницы
входит
в самое сердце
и торжествует время безлюдья.

Я одинок и неприкаян
ото всех отшатнулся
до конца не выиграл сражения —
сил не хватило.

Слушай!
Пришел я к тебе усталый
со своими заботами гневом
слезами и радостью малой...

Тут прервался мой сон

я думаю: его спугнуло
чужое горе.

Сейчас
не один я только проснулся.

Как пойдешь —
позови меня тоже
пойду вместе с тобою
пойду не сомневаясь
на твой призыв.

Через свою вчерашнюю тьму.

КУВШИН

На гончарном круге
вращается неказистый нелепый ком
лоснящейся глины.

Крутится глиняный ком
словно волчок
до тех пор пока умные пальцы
не придадут ему нужную форму
пока не закончат работу.

Не будь твоих пальцев
осталась бы бесформенной глина
не стала б хлебом насущным
не будь твоих пальцев
кто смог бы ее напитать
холодной водою?

Брат Пармесур!
Не прерывай ты работу
в брюхе урчит и проворнее движутся пальцы
водой окропляют глину.

Сейчас покажи
на что ты способен
который раз воссоздай
игру глины огня и воды
своего малыша успокой —
невыносим его жалобный плач.
Кувшин сотвори —
образец совершенства!
А не то толстопузый
зооморфный богач
тебя попрекнет кувшином
с горлом кривым.

Анил Джанвиджай

ЭТО НЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Это не стихотворенье,
не просто звучащее слово,
а горестное осмысленье,
почему один против другого.

Это не стихотворенье,
а ширь океанской лазури,
в которой застылость смиренья —
предвестье протеста и бури.

Это не стихотворенье,
а губ измаянных мука,
извечный страх говоренья
и смелость свободного звука.

Это не стихотворенье,
а солнечный зайчик во мраке.
Он расплзается, наверно,
как будто жир по бумаге.

Это не стихотворенье,
а зуд и беспометство кожи,
израненной в кровь о камень
на долгом, как жизнь, бездорожье.

ПАМЯТЬ

Когда вспоминаю тебя
я сдираю
со стены кожу
там твое имя
написано мелом.

СТРАХ

Когда
исчезают
птицы
и небо чернеет —
появляется страх.

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Воюя
целое столетие
боролся
против войны
двадцатый век.

РЕБЕНОК

Держась за синий мамин подол
малыш спрашивает что за дерево перед ним
Узнавая мир
он целые дни
пропадает
в своем крошечном небе.

ОТЗЫВЧИВОСТЬ ПОЭТА

Холодный декабрьский вечер
возвращаюсь в Дели из Хапура
вместе со старым поэтом Нагарджуном.

Почти что пустой вагон
каждый думает о своем
молчим.
Из разбитых окон
врывается леденящий ветер
режет словно ножом
состругивает плоть до самой кости
у пассажиров не попадает зуб на зуб
бьет их озноб.

Неожиданно говорит Нагарджун:
«Мое одеяло теплое как материнский подол
согревает как любовь сестры
закутаемся в это одеяло
оно будет для нас жарким костром
в холодной ночи
Я под этим одеялом
впадаю в забытие
мне кажется:
я не один а со своей молодой женой
Это одеяло как жена
делит со мной и счастье и горе».
С этими словами
Нагарджун внезапно поднимается с места
скидывает с себя одеяло
накрывает им молодую мать
с грудным ребенком на руках.

А потом сжавшись в комочек
грея ладони
делает вид
что ничего не случилось.

Нагарджун доволен своим поступком
его глаза возбужденно горят
до того он счастлив
Вдруг две слезинки
как жемчужины
выкатываются из его глаз
для него все люди вокруг — не чужие.

Гаган Гил

ПОКА ДЕВУШКА НЕ СТОЛКНУЛАСЬ С ГОРЕМ

Пока девушка не столкнулась с горем
далеко еще время ее печали.
Она смотрит в туманное утро
по стеклу медленно стекает капля.

Не знает она о ветренике-ветре
хотя его порывами дышит
пока ничего она не боится
пока ничего ее не смущает.

Она живет как живется
ничего не знает
в глазу ее острый осколок камня —
об этом не знает
ее кровь замерзает стремительно в венах —
об этом не знает
ее опьяняет весна оглушает звонкая зелень...

Сном омыло глаза словно живительной влагой
удивляются люди
но содержание сна ее не волнует
мысли о смерти
в ее не приходят сознание
Ей ничего не грозит — наивность ее защищает
нежными пальцами нащупала
ускользающий пульс сновидения
Она щедро дарит тепло и дыханье
становится сама пустотелой
чужой и холодной
а все потому что не знает
об огне захватившем одежды
не чувствует запаха гари —

полыхает зеленая юность
помощи ждать неоткуда
об этом не знает.

Не знает что плохо без дома
не знает что сон ее умер ооченел отделился
от пульса в лесу измотанных нервов
она все это узнает значительно позже
тогда запах дома расширит ей ноздри
она из отчего дома когда-то сбежала
сжигая мосты всех презирая
захочет вернуться
в подол мамы захочет уткнуться
окунуться в солнечный свет ее глаз
но поймет — невозможно
поймет что жизнь — раскаленная лава.

Вот тогда-то и станет печальна
но далеко это время.

У НЕКОТОРЫХ ДЕВУШЕК НЕТ И МЫСЛЕЙ О СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

У некоторых девушек
нет и мыслей о собственном доме
не думают даже об этом
Как это возможно?

Ведь живут в их мечтаниях дети
которые играют под лучами зимнего солнца
ведь существует в их надеждах мужчина
который чинно сидит на раскладном стуле
посреди лужайки и читает газету
и жена гремит на кухне посудой
и готовит любимые блюда
в глазах девушек расцветают розы
и в мыслях тоже.

В глубине души они верят
что их обойдет
буря
останутся целы

их будущие мужья и дети!
В глубине души они спокойны
верят что их осенит счастье
они избегут сглаза
в их мыслях царит благонравие
словно в степенном доме
в котором живут в согласье
не говорят неправды
никто не лукавит
девушкам кажется —
разгаданы все загадки.

Но в обыкновенной жизни
девушки осторожны
И все же
на них находит наваждение дома
он неотвязно с ними.

В обыкновенной жизни
на улице в ресторане
или в гостях у подруги
происходит с женщиной встреча —
случайная и роковая.

Влечет их друг к другу
глухая тоска
по дому.

Нет девушки знают
что они не настолько наивны
чтобы поддаваться наваждению дома
они хорошо знают
что мужчины
в привязанностях свободны
от их капризов не зависят вовсе
и у мужчин есть своя тайна
которую не откроет
ни любовь ни ревность ни упрямство
и тогда девушки горько заплачут
не смогут простить себе простодушной веры
в свое обстоятельное очарованье
зареванные
девушки выходят на улицу
глазеют на них люди.

Сквозь слезы улыбаются девушки
нарочно смеются —
удивляются люди.

Но девушки не обретают дома
ни в натужном веселии
ни в горьком плаче
ни в притворном смехе.

Свапнил Шривастав

ГНЕЗДО

И снова птица опускается на дерево
с травинкой в клюве —
свивает гнездо хлопотливо быстро тревожно
Как-то утром проснусь и увижу:
из громадного гнезда торчит дерево
словно травинка.

Подумать только! скажут люди
рассматривая громадные гнезда
и пускаясь в споры
усложнятся ли новые отношения
между обычным деревом и обычной птицей?

Травинки сверкают как брызги
рдяного солнца
Шуршат под ветром как исполинские крылья
Кажется чудом что дерево качается вслед за ними.

Дом вдалеке пустынен и мрачен
В пальцах
которыми нежно касаюсь травинок
живости больше чем в этом чопорном доме.

В памяти оживают травинки
в звенящих трепещущих звуках
При слове гнездо
вспоминаю оставленный мною
родительский дом.

СУНДУЧОК

Прошло несколько лет и вот
я снова в городской толчее
Этот город сравню с выдавшим виды
тронутым ржавчиной
сундучком
в котором хранятся
не раз пересчитанные мною минувшие дни.

Сундучок все еще источает
завлекательный нежный и пряный запах.

Солнечно
Хорошо бы проветрить
слежавшийся траченный молью
годами накопленный скарб
Буквально в секунду приобретаю
уверенный вид
Гуляю с солнцем под ручку —
и хоть бы что
Закрываю город как сундучок
на ключ
и ключ опускаю в карман
Подхватив сундучок
сажусь в железнодорожный вагон —
уезжаю в другое место
Вскрикну от радости
когда на следующее утро прочитаю в газете:
украли город!

СТАРОЕ И НОВОЕ

Старое умирает
нарождается новое
невидимая рука
вылавливает в океане времени
старое
отшвыривает в утиль
трудно расстаться с ветошью
можно купить новые ботинки
а старые приберечь на случай

наверняка пригодятся
В допотопных сундуках
преют старые заблуждения и подтяжки
исцарапанные очки
сквозь которые невозможно увидеть
новую поросль новые листья
на бессмертном стволе.

Дэб Кумар Дас

О ЛЮБВИ

* * *

Немного чуда — и плоть вещества пробудилась.
Гончарный круг вертится все быстрее, быстрее.
Блестит, высыхая, глина, прежде чем обрести
Образ и форму. И в пламени жарком
Не просто комок земли меняет окраску.
Но звезды алмазов озаряют черный нефрит.

Этот образ хрупок, конечно; чистоту тона
Слишком легко нарушить неверной глазурью...
Глазурь выявляет даже тени, даже намеки на цвет,
Блеск глазури обманчив, как неоновый свет рекламы.

Но если спросить гончара, в чем же его ошибка,
И отчего дрогнули пальцы, накладывая глазурь —
Он не ответит, а лишь головой покачает
И улыбнется: может быть, в этой ошибке и есть
Секрет красоты, известный одним лишь пальцам?

* * *

И было двуединство.
Были ли слова, не помню.
Мы их не узнаем, услышав снова.
Они превратились
в искры...

Искры во тьме.

Все было сказано
Задолго
До рождения слов.

Но двуединство ушло.

Искры не угасли:
Просто
Тьма опустела. И искрам
                                стало не от чего
                                рождаться:

Когда единичности
Разъединены,
Между ними
Остается
Пустота.

И тогда
легко находятся
слова.

* * *

От истины до истины дорога
Молчанием зовется: ты был прав.

Одной из истин — помнишь? — стал огонь.
Иссохшим трутом, пеплом неподвижным
Мы были до того, как мысль окрепла
и знание наше меру обрело.

Но только ложь молчащего незнания,
Что знает все, просеивает пепел,
Надеясь (иль отчаявшись?) найти
Божественную искру, как звезду...
А с ней — ответ на каверзный вопрос:
Что помогает искру обнаружить —
То ль истинное знание, то ли ложь?

...ПОСТФАКТУМ

Любовь, как вирус, поражает кровь,
Преодолев барьер иммунитета,
И уж теряет силы организм,
И грозно обостряются симптомы.

Хоть в микроскоп не виден этот вирус,
Он действует: кто им переболеет,

Ослабеваает телом и душой.

Меня теперь вы спросите, конечно:
Как побороть сей тягостный недуг?

Отвечу я: к чему бороться с ним,
Когда недуг, увы, неизлечим?

О ВОЙНЕ

ПРОЛОГ

Далеких труб раздался звук серебряный,
И стрелы, взмыв, как ястребы, достигли неба,
Перечертив его лазурь крест-накрест,
И каждая нашла свою живую цель.

Ответили на тот сигнал и наши трубы,
Пошли вперед и всадники, и колесницы,
А лучники в который раз согнули луки,
И тысячи каленых стрел умчались ввысь.

Но почему замедлил бег тот, первый воин,
Что раньше всех успел дойти до центра поля?
В азарте он утратил цель, и в мертвой зоне
Не знает он, кого теперь ему разить.

* * *

«В штыки!» — но голос командира
Не трогает наш поредевший строй,
Как тлеющий пожар — подлесок влажный,
Затрагивая листья, но не ветви.

Мы расстреляли весь боезапас,
Все смертоносные снаряды.
Различные по весу и размеру —
В руках у нас одни клинки стальные.

Они блестят, как дротики спартанцев
Блестели под луной у Фермопил.

Но как копью тягаться со стрелой?
И как штыку тягаться с автоматом?

Нам остается, как тогда спартамцам,
Лишь умереть с улыбкой на устах.

ВИДЕО

Лиловый цвет — оазис среди пустыни
Лишенного всех красок октября.

Проходит по листве осенний холод,
Замазывая белым краски лета,
Грунтуя холст под будущий пейзаж —
На краски можно будет не скупиться,
Расписывая года времена.

Но цвет лиловый наложи последним.

Пиши пейзаж античного апреля
И гибель льда в пречувствии весны,
Которую он звал и ненавидел.

А если вдруг покажется тебе,
Что свет весны — всего лишь промежуток
Меж льдом и снегом, кисти недостойный —

То вдумайся: лиловый дополняет
Любой другой из смешанных цветов.

Ты понял? Так пиши! Пока не поздно.

ОКЕАН

* * *

Здесь, между скал на краю океана,
нам открывается вечность. Летний прибой
бьет напрасно
в иллюминаторы затонувших столетий,
вязнущих в зыбком песке.

Растрепанный волнами и ветрами, даже мох
задерживает круглые камни; губки растут
под мерную музыку моря на скалах.
выветренных веками.

Между твердынь океана
нам открывается время — но чем
измерит его человек? Меру времени
знает только природа.

* * * .

Когда океан, отступая с отливом,
Оставит на берегу свои травы —

Спроси, успеют ли они стать йодом,
Пока не пробьет час прилива,
И солнце не превратит их
В светящуюся по ночам гниль?

Или их смерть неминуема, ибо,
Впитав столько солнца, они отдадут
Свою воду, а вместе с нею и жизнь?

Если так, то я знаю, зачем в темноте
Океана рождаются все новые травы:
Глубины тоскуют по солнцу.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 10. *Колонна Ашоки* — Ашока — правитель Магадхской империи (208—232 до н.э.), покровительствовал буддизму. Воздвигал колонны со своими указами.

Стр. 12. *Раван* (Равана) — предводитель ракшасов (демонов), повелитель Ланки, непримиримый враг Рамы («Рамаяна»).

Мохенджодаро — руины города (ныне в юго-западном Пакистане), существовавшего в III—II тысячелетии до н.э. Один из центров цивилизации долины Инда.

Стр. 13. *Гаутама* — имя Будды.

Ситар — струнный музыкальный инструмент.

Пунну — герой панджабского народного сказания «Сассипунну», царевич, влюбленный в молодую девушку Сасси.

Стр. 28. *Шива трехглазый* — бог Шива изображается с третьим глазом на лбу. Считается, что этот глаз обладает силой испепелять все живое.

Стр. 34. *Пампур* — город в Индии, славящийся текстильным производством.

Стр. 35. *Нагирай* — по кашмирской легенде кобра Нагирай обладала драгоценным камнем, с помощью которого превращалась в девушку перед встречей со своим возлюбленным Хямалем.

Стр. 36. *Нур-Джахан* — любимая жена могольского императора Джахангира (1569—1627).

Хармук — горный ледник в Кашмире.

Стр. 39. *Шалимар* — парк в Сринагаре, главном городе Кашмира.

Стр. 40. *Озеро Дал* — озеро, возле которого расположен Сринагар.

Хабба Хатун и *Лал Дэд* — знаменитые кашмирские поэтессы.

Стр. 41. *Шакунтала* — героиня одноименной пьесы Калидасы (V в.). После того, как ее, беременную, отверг возлюбленный, вернулась к отцу.

Стр. 42. *Брахмаракшаса* — брахман, нарушивший законы религии и превратившийся в ракшаса.

Стр. 44. *Тойнби* Арнолд Джозеф (1889—1975) — английский ис-

торик. Выдвинул теорию «локальных цивилизаций». Автор двенадцатитомного труда «Исследования истории» (1934—1961).

Хайдеггер Мартин (1889—1976) — немецкий философ, один из основоположников немецкого экзистенциализма. В своем учении противопоставлял подлинное существование миру обыденности.

Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ. Выдвинул учение о культуре, как множестве замкнутых «организмов», выражающих коллективную «душу народа».

Стр. 49. *Ваджра* — оружие бога Индры, молния.

Стр. 58. *Сати* — здесь: обряд самосожжения вдов.

Стр. 68. *Галиб Мирза Асадулла-хан* (1797—1869) — прославленный индийский поэт, писал на фарси и урду.

Вьяса — здесь: мудрец, легендарный составитель «Махабхараты».

Тулсидас (предположительные даты жизни 1532—1624) — индийский поэт, писал на хинди. Автор религиозно-философской поэмы «Рамачаритаманаса» («Священное озеро деяний Рамы»).

Стр. 80. *Варис Шах* (1755—1798) — классик панджабской литературы, автор поэмы на сюжет народного сказания о трагической любви пастуха Ранджхи и молодой девушки, дочери вождя Хир.

Стр. 100. *Пифон* — в греческой мифологии чудовищный змей, сраженный Аполлоном.

Стр. 102. *Карма* — закон воздаяния за добрые и дурные поступки. Суммой этих поступков определяется судьба человека, в зависимости от нее он возрождается в том или ином облики.

Стр. 117. *Трипурасура* (Асура трех крепостей) — эпитет асура (противника богов) Баны, получившего в подарок от богов три крепости. Эти крепости летали по воздуху и, опускаясь на землю, производили большие разрушения. Шива, по просьбе богов, испепелил их одним взглядом.

Пураны — памятники древнеиндийской литературы. Считаются священными книгами индуизма. Здесь это слово употреблено в смысле «сказание».

Стр. 121. *Дхоги* — традиционная индийская одежда. Состоит из цельного куска ткани.

Стр. 124. *Лао-Цзы* (Ли эр) — автор трактата «Дао дэ цзин» (IV—III вв. до н. э.), канонического сочинения даосизма.

Стр. 135. *Шаббат* (суббота) — субботний отдых, праздник, предписываемый иудаизмом.

Стр. 138. *Чapati* — тонкие сухие лепешки.

Стр. 141. *Асадх* — месяц календаря в Ориссе (июнь — июль).

Стр. 142. *Удждаайн* (*Удждаини*) — один из священных городов Индии.

Стр. 143. *Чоуринги* — улица в Калькутте.

Стр. 145. *Сувинда* и *Судха* — герои рассказа Р. Тагора.

Стр. 148. *Хумаюн* (1508—1556) — могольский император.

Стр. 170. *Ибн Батуа* (1304—1377) — арабский путешественник. Побывал во множестве стран, включая Индию.

Стр. 181. *Назм* (букв. снизка жемчуга) — форма поэзии урду.

Стр. 198. *Аргха* — сосуд для ритуального подношения воды. Иногда делается в форме глаза.

Стр. 209. *Палам* — делийский аэропорт.

Стр. 213. *Она идет во всей красе//Светла как ночь ее страны...* — Цитируется стихотворение Дж. Байрона «Она идет во всей красе» в переводе С. Маршака.

Стр. 221. *Харша* (VII в.) — правитель государства в Северной Индии. Ревностный буддист. Построил пять буддийских монастырей.

Стр. 222. *Свастика* — орнаментальный символический знак, встречающийся во многих древних культурах. В XX в. использовался как эмблема нацистской партии.

Стр. 223. *Муруган* — тамильское имя бога войны Сканды, Картиккен, сына бога Шивы.

Стр. 229. *Кама испепеленный, но рвущийся к Рати* — Кама — бог любви, Рати — его супруга. По преданию, Кама был испепелен третьим глазом Шивы.

Стр. 233. *Аувейар* — под этим именем известны две тамильские поэтессы. Одна жила и творила в эпоху Сангама (Литературной академии). Ее стихи содержатся во многих древних антологиях. Вторая — поэтесса девятого века, автор нескольких сборников дидактических стихов. Особенно популярны ее изречения, иллюстрирующие тамильский алфавит и до сих пор заучиваемые детьми.

Стр. 236. *Вина* — струнный музыкальный инструмент.

Дивали — праздник, сопровождающийся иллюминацией.

Джаганнатх — имя Вишну (или Кришны).

Стр. 237. *Кубера* — бог богатства, властитель города Алака, расположенного в Гималаях.

Стр. 238. *Яд каждого пораженья//высosan Шивой самим...* — По преданию, бог Шива выпил смертельный яд, угрожавший погубить все на земле.

Стр. 239. *Парвати* — супруга Шивы.

Стр. 242. *Магадха* — историческая область и государство в древней Индии.

Аванти — историческая область на севере Индии, центром которой был город Удджани.

Кошала — государство со столицей Айодхьей. Это название употреблялось и по отношению к некоторым другим государствам.

Стр. 243. *Капилавасту* — город на реке Рохини, столица Шудходханы, отца Будды.

Стр. 245. *Бабур* Захируддин Мухаммад (1483—1530) — основатель государства Великих Моголов. Родился в Фергане, неоднократно отвоевывал свое родовое владение Самарканд, но всякий раз утрачивал его.

Стр. 248. *Поэт познал в одной песчинке вечность...* — имеется в виду английский поэт Вильям Блейк (1757—1827).

Стр. 252. *Маркандэйя* — мифический мудрец, которому приписывается авторство «Маркандэйя пураны».

Маруты — боги ветров, друзья и союзники бога Индры. Вооружены молниями.

Стр. 262. *Бодха* — учение Будды.

Стр. 265. *Чампака* (чампак) — ярко оранжевые цветы дерева чампак.

Стр. 276. *Язык придержи за зубами* — цитата из знаменитого памятника тамильской литературы, сборника дидактических двустиший «Тирукурала» (VI в.), приписываемого ткачу Валлювару.

Стр. 291. *Хаура-мост* — мост в Калькутте.

Стр. 292. *Маник Бондопаддхай* (1908—1956) — известный бенгальский писатель, автор романов «Лодочник с реки Падмы» (1936), «Ахимса» (1936), «Сущее» (1950) и др.

Стр. 296. *Тиресий* — в греческой мифологии слепой прорицатель из города Фивы. По преданию, был одновременно и мужчиной и женщиной. Увидел богиню Афину купающейся. За это богиня ослепила его, но наградила даром провидения.

Стр. 298. «*Шветашватара упанишада*» — религиозно-философский трактат, примыкающий к одной из вед («Яджурведе»).

«*Антигона*» — трагедия древнегреческого драматурга Софокла (ок. 496—406 до н. э.).

«*Атхарваведа*» — четвертая из вед, сборник заклинаний и гимнов.

Стр. 303. *Джоб Чарнок* (ум. в 1603 г.) — англичанин, служащий Ост-Индской компании, основавший факторию и форт, из которых впоследствии образовалась Калькутта.

Стр. 304. *Конарк* (Конарак) — место в Ориссе, где находится храм Солнца, славящийся своими изваяниями.

Стр. 307. *Дравиды* — народы, населяющие главным образом Южную Индию (телугу, тамилы, малаяльцы, каннара и др.).

«*Курал*» («*Турукурал*») — см. примеч. к с. 276.

Гхат — здесь: место для сожжения усопших.

Стр. 324. *Джаннатх* — центральная улица Дели.

Бхартрихари (VII в.) — индийский поэт, писал на санскрите.

Ему приписывается авторство поэтического собрания «Шатакатра-ям» («Три сотни строф»).

Стр. 324. *Киркегор* (1813—1855) — датский философ, проповедник. Считается предтечей экзистенциализма.

Стр. 330. *Мимбар* — место в мечети, откуда мулла читает проповеди.

Аяты — строки Корана.

Стр. 346. *Улугбек* Мухаммед Тарагай (1394—1449) — среднеазиатский государственный деятель, ученый, просветитель. Внук Тимура. С 1409 г. правитель Самарканда. Был убит по приказу собственного сына Абдуллатифа.

Стр. 349. *Светофор, дитя полиции...* — Светофор в разговорном тамильском языке называется «дочерью полицейского».

Стр. 350. *Тилак* — пятнышко на лбу.

Стр. 354. *Чури* — лепешки.

Стр. 357. *Кааба* — мусульманское святилище в Мекке, имеющее форму куба.

Стр. 361. *Ним* — большое, величественное дерево.

Стр. 362. *Ржанье коней твоих семерых...* — Имеется в виду бог Сурья, развезжающий по небу в семиконной колеснице.

Самадхи — здесь: высшая ступень созерцания (медитации).

Стр. 365. *Анал* — мифическая птица, живущая только в воздухе.

Стр. 366. *Париджат* — здесь: дерево, цветы которого распускаются вечером и к утру опадают.

Стр. 375. *Бхоти* — тибетцы, жители Бхутана.

Стр. 376. *Баркандаз* — охотник.

Стр. 377. *Зенана* — женская половина дома у мусульман.

Праздник Жертвоприношений — имеется в виду мусульманский праздник Ид.

Стр. 378. *Михраб* — ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

Стр. 379. *Сабармати* — река в Индии.

Стр. 388. *Лунги* — индийская одежда, кусок ткани, оборачиваемый вокруг бедер.

Стр. 397. *Махатма* (букв. Великая душа) — титул мудрецов.

Стр. 399. *Ом!* — священное восклицание.

Стр. 404. *Сиддхартха* (букв. Достигнувший цели) — имя Будды.

Стр. 414. *Карна* — сводный брат пяти пандавов («Махабхарата»). Бог Индра даровал ему смертоносное копьё.

Стр. 415. *Камини* — голубоватый цветок.

Гонгосиули — разновидность жасмина (ория).

Стр. 439. *Айодхья* — столица царства Рамы («Рамаяна»).

Стр. 442. *Смазливый распутник с флейтой* — шутливый намек на бога Кришну.

Стр. 444. *Свами* — здесь: обращение к богу, буквальное значение — господин.

Стр. 451. *Андхра* — штат на юге Индии.

Стр. 452. *Брахманы, кшатри, вайшьи, шудры* — четыре варны (сословия) древней Индии: *брахманы* — сословие жрецов, *кшатри* — сословие воинов и правителей, *вайшья* — торговцы и ремесленники, *шудры* — слуга, рабы.

Стр. 470. *Рескин Джон* (1819—1900) — английский писатель, теоретик искусства.

Стр. 475. *Гоблин* — привидение.

Стр. 483. *Шраван* — месяц индийского календаря (июль — август).

Стр. 504. *Нагарджун* — поэт, пишущий на хинди. Его стихи представлены в первом томе.

КРАТКИЕ СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

Баруа Хем (Канта, 1915—1977). Родился в Джорхате. Работал директором колледжа. Опубликовал книги по истории, географии. Наиболее известны его поэтические сборники «Песчинки» (1959), «Павлин мысли» (1965). Пишет на ассамском языке.

Бальвант Бава (1915). Родился в Нестах под Амритсаром. Автор многочисленных поэтических сборников: «Великий танец» (1941), «Бессмертная песня» (1942), «Вулкан» (1943), «Ароматный ветер» (1959) и др. Пишет на панджабском языке.

Уль-Эман Ахтар (1915). Родился в Киле Биджнауре. Учился в деревенской мусульманской школе, в университетах Дели и Алигарха. Широко практикует свободный стих. Автор сборников «Водоворот» (1941), «Мрачная планета», «Струющийся ручей», «Память». В 1962 г. удостоен премии СА (Литературной Академии). Пишет на языке урду.

«Вафа» Прабху (Чугани Прабху Джотумал, 1915). Родился в Пунджудеро (ныне в Пакистане). Учился в Бомбейском университете. Состоял на государственной службе. Автор трех стихотворных сборников. Лауреат премии СА (1981). Пишет на языке синдхи.

Нарасимхасвами К.-С. (Киккери Суббарао, 1915). Родился в Киккери. Был государственным служащим. Поэт, прозаик. Автор более 20 книг, в том числе поэтических сборников «При свете» (1947), «Открытая дверь» (1976) и др. Лауреат премии СА. Пишет на языке каннада.

Камбадасан (1916—1973). Поэт, драматург. Автор двух стихотворных сборников. Известен как детский писатель. Писал на тамильском языке.

Дильгир Хари (Дарьяни, 1915). Родился в Ларкана (ныне в Пакистане). Образование получил в Бомбейском университете. Директор Политехнического колледжа в Адипуре. Опубликовал 12 стихотворных сборников, среди которых «Ветвь» (1941), «Звук шагов» (1977), «Странствующие звуки». Лауреат премии СА. Пишет на языке синдхи.

Сафир Притам Сингх (1916). Родился в Малакпуре.

Учился в Панджабском университете. Автор нескольких сборников стихов. Пишет на панджабском языке.

Надим Дина Натх (1916—1988). Родился в Сринагаре. Там же учился в колледже. Работал учителем, директором средней школы. Первоначально писал на английском и урду. С 1946 г. стал писать на кашмирском языке. Лауреат премии СА и премии Дж. Неру. Публиковался в журналах.

Муктибодх Гаджанан Мадхав (1917—1964). Родился в Гвалноре. Систематического образования не получил. Жил и умер в крайней нищете. Поэт, прозаик, критик, не имел прижизненных книжных публикаций. Первая книга стихов «Лицо луны — кривое» вышла в 1964 г. В 1971 г. издана книга «Эстетика новой литературы», в 1985 г. — «Сочинения Муктибодха» в шести томах. Писал на языке хинди.

Варияр Кришна Н.-В. (1917—1989). Родился в Нерувишшере (Керала). Работал журналистом, старшим преподавателем в санскритской школе. Был директором Керальского государственного института языков. Лауреат премий СА и Дж. Неру. Автор сборников стихов «Длинные стихи» (1948), «Маленький Томман» (1955) и др. Писал на малаяльском языке.

Трилочан (Сингх Васудев, 1917). Родился в Султанпуре (Уттар-Прадеш). Получил филологическое образование. Является издателем ряда литературно-художественных журналов. Выпустил шесть поэтических сборников, из которых наибольшую известность получили «Земля» (1945), «Слова» (1980), «Расплавленные зноем дни» (1980). Последний сборник удостоен премии СА. Пишет на языке хинди.

Адига М. Гопалакришна (1918). Родился в Могери. Окончил Майсурский университет. Служил в разных колледжах преподавателем и директором. Издатель журнала «Свидетель». Автор поэтических книг «Волна чувств» (1946), «Песня земли» (1959), «Пройденный путь» (1972). Лауреат премии СА. Пишет на языке каннада.

Кайфи Азми (Сайяд Ахтар Хусейн, 1918). Родился в Азамгархе. Учился в Аллахабадском и Лакхнауском университетах. Занимался журналистикой. Писал киносценарии. Опубликовал сборники стихов: «Звон» (1941), «Предраассветье» (1948), «Странники» (1974). Лауреат премии СА. Пишет на языке урду.

Карандикар Винда (Карандикар Говинд Винаяк, 1918). Родился в Дхалвале. Учился в Бомбейском университете. Преподавал английский язык в колледже. Поэт, эссеист, переводчик мировой классической литературы. Автор поэтических сборников «Ганга — река пота» (1949), «Запах земли» (1954), «Дхрупад» (1959), «Гороскоп» (1968) и др. Лауреат премии Дж. Неру. Пишет на маратхском языке.

Раутрай Сочи (Раутрай Сочиданондо, 1916). Родился в Гуруджанге. Работал директором научно-исследовательского центра Диганта. Президент Литературной академии штата Орисса. Лауреат премий СА и Дж. Неру. Автор сборников стихов: «В дороге» (1931), «Поиски» (1938), «Сельские красавицы» (1941), «Манускрипт» (1947), «Земля Бханумати» (1949) и др. Пишет на языке ория.

Мадгулькара Г.-Д. (1919—1978). Поэт-лирик, придерживавшийся классических традиций. Большая часть его стихотворений, положенных на музыку, широко используется в кинофильмах. Наиболее известен сборник «Мелодия» (1956). Лирический цикл «Гита—Рамайна» (1955) в течение года еженедельно звучал по Всендийскому радио. Писал на маратхском языке.

Матхур Гириджа Кумар (1919). Родился в Ашокенаре (Мадхья-Прадеш). Учился в Лакхнауском университете. В качестве сотрудника Всендийского радио много путешествовал по Европе. Автор многочисленных поэтических сборников, среди которых наиболее известны «Разрушение и созидание» (1946), «Солнечный рис» (1955), «Сверкающие каменные крылья» (1961), «Путешествие по потаенной реке» (1975). Пишет на языке хинди.

Мукерджи Шубхаш (Мукхопаддхай, 1919). Родился в Кришнанагаре. Учился в Калькуттском университете. Редактировал ряд литературных журналов. Автор более 50 книг, среди которых поэтические сборники: «Пешеход» (1940), «Наброски» (1946), «Сын ушел в лес» (1973) и др. Лауреат премии СА. Пишет на бенгальском языке.

Притама Амрита (1919). Родилась в Гуджранвале (ныне в Пакистане). Автор многочисленных романов, сборников рассказов и стихов. Лауреат премий Джьянпитх и СА. Сборники стихов: «Камни и камешки» (1945), «Бумага и перо» (1970), «Ты — я» (1977); романы: «Доктор Дев» (1949), «Клетка» (1950), «Призыв» (1960), «Жила-была Анита» (1963), «Тринадцатое солнце» (1978). Пишет на панджабском языке.

Султанпури Маджрух (Асрар Хасан Хан, 1919). Родился в Азамгархе. Автор сборника «Газели урду» (1953), множества журнальных публикаций. Пишет на языке урду.

Джоши Суреш (Харипрасад, 1920—1986). Родился в Валлоде. Окончил Бомбейский университет. Преподавал гуджаратский язык в университете. Опубликовал сборники рассказов, эссе, поэтическую книгу «Племя» (1957). Известен как переводчик Тагора на гуджаратский язык.

Валликаннан (Кришнасвами Р.-С., 1920). Родился в Раджаваллипураме. Автор рассказов и романов. Стихи публиковались во многих журналах Тамилнада. За свою литературно-критическую

работу «Появление и развитие новой поэзии» получил премию СА (1978). Пишет на тамильском языке.

Муктибодх Шаратчандра Мадхав (1921—1984). Родился в Индоре. Занимался преподаванием, юридической практикой, журналистикой. Преподавал маратхский язык. Сборники стихов: «Новый путь» (1950), «Пилигрим» (1957). Лауреат премии СА по разделу литературной критики. Писал на маратхском языке.

Кумар Шив К. (1921). Родился в Паттоки (ныне в Пакистане). Окончил Панджабский университет и аспирантуру в Кембридже. Преподавал английский язык в университетах Индии, Англии, США. Автор 15 книг, в том числе поэтических сборников «Молчи отчетливо» (1970), «Паутина на солнце» (1974), «Отговорки» (1976). Пишет на английском языке.

Шельке Шанта (Джанардан, 1921). Родилась в Индапуре. Преподает маратхский язык в колледже. Опубликовала стихотворные сборники «Дождь», «Татуировка», множество рассказов. Пишет на маратхском языке.

Тилак Балагангадхар (Девераконда, 1922—1966). Родился в Тануку. Несмотря на свою короткую жизнь, оказал большое влияние на развитие поэзии телугу. За сборник «Ночь, которая струилась амритой» (1970) посмертно получил премию СА.

Ариб Сулейман (1922). Родился в Хайдерабаде. Получил среднее образование. Профессиональный литератор. Был редактором ряда литературных журналов. Руководитель хайдерабадского отделения Ассоциации прогрессивных писателей Индии. Публикуется в журналах. Издал отдельный сборник «Веревка на шее» (1961). Пишет на языке урду.

Лудхианви Сахир (1922—1981). Родился в Лудхиане. Писал песни для кинофильмов. Автор сборника стихов «Тени» (1956). Писал на языке урду.

Бапат Васант (Ваман, 1922). Родился в Караде. Учился в Бомбейском университете. Преподавал в колледже маратхский и санскрит. Сборники стихов: «Молния» (1950), «Мост» (1957), «Одиннадцатое направление» (1962). Пишет на маратхском языке.

Шьям Нараян (Нагвани, Нараян Гокулдас, 1922—1989). Родился в местечке Кхаки Касим (ныне в Пакистане). Учился в Бомбейском университете. Автор семи поэтических книг. Лауреат премии СА. Писал на языке синдхи.

Реге Садананд (1923—1982). Новеллист, поэт, переводчик. Преподавал английский язык в колледже. Автор пяти поэтических книг, среди которых наиболее известен сборник «Лиана слов» (1957). Лауреат премии Дж. Неру. Писал на маратхском языке.

Бхатта В.-Г. (Вишну Говинд, 1923). Родился в Кадтока.

Окончил Бомбейский университет. Опубликовал более 10 книг, в том числе поэтические сборники «Палаяна» (1946), «Пригоршня крови» (1946), «Муки поэзии» (1951). Пишет на языке каннада.

Саксена Раджив (1923). Родился в Джханси. Поэт, прозаик, переводчик. Генеральный секретарь Ассоциации прогрессивных писателей Индии. Автор поэтических сборников «Песни расвета» (1941), «Самоотречение». Лауреат премии Дж. Неру. Пишет на языке хинди.

Эзекииль Ниссим (1924) — поэт, критик. Был директором бомбейского театрального союза. Преподавал английский язык в колледже искусств в Бомбее. Автор многих сборников стихов. Среди них: «Время меняться» (1952), «Шестьдесят стихотворений» (1953), «Змеиная кожа» (1974) и др. Пишет на английском языке.

Рахи Рахман (Абдул Рахман Рахи, 1924). Родился в Вазапуре. Изучал языки урду и персидский, а также английский. Преподавал персидский язык в Кашмирском университете. Лауреат премии СА. Автор ряда стихотворных сборников. Пишет на кашмирском языке.

Моханти Гуру Просад (1924). Родился в Нагабали. Образование получил в Уткальском университете. Работал преподавателем и директором в разных колледжах. Сборники стихов: «Новые стихи» (1953), «Морское купанье» (1970). Лауреат премий СА и Дж. Неру. Переводил стихи русских, советских поэтов. Пишет на языке ория.

Чокроборти Нирендронатх (1924). Родился в Чандре (ныне в Бангладеш). Учился в Калькуттском университете. Занимался журналистикой. Лауреат многих премий, в том числе и СА. Сборники стихов: «Темная веранда» (1961), «Голый король» (1971). Пишет на бенгальском языке.

Шад Арджан (Мирчандани Арджан Гобиндрам, 1924). Родился в Суккуре (ныне в Пакистане). Преподавал язык синдхи в колледже. Пишет на языке синдхи. Лауреат премии Дж. Неру.

Бхотточарджо Шуканто (1926—1947). Родился в Калькутте. Систематического образования не получил. Два сборника стихов «Бессонный» и «Паспорт» (1947) вышли посмертно. Несмотря на короткую жизнь, успел внести значительный вклад в развитие современной бенгальской поэзии. Писал на бенгальском языке.

Каннадасан (1926—1981). Родился в Сирукудапатти в Рамнаде. Работал журналистом. Как поэт предпочитал традиционную манеру. Автор сборника стихов «Стихи Каннадасана» (1968). Писал на тамильском языке.

Сукхбир (1926). Родился в Бомбее. Работал журналистом.

Опубликовал несколько сборников стихов. Переводит на панджабский язык произведения Толстого, Горького, Шолохова, Паустовского и др. Пишет на панджабском языке.

Бхарати Дхармавир (1926). Родился в Аллахабаде. Там же получил высшее образование, преподавал язык хинди в университете. Поэт, прозаик, критик. Из поэтических произведений наибольшую известность получила драма «Слепой век» (1954). Пишет на языке хинди.

Баруа Наваканта (1926). Родился в Гаухати. Преподавал английский язык. Переводил Пушкина. Лауреат премии Дж. Неру. Сборники стихов: «Лес и мегаполис» (1951), «Мне и земле» (1973). Лауреат премии СА. Пишет на ассамском языке.

Шиварудраппа (Гуггари Шанчавараппа, 1926). Родился в Исуре. Образование получил в Майсурском университете. Преподавал язык каннада в этом университете. Директор центра изучения языка каннада. Сборники стихов: «Любовь и красота» (1953), «Бог—архитектор» (1954). Пишет на каннада.

Саксена С.-Д (Сарвешвар Даял, 1927—1983). Родился в деревне Басти (Уттар-Прадеш). Окончил Аллахабадский университет. Занимался журналистикой. Поэт, драматург, прозаик. Выпустил более 20 книг. Среди них — поэтические сборники «Пустая лодка» (1966), «Жаркие ветры» (1969), «Избранное» (1984). Писал на языке хинди.

Дашаратхи (Кришнамачарьялу, 1927). Родился в Гудуре. Учился в Османском университете. Профессиональный поэт, работающий на кинематограф. Написал около 2000 песен. Автор десятиков поэтических сборников, в том числе «Сто стихов Дашаратхи» (1962). Лауреат премии СА. Пишет на языке телугу.

Алви Мухаммад (1926). Родился в Ахмедабаде. Учился в Ахмедабаде и Дели. Пишет в традиционных жанрах. Опубликовал три сборника стихов: «Пустой дом» (1963), «В поисках последнего дня» (1968), «Третья книга» (1978). Пишет на языке урду.

Шарма Шешендра (Гунтуру, 1927). Родился в Нагараджупаду. Преподаватель. Автор сборников стихов «Моя страна», «Мой народ», «Море — мое имя», «Жгучее солнце». Пишет на телугу.

Ахтар Джан Нисар (1928). Автор поэм «Раскрытый секрет», «Пять портретов», «Голос планет» и нескольких сборников стихов. Последний сборник — «Поздней ночью». Пишет на языке урду.

Ваялар Рамаварма (1928—1975). Родился в Ваяларе. Окончил колледж. Активный участник движения прогрессивных писателей. Написал большое число песен для кинофильмов. За сборник «Музыка творчества» получил в 1961 г. премию СА. Сборники

стихов: «Следы шагов», «Четки и священный шнур», «Бамбуковая роша», «Отзвучавшие песни», «Я бессмертен», поэма «Айша» и др. Писал на языке малаялам.

Баруа Аджит (1928) — поэт. Стихи представлены в ряде антологий, выпущенных Индийской Литературной академией. Сочетает в своем творчестве традиции романтической школы с влиянием современной англо-американской поэзии. Пишет на ассамском языке.

Ханфи Амник (Абдул Азиз, 1928). Родился в Мхоу. Образование получил в городе Агра. Работал на Всеиндийском радио. Сборники стихов: «Песня вздохов» (1956), «Каменная накидка» (1958), «Дерево звуков» (1975). Пишет на языке урду.

Канави Ченнавира (Сакраппа, 1928). Родился в Хомбале. Окончил Карнатакский университет. Работает в административной службе Карнатака. Сборники стихов: «Отзвук жизни» (1969), «Тень в городе» (1974). Лауреат премии СА. Пишет на каннада.

Пани Шириш (Вьянкатеш, 1929). Родился в Пуне. Учился в университетах Пуны и Бомбея. Занимается журналистской деятельностью. Сборник стихов «Сезон дождей» (1969). Пишет на маратхском языке.

Сахай Рагхувир (1929). Родился в городе Лакхнау (Уттар-Прадеш). Там же окончил университет. Известный журналист, литературный критик. Опубликовал более десяти книг. Основные поэтические сборники: «Против самоубийства» (1967), «Смейся, смейся» (1975), «Люди забыли» (1982). Автор переводов Шекспира на хинди.

Падгаонкар Мангеш (Кешав, 1929). Родился в Венгурле. Окончил Бомбейский университет. Работал редактором, мировым судьей. Лауреат премии СА. Сборник стихов «Танец ливня» (1950). Пишет на маратхском языке.

Рамануджан А.-К. (Аттипат Кришнасвами, 1929). Родился в Майсуре. Окончил Майсурский университет, продолжил образование в США. Преполагает дравидийские языки в Чикагском университете. Автор 15 книг. Основные поэтические сборники: «Внутренний пейзаж» (1967), «Родство» (1971), «Говоря о Шиве» (1972). Пишет на английском языке и на каннада.

Кальянасандарам Паттукотей (1930—1959). Родился в Сенгападуттан Каду. Отец его был народным певцом. Известен как автор популярных песен, многие из которых исполнялись в кинофильмах. Сборник его стихов «Песни народного поэта Паттукотей Кальянасандарам» был опубликован в 1965 г. Многократно переиздавался. Писал на тамильском языке.

Праху Арати (Ч.-Т. Кхалонкар, 1930—1976). Родился в городе Венгула. Поэт, прозаик. Автор поэтических сборников

«Милостыня» (1959), «Сумерки» (1962), «Подарок звезд» (1975). Писал на маратхском языке.

Рампури Гурчаран Сингх (1930). Родился в Рампуре. Автор поэтических сборников «Запах пшеницы» (1953), «Клятва» (1960), «Гнездо, сплетенное из лучей» (1960), «Тупик» (1972). Пишет на панджабском языке.

Варма Шрикант (1931—1986). Родился в Биласпуре Мадхья-Прадеш). Учился в университете Нагпура. Занимался журналистикой, издательской деятельностью. Был членом верхней палаты Парламента Индии. Опубликовал два сборника рассказов, роман, ряд поэтических сборников, в их числе «Блуждающее облако» (1955), «Волшебное зеркало» (1967), «Магадха» (1984). Писал на языке хинди.

Редди Нараяна (1931). Родился в Хануманджипете. Окончил Османский университет, где в настоящее время преподает язык телугу. Автор нескольких десятков книг. Наиболее известные стихотворные сборники «Пламя и человек» (1970), «Улыбка среднего класса», «Пролог» (1977). Лауреат премий СА и Дж. Неру. Пишет на языке телугу.

Ротхо Ромаканто (1931). Родился в Каттаке. Окончил Уткальский университет. Сделал карьеру на государственной службе: секретарь Главного министра штата Орисса. Автор четырех стихотворных сборников: «Далекие дни» (1962), «Много комнат» (1967), «Сомнительная охота» (1971), «Седьмой сезон» (1977). Лауреат премии СА. Пишет на языке ория.

Куруп О.-Н.-В. (1931). Родился в деревне Чавара (Керала). Первый сборник стихотворений «Сражающаяся красота» опубликован в 1950 г. Всего опубликовал более 10 сборников («Рожденные в борьбе», «Я люблю тебя» и др.). В 1978 г. побывал в СССР. Лауреат премии Литературной академии Кералы и СА. Пишет на языке малаялам.

Бхатточарджо Хирен (1932). Родился в Джохарте. Занимался типографским делом. Активный член Ассоциации прогрессивных писателей Индии. Основные стихотворные сборники: «Стихи разных лет» (1974), «Песня» (1977). Пишет на ассамском языке.

Падманабан Нила (1932). Родился в Тривандруме. Получил инженерное образование в Керальском университете. Известен прежде всего как автор психологических романов. Опубликовал поэтический сборник «Стихи Нила Падманабана» (1975). Пишет на тамильском языке.

Рахи Кришин (1932). Родился в Ларкана. Учился в Бомбейском университете. Государственный служащий. Автор сборника стихов «Кумач» (1961), отмеченного премией СА. Пишет на языке синдхи.

Бхат Суреш (1932). Автор многочисленных газелей, опубликованных в литературных журналах. Отдельных поэтических сборников не имеет. Пишет на маратхском языке.

Гхош Шонкхо (1932). Родился в Чандпуре (ныне в Бангладеш). Окончил Калькуттский университет. Занимается преподаванием. Основные поэтические сборники: «Те дни, те ночи» (1956), «Тени в глубине» (1967), «Мольбы Бабура» (1976). Лауреат премии СА. Пишет на бенгальском языке.

Чоттопаддхай Шокти (1933). Сотрудничает в журнале «Ананда базар патрика». Поэт, прозаик. Лауреат премии СА. Пишет на бенгальском языке.

Дашгупто Алокеронджон (1933). Родился в Калькутте. Окончил Калькуттский университет. Преподавал бенгальский язык в Индии и ФРГ, затем занялся творческой работой. Поэт, драматург, критик. Автор стихотворного сборника «Узоры на гильотине» (1977). Пишет на бенгальском и английском языках.

Бардолои Нирмал Прабха (1933). Родилась в Сибсагаре. Окончила университет в Гаухати. Преподаватель. Опубликовала семь книг, в том числе стихотворные сборники «Цвет кузнечика» (1967), «День за днем» (1977). Пишет на ассамском языке.

Партасарати Раджагопал (1934). Родился в Тамилнаде. Учился в Бомбейском университете. В настоящее время живет в Мадрасе, является представителем и редактором издательства «Оксфорд юниверсити пресс». Опубликовал сборник стихов «Плавание по бурному морю» (1977). Пишет на английском языке.

Кумари Сугата (1934). Родилась в Тривандруме. Окончила Керальский университет. Работала преподавателем, директором колледжа. Автор сборников: «Бедное человеческое сердце» (1968), «Ночные цветы» (1977). Пишет на языке малаялам.

Синх Кедарнатх (1934). Родился в деревне Чакия (Уттар-Прадеш). Получил высшее филологическое образование в Бенаресе. Занимается преподавательской и литературно-критической деятельностью. Выпустил четыре стихотворных сборника: «Сейчас» (1960), «Земля уцелеет» (1980), «Взгляни отсюда» (1983), «Избранное» (1985). Пишет на языке хинди.

Ваджпей Кайлаш (1934). Родился в Хамирпуре (Уттар Прадеш). Преподаватель языка и литературы хинди. Автор поэтических книг «В стороне от смерти» (1963), «Переход» (1964). Пишет на языке хинди.

Кумар Паши (1935). Родился в Лахоре. Новеллист, драматург, автор стихотворных сборников «Голос давних времен» (1966), «Веселое путешествие» (1972), цикла газелей. Редактор литературного журнала «Строки». Пишет на языке урду.

Ризви Зубейр (1935). Родился в Амрохе. Окончил Де-

лийский университет. Радиожурналист, один из руководителей Всеиндийского радио. Автор стихотворных сборников «Волны» (1964), «Путешествие в ночи» (1977), «Старые предания» (1988) и др. Пишет на языке урду.

Тхсикар Лабхашанкар (1935). Родился в Сандла (Саураштра). Врач, сторонник традиционной медицинской системы «Аюрведы». Поэт, драматург, автор двух романов. Пишет на гуджаратском языке.

Дхумил (Судамы Пандей, 1936—1975). При жизни поэтических книг не издавалось. Посмертно вышли сборники «От парламента до улицы» (1975), «Стихотворения Дхумила» (1983), «Демократия Судамы Панде» (1983). Писал на языке хинди.

Шахрияр (Ахлак Мохаммад Хан, 1936). Родился в Аанолле. Окончил Алигархский мусульманский университет. Преподает язык урду. Автор поэтических сборников «Седьмая дверь» (1969), «Время хиджры» (1978). Пишет на языке урду.

Дас Джогоннатх Просад (1936). Родился в Пури. Окончил Аллахабадский университет. Живописец, драматург, поэт. Директор департамента в министерстве торговли. Автор поэтических сборников «Первый человек» (1971), «Другие смерти и другие стихи» (1976), «Каждому — одиночество» (1979). Пишет на языке ория.

Бхатия Комал Лакшман (1936). Родился в Навабшахе (ныне в Пакистане). Окончил Делийский университет. Журналист. Опубликовал сборник «Газели» (1960), перевел стихи Маяковского на язык синдхи. Лауреат премии СА и имени Дж. Неру.

Баласубраманьян Сирпа (1936). Родился в Атуполлачи. Профессор тамильского языка и литературы в колледже. Поэт, новеллист. Автор поэтических книг «Мелкие жемчужины» (1968), «Жертвоприношение» (1976) и др. Пишет на тамильском языке.

Баталви Шив Кумар (1937—1973). Поэт, автор ряда стихотворных сборников. Лауреат премии СА (1967). Писал на панджабском языке.

Брахмабхатт Анируда (1937—1981). Родился в Патне. Профессор языка гуджарати в художественном колледже в Билиморе. Поэт, критик, эссеист, переводчик. Писал на языке гуджарати.

Мохапатро Ситаканта (1937). Родился в Маханга. Образование получил в Аллахабадском университете, затем в Кембридже. Автор стихотворных сборников «Свет и блеск» (1963), «Восемь ступенек» (1967), «Море» (1977), «Река на картинке» (1979). Лауреат премии СА. Пишет на языке ория, на английском.

Мешрам (Танаджи) Кешав (1937). Поэт, прозаик, критик. Возглавляет кафедру маратхи в колледже Бомбея. Автор

стихотворных сборников «Раскопки», «Состязание поэтов», «Внезапно». Лауреат многочисленных литературных премий штата Махараштра. Пишет на маратхском языке.

Дарувалла Кеки Н. (1937). Родился в Лахоре. Окончил Панджабский университет. Поэт, новеллист. Автор стихотворных сборников: «Под Орноном» (1970), «Слияние рек» (1976). Пишет на английском языке.

Чоудхури Рагхувир (1938). Преподаватель языка хинди в Гуджаратском университете. Поэт, драматург, критик. Лауреат премии СА. Пишет на гуджаратском языке.

Барик Сауриндро (Натх, 1938). Родился в Барипада. Окончил Уткальский университет. Преподаватель английского в колледже. Автор стихотворного сборника «Первое определение» (1975). Пишет на языке ория.

Мира (Раджендиран М., 1938). Поэт-сатирик. Автор стихотворного сборника «Иглы». Пишет на тамильском языке.

Читре Дилип (1938). Родился в Бароде. Автор сборника «Стихи» (1960). Пишет на маратхском языке.

Патель Раваджи (1939—1968). Родился в Бхатпуре. Получил среднее образование в Ахмедабаде. Опубликовал сборник стихов, два романа, сборник рассказов. Писал на гуджаратском языке.

Тамкант Шаз (1939—1985). Видный представитель современной поэзии на урду. Публиковался в литературных журналах.

Сомдатт (Гарг Сомдатт, 1939—1989). Поэт, прозаик. Автор стихотворных сборников «Миллиарды историй» (1980), «Из кладовой предков» (1986). Писал на языке хинди.

Вимал Ганга Прасад (1939). Поэт, прозаик. Преподает в Делийском университете. Автор сборников стихов «Дерево бодхи» (1983), «Старые мелодии» (1984). Пишет на языке хинди.

Патил Чандрашекхар (Басаварадж, 1939). Родился в Хаттиматтуре. Учился в Карнатакском университете, затем в Англии. Преподаватель английского языка. Поэт, драматург. Автор ряда поэтических сборников «Голос» (1960), «Памяти Ганди» (1976) и др. Пишет на языке каннада.

Нагнамуни («Нагой мудрец») — под этим псевдонимом выступил поэт Манепалли Хриши Кешава Рао (1939) в сборниках, выпущенных в 1965—1970 гг. шестью молодыми поэтами, назвавшими себя «дигамбара» («обнаженные»). Писал на языке телугу.

Мисро Дипок (1939). Родился в Кендрапара. Окончил Аллахабадский университет. Преподаватель истории в колледже. Автор ряда стихотворных сборников; наиболее известны: «Седьмой мир» (1977) и «Дикий бык» (1979). Пишет на языке ория.

Вашвани Хареш (Хансрадж, 1939). Родился в Лоралои.

Окончил мусульманский университет в Алигархе. Поэт, новеллист, критик. Печатает свои произведения в журналах. Пишет на языке синдхи.

К х а р е В и ш н у (1940). Родился в Чхиндваре. Окончил университет Викрам. Преподавал английский язык в различных колледжах. Основные поэтические сборники: «Стихи Вишну Кхаре» (1971), «Собственными глазами» (1978), «Острые времени» (1980). Пишет на языке хинди.

Ф а з л и Н и д а (1940). Родился в Гвалиоре. В настоящее время пишет стихи для киностудий Бомбея. Опубликовал два сборника: «Мост из слов» (1969), «Танец павлина» (1979). Пишет на языках хинди и урду.

Т и в а р и В и ш в а н а т х П р а с а д (1940). Родился в Вехари. Окончил Горакхпурский университет, там же преподает хинди. Поэт, литературный критик. Автор поэтических книг «Шагая вместе» (1976), «Ради лучшего мира» (1985). Пишет на языке хинди.

В а д ж п е й и А ш о к (1941). Родился в Дурге. Окончил Делийский университет. Состоит на государственной службе. Является редактором альманаха «Объединение», публикующего новинки в литературе хинди. Автор стихотворных сборников: «Город сейчас возможен» (1966), «Змей в бесконечности» (1984), ряда критических статей. Пишет на языке хинди.

М е х т а С и т а н ш у Я ш а ч а н д р а (1941). Родился в Бхудже. Образование получил в Бомбее и в США. Редактор издания «Литературная энциклопедия», осуществляемого СА. Автор сборника стихов и нескольких сборников эссе. Пишет на гуджаратском языке.

М о х о п а т р о Л а к ш м и Н а р а я н (1942). Родился в Фази, Орисса. Работал журналистом. Опубликовал несколько сборников стихов, также переводы стихов русских и советских поэтов. Лауреат премии Дж. Неру.

Б х а й р а в а й я («Шива неистовый») — под этим псевдонимом выступал Ман Мохан Сахай (1943), в 60-х гг. входивший в поэтическую группу «дигамбара». Писал на языке телугу.

Н и к х и л е ш в а р («Повелитель вселенной») — под этим псевдонимом выступал Ядава Редди (1943), в 60-х годах входивший в поэтическую группу «дигамбара». Пишет на языке телугу.

Т х а к у р Х и р о (Джетхалал, 1943). Родился в Хайдерабаде. Учился в университете Пуны. Опубликовал сборник стихов. Пишет на языке синдхи.

Д ж в а л а м у к х и («Огнееликий») — под этим псевдонимом выступал Акарам Виравелли Рагхавачарьюлю (1944), в 60-х гг. во-

дивший в поэтическую группу «дигамбара». Пишет на языке телугу.

Раджу Черабанда («Царь тюремной скалы») — под этим псевдонимом выступал Баддам Бхаскара Редди (1944), в 60-х гг. входивший в поэтическую группу «дигамбара». Пишет на языке телугу.

Пандей Горакх (1945—1989). Автор поэтического сборника «Пробудитесь, спящие!» (1983). Писал на языке хинди.

Махасвапна («Великая мечта») — под этим псевдонимом выступал Каммисетти Венкатешвара Рао (1945), в 60-х гг. входивший в поэтическую группу «дигамбара». Пишет на языке телугу.

Тендулькара Рамеш (1945). Опубликовал более 40 стихотворений в различных журналах. Пишет на языке маратхи.

Метта М. (Мухаммад, 1945). Опубликовал сборник стихов «Слезный цветок». Пишет на тамильском языке.

Мехротра Арвинд Кришна (1947). Родился в Лахоре. В данное время преподает английскую литературу в Аллахабадском университете. Автор сборника стихов «Средиземье» (1984). Пишет на английском языке.

Нанди Притиш (1947). Родился в Бхагалпуре. Опубликовал ряд поэтических сборников, в том числе «Поэзия Притиша Нанди» (1973), «Читая по ночной реке» (1975), «Улица одинокой песни» (1975). Пишет на английском языке.

Дабрал Манглеш (1948). Редактор воскресного приложения к газете «Демократия». Автор трех книг, в том числе сборника стихов «Фонарь на вершине горы» (1981). Пишет на языке хинди.

Бхардвадж Винод (1948). Родился в Лакхнау. Получил образование в Лакхнауском университете. Известен как журналист. Автор стихотворного сборника «Горящий дом» (1980) и двух сборников статей о поэзии, искусстве, кино. Пишет на языке хинди.

Джайн Нарендра (1948). Автор трех поэтических сборников, в том числе «Открывается дверь» (1980), «Я — камень» (1982). Пишет на языке хинди.

Нагар Вишну (1950). Занимается журналистикой. Автор четырех книг поэзии и прозы, среди которых сборник «Мир изменится» (1982). Пишет на языке хинди.

Пракаш Удай (1952). Поэт и критик. Лауреат премии имени Бхаратбхушана для молодых литераторов. Автор книги «Слушай, мастеровой!» (1980). Пишет на языке хинди.

Джанвиджай Анил (1957). Поэт, переводчик русской советской поэзии. Автор сборника «Это не только поэзия» (1982). Пишет на языке хинди.

Гил Гаган (1958). Занимается журналистикой и поэтическими переводами. Пишет на языке хинди.

Шривастав Свапнил (1952). Лауреат поэтической премии Бхаратбхушана. Автор сборника «Всевышний как посох» (1982). Пишет на языке хинди.

Дас Дэб Кумар. Современный индийский поэт. Пишет на английском языке.

СПИСОК КОНВЕНЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО I—II тт.

- Кайфи Азми. «Незнакомка» © Кайфи Азми, 1974
Мухаммад Алви. Все стихи. © Мухаммад Алви, 1978
Пурипанда Аппаласвами. Все стихи, кроме «Рай и ад» © Пурипанда Аппаласвами, 1976; «Рай и ад» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1981
Сирпи Баласубраманьян. Все стихи © Сирпи Баласубраманьян, 1976.
Васант Бапат. «Три стихотворения» © Сахитья академи, 1980
Суариндро Барик. «Поэзия или молчание» © Сауриндро Барик, 1989
Аджит Баруа. «Две медных арги» © Сахитья академи, 1980
Дэвкант Баруа. «Видала ли ты океан», «Дэвадаси», «О моя прекрасная» © Сахитья академи, 1980
Наваканта Баруа. «Наброски» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1981; «Напросившийся» © Сахитья академи, 1980
Хем Баруа. «Змея» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1981
Тиратх Басант. «Мечты» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз; «Я, я, я» © Сахитья академи, 1980
Д. Р. Бендре. «Мираж», «Птица времени» © Д. Р. Бендре, 1985
Винод Бхардвадж. Все стихи © Винод Бхардвадж, 1980
В. Г. Бхатта. Все стихи © В. Г. Бхатта, 1985
Хирен Бхаттачарджо. Все стихи © Хирен Бхаттачарджо, 1985
Ашок Ваджпен. Все стихи © Ашок Ваджпен, 1984, 1986
Валликаннан. «Поток» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985; «Стоит над этим задуматься» © Сахитья академи, 1980
Шрикант Варма. Все стихи © Шрикант Варма, 1984
Прабху «Вафа». «Моей благоуханной» © Сахитья академи, 1980
Хареш Вашвани. «Они восстали против своего бастардства» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980; «Интродукция к печали и счастью» © Сахитья академи, 1980
Гангапрасад Вимал. Все стихи © Гангапрасад Вимал, 1983
Гаган Гил. Все стихи © Гаган Гил, 1984

- В. К. Гокак. «Пригоршня пыли», «Сезон дождей в Виснагаре»
© В. К. Гокак, 1980
- Шонкхо Гхош. «Возрождение» © Шонкхо Гхош, 1983
- Кеки Н. Дарувалла. Все стихи © Оксфорд юниверсити пресс, 1982
- Джогоннатх Просад Дас. «Попрошайка» © Джогоннатх Просад Дас, 1989
- Алокеронджон Дашгупто. Все стихи © Алокеронджон Дашгупто, 1983
- А. Р. Дешпанде (Авил). «Спутник» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985; «Беременная», «Драма», «Опять» © Сахитья академи, 1980
- Н. Г. Дешпанде. «Что за мука меня гнетет» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985; «После дневных тягот», «Девушка все танцует» © Сахитья академи, 1980
- Нарендра Джайн. Все стихи © Нарендра Джайн, 1980, 1982
- Хари Дильгир. «Вечная молодость» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980; «Песни» © Сахитья академи, 1980
- Бишну Дэ. Все стихи © Бишну Дэ, 1983
- Камбадасан. «Время» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980
- В. Р. Кант. «Камень, давший огонь» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Винда Карандикар. «Гимн ваджры» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985; «Небо очень тяжелое» © Сахитья академи, 1980
- Лакшман Бхатъя Комал. «Отрубленная рука Улугбека» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980
- Девулапалли Кришнашастри. «Став листком среди листьев», «Не зови меня зайти» © Д. С. Шастри (Буджаджи), 1983
- Вишну Кхаре. «Пытаюсь понять» © Вишну Кхаре, 1980
- М. У. Малкани. «Музыка и красота» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980
- Гириджа Кумар Матхур. Все стихи © Гириджа Кумар Матхур, 1975
- Кешаб Маханта. «Пустой кувшин» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1981
- М. Метта. Все стихи © Маллнка, 1984
- А. К. Мехротра. Все стихи © Оксфорд юниверсити пресс, 1984
- Ситаншу Яшачандра Мехта. «Засуха» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1981; «Звезда» © Сахитья академи, 1980
- Кешав (Танаджи) Мешрам. Все стихи © Сахитья академи, 1980
- Гуру Просад Моханти. «Голуби моих глаз» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985; «Два сонета» © Сахитья академи, 1980

- Ситаканта Мохопатро.** Все стихи © Ситаканта Мохопатро, 1980, 1987, 1989
- Дипок Мисро.** «Тени в полдень» © Сахитья академи, 1980; «Две створки панно» © Дипок Мисро, 1989
- Годобориш Мохопатро.** «Женщина» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985, 1980; «Птица» © Сахитья академи, 1980; «Лес» © Ситаканта Мохопатро, 1989
- Шарадчандра Мадхав Муктибодх.** «Ничего помимо неба» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Вишну Нагар.** Все стихи © Вишну Нагар, 1982
- Нагнамуни.** «Деревянная лошадь» © Нагнамуни, 1978
- Притиш Нанди.** «Мироздание», «Безвременье», «Калькутта», «Река», «Ночь», «Молчание», «Сновидения», «Возвращение», «Преступление», «Круговорот», «По праву рождения», «Одиночество», «Музыка», «Дороги» © Притиш Нанди, 1981; «Любовь» © Атамарам и сыновья, 1974; «Скинь же с себя ароматные одеяния сна...» © Притиш Нанди, 1980; «Он обернулся не услышав ответа...» © Хинд покетбукс, 1975; «Скажи что такое тьма...», «Так мучительно сказать прости...» © Стерлинг наблшерз, 1986
- Нила Падманабан.** Все стихи. © Нила Падманабан, 1983
- М. Говинда Паи.** «Попугай» © М. Говинда Паи
- Горакх Пандей.** Все стихи © Горакх Пандей, 1983
- Р. Партасарати.** Все стихи © Оксфорд юниверсити пресс, 1977
- Чандрасекхар Патил.** Все стихи © Сахитья академи, 1981
- Оонто Поттонаюк.** Все стихи © Оонто Поттонаюк, 1985
- Арати Прабху.** «Прошайте» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Удай Пракаш.** Все стихи © Удай Пракаш, 1980
- Вишванатх Тивари Прасад.** Все стихи © Вишванатх Тивари Прасад, 1976, 1985
- К. В. Путтаппа (Кувемпу).** «Тень дерева» © К. В. Путтаппа, 1975
- А. К. Рамануджан.** «Несколько исторических зарисовок на индийские темы», «Еще раз о красоте», «Молитвы богу Муругану» © Оксфорд юниверсити пресс, 1976
- Сочи Раутрай.** «Вид на реку», «Открытка из Мельбурна» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Кришин Рахи.** «День и ночь» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980
- П. С. Реге.** «Слово» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Садананд Реге.** «Три фрагмента о Лао Цзы» © Сахитья академи, 1980

- Нараяна Редди. «Размышление» © Нараяна Редди, 1978; «Потоки
пламени и человек», «Крылатый замок» © Индиан каунсил фор
калчарал релейшнз, 1981
- Зубейр Ризви. Все стихи © Зубейр Ризви, 1984, 1988
- Ромаканто Ротхо. Все стихи © Ромоканто Ротхо, 1989
- Хадим Садарангани, «Появление слова» © Индиан каунсил фор
калчарал релейшнз, 1980
- Рагхувир Сахай. Все стихи, кроме «В поле» и «Созидающее дере-
во» © Рагхувир Сахай, 1975, 1982
- Нарасимхасвами. «Забывтая песня», «Я вспомнил тот день», «На
вокзале» © Сахитья академи, 1980
- Ман Мохан Сингх. «Собаки», «Сельские красавицы» © Ман Мохан
Сингх, 1982
- Кедарнатх Синх. Все стихи © Кедарнатх Синх, 1984, 1985
- Снехарашми. Все стихи © Джиннабхан Р. Десаи (Снехарашми),
1984
- Сомдатт. Все стихи © Сомдатт, 1986
- Маджрух Султанпури. Все стихи. © Маджрух Султанпури,
1980
- Рамеш Тендулькар. «Празднество». © Индиан каунсил фор кал-
чарал релейшнз, 1975, 1985; «Оазис», «Чудо», «Горы одеты
пылью». © Сахитья академи, 1980
- Хиро Тхакур. «Четыре стихотворения», «Свидетельство о смерти»
© Сахитья академи, 1980
- Амик Ханфи. Все стихи © Амик Ханфи, 1978
- Джогоннатх Чокроборти. Все стихи © Джогоннатх Чокроборти,
1984
- Нирендронатх Чокроборти. Все стихи © Нирендронатх Чокробор-
ти, 1983
- Шокти Чоттопаддхай. Все стихи © Шокти Чоттопаддхай,
1983
- Рагхувир Чоудхури. «Река» © Индиан каунсил фор калчарал ре-
лейшнз, 1981
- Арджан Шад. «Огонь» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз,
1980
- Шешендра Шарма. Все стихи, кроме «Обо мне самом» © Шешен-
дра Шарма, 1974; «Обо мне самом» © Индиан каунсил фор
калчарал релейшнз, 1981
- Раджендра Шах. «Возвращение домой» © Индиан каунсил фор
калчарал релейшнз, 1981; «Мой маленький дом», «Мгновение»,
«В тихих водах» © Сахитья академи, 1980
- Шахрияр. Все стихи © Шахрияр, 1986
- Шанта Шелке. «Сила воображения» © Индиан каунсил фор кал-
чарал релейшнз, 1975, 1985

- В. В. Ширвадкар (Кусумаградж).** «Тайна» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1975, 1985
- Шри Шри.** «Нищенка», «Правда ли», «Прогресс», «Другой берег», «Свет небес» © С. В. Раманна (Джунниор Шри Шри), 1984
- Свапнил Шривастав.** Все стихи © Свапнил Шривастав, 1982
- Нараян Шьям.** «На берегу моря» © Индиан каунсил фор калчарал релейшнз, 1980; «Бегство», «Подол песка» © Сахитья академи, 1985
- Ниссим Эзекииль.** «Еврейская свадьба в Бомбее», «О нищете», «Особое мнение», «Ганга» © Оксфорд юниверсити пресс, 1976, 1982

СОДЕРЖАНИЕ

Хем Баруа. Змея. <i>Пер. с ассамского В. Топорова</i>	5
Бава Бальвант. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	
Новая газель	7
Мать-земля	7
Пусть дует ветер	9
Колонна Ашоки	10
Погонщики каравана прошли	13
Ахтар уль-Эман. <i>Пер. с урду С. Северцева</i>	
* Когда же?..	15
* Незнакомый город	16
* Расставание	16
Прабху «Вафа»	
Моей благоуханной. <i>Пер. с синдхи А. Шараповой</i>	18
К.-С. Нарасимхасвами. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Забытая песня	19
На вокзале	20
Я вспомнил тот день...	21
Однажды ночью	22
Камбадасан	
Любовь и смерть. <i>Пер. с тамильского Е. Холмогоровой</i>	24
Время. <i>Пер. с тамильского А. Шараповой</i>	24
Хари Дильгир. <i>Пер. с синдхи А. Шараповой</i>	
Напевы	26
Вечная молодость	26
Притам Сингх Сафир	
Журавли прилетают каждую осень. <i>Пер. с панджабского</i> <i>О. Кольцовой</i>	28
Горстка земли. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	31
Выпрашиваю улыбку. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	32
Ничего в этом мире нет. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	33

Дина Натх Надим. <i>Пер. с кашмирского М. Курганцева</i>	
Луна	34
Ты не помнишь	34
Утро	35
Родинка	35
Первый цветок	36
Я спрошу	37
Ответьте!	38
Завтра	39
Наша родина	39
Горькое и сладкое	40
Гаджанан Мадхав Муктибодх. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Брахмаракшаса	42
Н.-В. Кришна Варияр. <i>Пер. с малаялам Е. Холмогоровой</i>	
Наводнение	48
Трилочан. <i>Пер. с хинди А. Шариповой</i>	
Критик	49
Клубок противоречий	49
Где же они?	50
Сухая ветка	50
М. Гопалакришна Адига. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Пусти корни в землю	52
Прошлое	53
Кайфи Азми. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Незнакомка	55
Винда Карандикар	
Небо очень тяжелое. <i>Пер. с маратхского А. Шариповой</i>	56
Гимн Ваджры. <i>Пер. с маратхского А. Шариповой</i>	57
Я гостя в собственном доме. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	57
Дар земли. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	58
Прощание. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	58
Я не хочу, чтобы ты расцвела. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	59
Пламя твоего тела. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	59
Метаморфозы. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	60
Сколько бы я ни пил... <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	61
Любимая, твоя жизнь хрупка, как жасмин. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	61
Поток. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	62

Сочи Раутрай. Пер. с ория В. Топорова	
* Открытка из Мельбурна	64
* Вид на реку	65
Г.-Д. Мадгулькар. Пер. с маратхского А. Зорина	
После войны	67
Гириджа Кумар Матхур. Пер. с хинди А. Сенкевича	
Соловьям, которые будут (Памяти Галиба)	68
Шубхаш Мукерджи	
* Шел я, шел... Пер. с бенгальского Ю. Александрова	71
* Ход конем. Пер. с бенгальского Ю. Александрова	73
* Люди добрые. Пер. с бенгальского Ю. Александрова	74
* «Не приветить цветами весну — ее дни далеки...» Пер. с бенгальского А. Сенкевича	74
Амрита Притам	
* Говорит женщина. Пер. с панджабского С. Северцева	76
* Капли света. Пер. с панджабского С. Северцева	78
* Хлеб мечты. Пер. с панджабского С. Северцева	79
Сегодня скажу Варис Шаху. Пер. с панджабского В. Летучего	80
Легенда о печали. Пер. с панджабского В. Летучего	81
Тост. Пер. с панджабского В. Летучего	82
Доспехи. Пер. с панджабского В. Летучего	83
Последний солнечный лучик. Пер. с панджабского В. Летучего	84
Медали. Пер. с панджабского В. Летучего	84
Маджрух Султанпури. Пер. с урду Н. Горской	
Газели	86
Караваны	91
Суреш Джоши. Пер. с гуджаратского А. Шариповой	
Мольба возлюбленного	93
Очарованный	94
Осколки зеркала	94
Валликаннан. Пер. с тамильского А. Шариповой	
Погок	96
Стоит над этим задуматься	96
Шаратчандра Мадхав Муктибодх	
Ничего, помимо неба. Пер. с маратхского А. Шариповой	98
Осуждая тебя... Пер. с маратхского А. Зорина	98
Шив К. Кумар. Пер. с английского Е. Колесова	
Самоубийство	100
Ожидание	100
Бытие	101
Отречение	102

Карма	102
Будда в ночном баре	103
Женщина, торгующая манго	103
Любовник моей матери	104
Шанта Шельке	
Вера и разум. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	105
Сила воображения. <i>Пер. с маратхского А. Шариповой</i>	105
Балагангадхар Тилак. <i>Пер. с телугу В. Топорова</i>	
Тени	107
Заявление о розыске	109
Слово поэта	110
Те дни	110
Сулейман Ариб. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Человек не может умереть	113
Смерть человечности	113
Сахир Лудхианви. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
«Где прежде ты была, куда ушла?..»	114
«Мир тузов, дворцов, корон и тронов...»	114
Таджмахал	115
Васант Бапат. <i>Пер. с маратхского А. Шариповой</i>	
Три стихотворения	117
Вернись поскорей...	118
Нараян Шьям. <i>Пер. с синдхи А. Шариповой</i>	
Строфы	120
Подол песка	121
Бегство	122
На берегу моря	122
Садананд Рече	
Три фрагмента о Лао-цзы. <i>Пер. с маратхского А. Шариповой</i>	124
Голоса. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	125
В.-Г. Бхатта. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Ты придешь сама	126
Приветствие	127
Снова звучит	127
Устремление	128
Время	128
Раджив Саксена. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Расследование	130
Ниссим Эзекииль. <i>Пер. с английского А. Прокопьева</i>	
Скорпион	132
Ворона	133
Еврейская свадьба в Бомбее	134
О нищете	136

Особое мнение	136
Ганга	137
Служанка	138
Рахман Рахи	
* Смотри! <i>Пер. с кашмирского С. Северцева</i>	140
Гуру Просад Моханти. <i>Пер. с ория А. Шараповой</i>	
Два сонета	141
Голуби монах глаз	142
Нирендронатх Чокроборти. <i>Пер. с бенгальского В. Тихомирова</i>	
Иисус в Калькутте	143
Главный душитель	144
Совместная смерть	145
Арджан Шад. <i>Пер. с синдхи А. Шараповой</i>	
Огонь	146
Шуканто Бхатточарджо. <i>Пер. с бенгальского М. Курганцева</i>	
У горизонта	147
Вулкан	147
Лестница	148
Адрес	149
Нет иного пути	149
Спичка	150
Урожай	150
Перо	151
Когда умру	152
Каннадасан. <i>Пер. с тамильского С. Северцева</i>	
* Моя невеста	153
* Плачь обо мне! (<i>На смерть сестры</i>)	153
Сукхбир. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	
Четыре стихотворения	155
Дхармавир Бхарати. <i>Пер. с хинди С. Северцева</i>	
* Цветок ночи	159
* Нет никакой необходимости...	159
Наваканта Баруа	
Наброски. <i>Пер. с ассамского В. Топорова</i>	162
Напросившийся. <i>Пер. с ассамского Е. Холмогоровой</i>	163
Шиварудраппа. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Под часами	165
Путь	166
Тернистый путь	167
Предупреждение	166
«Дом сдается внаем»	163

С.-Д. Саксена. Пер. с хинди А. Сенкевича	
Моя любовь как дом без крыши	170
Дар	170
Башмак Ибн Батуты	170
Ты — путешествие	171
Любовь — зонтик	171
Усталость	172
Пустая лодка	172
Дуэт	173
Прибежище	173
В этом лесу	173
Твое молчание	174
Солнце-акробат	174
Никто не придет (<i>На смерть жены</i>)	175
Ревность	175
Словно лодки, листья плывут	176
Дашаратхи. Песня Лотоса. Перевод с телугу В. Топорова	177
Мухаммад Алви. Пер. с урду Н. Горской	
Пустой дом	179
Сны пустынь	179
Новый год	179
Дом	180
Из назмов	181
Шешендра Шарма. Пер. с телугу В. Топорова	
Кораблекрушение	182
Мухи	182
Пора	183
Линия горизонта	185
Молчание	185
Буря	186
Опавшие листья	187
Родина солнца	188
Поиски спокойствия	189
О себе самом	190
Джан Нисар Ахтар. Пер. с урду Н. Горской	
Четверостишие	192
Жар поэзии	192
Ваялар Рамаварма. Пер. с малаялам. С. Северцева и А. Рудской	
Бамбуковая роща	193
Где ты, моя лебедица?	196
Аджит Баруа. Пер. с ассамского Е. Холмогоровой	
Две медных аргхи	198

Амик Ханфи. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Когда в одиноких ночах...	199
Возвращение	200
Ченнавира Канави. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Воробьяха	201
Тени над городом	202
Шириш Пан. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	
В пору дождей	203
Рагхувир Сахай. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Что я видел сегодня вечером	204
«Через дорогу кошка — шмыг...»	205
Война рыб и людей	205
Деловые люди	206
Девушки из банка	206
Мой дом	207
Рамдас	207
Гирлянды в руках	208
Грабитель	209
Вода	209
В поле	210
Весна	211
Останься в живых	211
Играть чтобы жить	211
Рассматривая фотоснимок	212
Созидающее дерево	212
Мангеш Падгаонкар. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	
Воспоминания возлюбленной	213
Некролог	214
Близость становится путами	215
Мы вырезаем свой мир из тумана	216
Бродяга	216
«В тот миг, когда тьма...»	218
Прозрение	218
Проси, что угодно.	219
А.-К. Рамануджан	
Несколько исторических зарисовок на индийские темы в дождливый день. <i>Пер. с английского О. Кольцовой</i>	221
Еще раз о красоте. <i>Пер. с английского О. Кольцовой</i>	222
Молитвы богу Муругану. <i>Пер. с английского О. Кольцовой</i>	223
Если вам нужна эта птица. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	228
И это тоже поэзия. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	228
Паттукотей Кальянасандарам. <i>Пер. с тамильского Е. Витков- ского</i>	
Моей возлюбленной	231

То, что мы делаем	231
Вот колодезный журавль	232
Надо жить, как человек	233
Арати Прабху	
Оптимист. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	235
Прощайте! <i>Пер. с маратхского А. Шараповой</i>	236
Гурчаран Сингх Рампурн, Пер. с панджабского В. Летучего	
Проститутка	237
Город Куберы	237
Завеса	239
Шрам	240
Тема	240
Моменты созидания	241
Шрикрант Варма	
* Третий путь. <i>Пер. с хинди Р. Рождественского</i>	242
* Город Капилавасту. <i>Пер. с хинди Р. Рождественского</i>	243
* Республика Кошала. <i>Пер. с хинди Р. Рождественского</i>	244
* Тень. <i>Пер. с хинди Р. Рождественского</i>	245
Метаморфоза. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	245
Бабур и Самарканд. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	245
Заря. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	246
Нараяна Редди. Пер. с телугу В. Топорова	
Размышления	247
Потоки пламени и человек	251
Крылатый замок	252
Ромаканто Ротхо. Пер. с ория А. Шараповой	
Портрет	254
Сказка	255
О.-Н.-В. Куруп	
Капля света. <i>Пер. с малаялам С. Северцева и А. Рудской</i>	258
Черный лодочник. <i>Пер. с малаялам С. Северцева и А. Рудской</i>	260
Поэзия и музыка. <i>Пер. с малаялам Е. Холмогоровой</i>	261
Слияние. <i>Пер. с малаялам Е. Холмогоровой</i>	262
Хирен Бхатточарджо. Пер. с ассамского Е. Холмогоровой	
Моя мать больна	264
Семицветник	264
Осенние пейзажи	267
Светлячки	267
Пробуждение	275
Одинокая молитва за свободу поэзии	275
Нила Падманабан. Пер. с тамильского Е. Витковского	
Слава	276
„Язык придержи за зубами	276

Видение	277
Иди вперед	277
Изъявление благодарности	277
Осел-грамотей	278
Перепалка	279
Расплата	279
Защита	279
Чужак	280
Расчленительство	280
Награды	280
Итог трудов	281
Страна	281
Страх	281
Кришин Рахи. Пер. с синдхи А. Шариповой	
День и ночь	282
Суреш Бхат. Пер. с маратхского А. Зорина	
Я улыбаюсь...	283
На рассвете...	283
Когда занималась заря	284
Мы останемся живы	285
Заветы юности	286
Прагматизм	286
Мои слезы...	287
Я спрашивал бога	287
Я ухожу...	288
Шонкхо Гхош	
Возрождение. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	290
Шокти Чоттопаддхай. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
Памяти Маника Бондопаддхая	292
Я спокойный, словно слово молитвы	293
Алокеронджон Дашгупто. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
Провидец	296
Тиресий	296
Нирмал Прабха Бардолон. Пер. с ассамского Е. Колмогоровой	
Непобежденная	299
Горестное	299
Рассвет	300
Раджагопал Партасарати. Пер. с английского О. Кольцовой	
Горький опыт (Фрагменты)	301
Изгнание	
1. «Ты мужчина, тебе тридцать...»	301
4. «Чистейший, пепел древних городов...»	302
8. «Серое небо давит на глаза...»	302

Испытание	
1. «Смертный, приветствую смерть...»	303
3. «Посмотри на город в мареве зноя...»	304
8. «Надвигается ночь: я чувствую...»	304
9. «Стук в дверь...»	304
10. «Августовский зной...»	305
13. «В эти дни часто думаю о смерти...»	306
15. «То, что было меж нами, поросло быльем...»	306
Возвращение	
1. «Мой язык — в оковах английского...»	307
4. «Прощаться — стало...»	307
10. «Вечером улица наваливается на дом...»	307
11. «Стиснутый чередованием дней...»	308
13. «Сегодня стер пыль со стола...»	308
14. «Перестаю быть собой, когда вижу...»	309
Сугата Кумари. <i>Пер. с малялам С. Северцева и А. Рудской</i>	
Дождь	310
Белые цветы	313
Кедарнатх Синх	
Солнце. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	317
«Братья и сестры!..» <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	318
Ладонь. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	318
В какой стороне Гималаи? <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	318
Разбитый грузовик. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	319
Нить. <i>Пер. с хинди О. Мелентьевой</i>	320
Поэт в большом городе. <i>Пер. с хинди О. Мелентьевой</i>	321
Камень. <i>Пер. с хинди О. Мелентьевой</i>	322
Қайлаш Ваджпен. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Деревья из плоти	323
Инфекция	323
Столица	323
В этой истомленной жаждой стране	326
Кумар Паши. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
В мире сновидений	328
Нирвана	328
День рождения	329
Зубейр Ризви. <i>Пер. с урду Л. Васильевой</i>	
Али бин Мутаки заплакал	330
Вещий сон о воде	331
О низкорослых	331
Праведные старцы	332
Романтики	333
Ответ	333

Лабхашанкар Тхсикар. <i>Пер. с гуджарати А. Смирнова</i>	
«На дороге...»	335
Дхумил. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Лежа рядом с женщиной	336
Поэт 1970	337
Шахрияр. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Вслед за тобою	341
О ночь!	341
Враг равновесия	341
Признание бессилия	342
Будь рядом	342
Дайте высказаться	342
«Немало на моей дороге вех...»	343
Джогоннатх Просад Дас	
Попрошайка. <i>Пер. с ория А. Шариповой</i>	344
Лакшман Бхатъя Комал	
Отрубленная рука Улугбека. <i>Пер. с синдхи А. Шариповой</i>	346
Сирпи Баласубраманьян. <i>Пер. с тамильского Е. Витковского</i>	
Летний полдень	347
Компания	349
Светофор, дитя полиции	349
Гриб	351
Зал бара в лунном освещении	352
Шив Кумар Баталви.	
Газель («Я привык сокрушаться и ночью и днем...»). <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	353
Судьба. <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	353
Тень моя тает. <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	354
Газель («В сердце моем одиноком тоска...»). <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	355
Газель («Я влюбился в твой город...»). <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	356
Зачем ты спрашиваешь, факир? <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	356
Ночь печали. <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	357
Дай мне песню взаимы. <i>Перевод с панджабского В. Летучего</i>	358
Мольба. <i>Перевод с панджабского О. Кольцовой</i>	359
Собеседник. <i>Перевод с панджабского О. Кольцовой</i>	360
Анируда Брахмабхатт. <i>Пер. с гуджаратского Е. Витковского</i>	
О, солнце!	362
Может быть	363
Один вопрос	363
Солнце	364

Рассказ о художниках	365
В стиле хокку	365
Ночь напролет	366
Ситаканта Мохопатро	
* Шут. Пер. с ория В. Топорова	367
Лес. Пер. с ория А. Шариповой	368
Птица. Пер. с ория А. Шариповой	369
Кешав (Танаджи) Мешрам. Пер. с маратхского А. Шариповой	
Роль	372
В нашем поселке	372
Кеки Н. Дарувалла. Пер. с английского Е. Колесова	
Мехар Али, страж мертвецов	375
О противоречивости сновидений	377
Рагхувир Чоудхури	
Река. Пер. с гуджаратского А. Смирнова	379
Сауриндро Барик	
Поэзия или молчание. Пер. с ория А. Шариповой	382
Мира	
Письма. Пер. с тамильского В. Топорова	384
Дилип Читре. Пер. с маратхского А. Зорина	
Глаза пророка	388
Раваджи Патель. Пер. с гуджаратского А. Смирнова	
Ураган	390
Шаз Тамкант. Пер. с урду Н. Горской	
Круг	391
Товар	391
Бодрствующий ночью	392
Раненные окна	392
Сомдатт. Пер. с хинди А. Сенкевича	
Все люди	394
Дом	394
Ганга Прасад Вимал	
Смысл. Пер. с хинди А. Сенкевича	396
Чандрашекхар Патил. Пер. с каннада Н. Мальцевой	
Ганди и собака	397
Когда-то, в давние времена...	397
Нагнамуни. Пер. с телугу В. Топорова	
Деревянная лошадь	399
Дипок Мисро	
Тень в полдень. Пер. с ория А. Шариповой	413
Две створки панно. Пер. с ория А. Шариповой	415
Хареш Вашвани. Пер. с синдхи А. Шариповой	
Интродукция к Печали и Счастью	417
Они восстали против своего бастардства...	417

Вишну Кхаре. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Пытаюсь понять	418
Нида Фазли. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Вуали	419
Рождение	419
Разрушился мост...	419
Вишванатх Прасад Тиварн. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Неисповедуемое, то есть исповедь	421
Сновидения	425
Ашок Ваджпейн. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Тайпа	426
Ожидание	426
Однажды дети	427
Слово	427
Душа — бесконечный сон тела	428
Приходи!	428
Во сне разметалась она пространством одетая	429
Как она жаждет мрака	429
Мои слова едва коснулись тебя	430
Она не говорит	430
Рождение сына	431
Дети	431
Умершая сестренка	432
Сестра в поезде смерти	433
Сиятаншу Яшачандра Мехта. <i>Пер. с гуджаратского А. Смирнова</i>	
Засуха	435
Звезды	437
Лакшми Нараян Мохопатро. <i>Пер. с ория А. Шариповой</i>	
Мантра	439
Бхайравайя. <i>Пер. с телугу Е. Холмогоровой</i>	
Я верю в бога	442
Никхилешвар. <i>Пер. с телугу Е. Холмогоровой</i>	
То что сказал ты — не ложь!.. . . .	444
Хиро Тхакур. <i>Пер. с синдхи А. Шариповой</i>	
Четыре стихотворения	445
Свидетельство о смерти	446
Джваламукхи. <i>Пер. с телугу Е. Холмогоровой</i>	
Дайте мне выступить свидетелем обвинения!.. . . .	448
Черабанда Раджу. <i>Пер. с телугу Е. Холмогоровой</i>	
Ржавь	451
Горакх Пандей. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Рождение и карма	452
Ода креслу	452

Песня умников	454
Их страх	456
О детях	456
Махасвапна. Пер. с телугу Е. Холмогоровой	
Заглушите оркестр, потушите факелы!.. . . .	458
Рамеш Тендудькар. Пер. с маратхского А. Шарановой	
Оазис	460
Празднество	460
Чудо	461
Горы одеты пылью	461
М. Метта. Пер. с тамильского В. Топорова	
Небо, сойди сюда!	462
Земля вращается	464
Свобода	466
Арвинд Кришна Мехротра. Пер. с английского О. Кольцовой	
«Мир — это типография...»	468
Распродажа	469
Октябрь	471
Disjecti membra poetae	471
Письмо другу	472
Притиш Нанди. Пер. с английского А. Прокопьева	
Мироздание	475
Безвремяе	475
Калькутта	476
Река	476
Ночь	476
Молчание	477
Сновидения	477
Возвращение	477
Преступление	478
Круговорот	478
По праву рождения	478
Одиночество	479
Музыка	479
Дороги	479
Любовь	480
«Скинь же с себя ароматные одеяния сна...»	480
«Ты прошептала эту полную ужасов тайну...»	481
«На холсте нарисованной ночи индиго сознания...»	481
«Он обернулся не услышав ответа...»	482
Скажи, что такое тьма...	483
«Так мучительно сказать «прости»...»	483

Манглеш Дабрал	
Окно. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	484
Свет на вершине валуна. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	485
Советы диктатора. <i>Пер. с хинди А. Зорина</i>	486
Усталый тиран. <i>Пер. с хинди А. Зорина</i>	487
Винод Бхардвадж. <i>Пер. с хинди О. Мелентьевой</i>	
Машинистка	488
Верни	489
Нарендра Джайн	
Бумажная лошадь. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	490
Его книга. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	491
Первая маска труса. <i>Пер. с хинди Ю. Сорокина</i>	492
Вторая маска труса. <i>Пер. с хинди Ю. Сорокина</i>	492
Третья маска труса. <i>Пер. с хинди Ю. Сорокина</i>	493
Четвертая маска труса. <i>Пер. с хинди Ю. Сорокина</i>	493
Пятая маска труса. <i>Пер. с хинди Ю. Сорокина</i>	494
Вишну Нагар. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Вера	495
Император	496
И даже дальше	496
Не спрашивайте	497
Вот-вот и наступит утро	497
Всего лишь одна капля	497
У меня под рукой одна краска	498
Письмо от брата.	498
Удай Пракаш. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Смерть	499
Клетка	499
Дочь плотника	500
Слушай, мастеровой	501
Кувшин	502
Анил Джанвиджай. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Это не стихотворение	503
Память	503
Страх	504
История двадцатого века	504
Ребенок	504
Отзывчивость поэта	504
Гаган Гил. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Пока девушка не столкнулась с горем	506
У некоторых девушек нет и мыслей о собственном доме	507
Свапнил Шривастав	
Гнездо. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	510

Сундучок. Пер. с хинди А. Сенкевича	511
Старое и новое. Пер. с хинди А. Зорина	511
Дэб Кумар Дас. Пер. с английского Е. Колесова	
О любви	513
«И было двуединство...»	513
«От истины до истины дорога...»	514
...Постфактум	515
О войне	515
Пролог	515
«В штыки!» — но голос командира...»	515
Видео	516
Океан	517
«Здесь, между скал на краю океана...»	517
«Когда океан, отступая с отливом...»	517
Космос	518
...Постскриптум	518
Комментарии	519
Краткие справки об авторах	525

И60   Индийская поэзия XX века. В 2 т. Т. 2: Пер. с разн. яз./Редкол.: Е. Челышев, Ч. Айтматов, Г. Анджапаридзе и др.; Коммент., краткие справ. об авторах О. Мелентьевой. — М.: Худож. лит., 1990. — 558 с. (Б-ка индийской лит-ры.)

ISBN 5-280-01248-3 (Т. 2)

Второй том сборника «Индийская поэзия XX века» представляет творчество среднего и младшего поколения индийских поэтов, таких, как Дина Натх Надим, Амрита Притам, Балагангадхар Тилак, Шуканто Бхотточарджи, Рагхувир Сахай и др. Переводы делались с пятнадцати языков, большинство — впервые.

И 4703020200-327 179-90
028(01)-90

ББК 84.5Ид

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА
В ДВУХ ТОМАХ

Составитель
О. Ю. Мелентьева

Том второй

Редактор А. Ибрагимов
Художественный редактор А. Моисеев
Художник серии В. Харламов
Технический редактор Н. Кошелева
Корректор И. Лебедева

ИБ № 5923

Сдано в набор 23.03.90. Подписано в печать 07.08.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типограф. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 29,4. Уч.-изд. л. 24,66. Тираж 38 000 экз. Изд.
№ VIII—3652. Заказ 532. Цена 3 р. 30 к.

Орден Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература».
107982, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Владимирская типография Госкомитета СССР по печати
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

